

Колонка главного редактора

Дорогие друзья!

Выходит в свет очередной номер нашего журнала.

Наряду с традиционными рубриками – поэзия и проза, предлагаем вашему вниманию и совершенно новые – «Собираем чемоданы», «Смеяться разрешается».

Серьезные изменения претерпевает рубрика «Детское чтение», где начиная с этого номера будут публиковаться произведения детей.

Открываем новую рубрику, которая, надеемся, станет традиционной – «Столик у окна». В японской литературе со времен средневековья существует жанр короткой прозы – дзуйхицу, что буквально означает «вслед за кистью», где автор записывает все, что приходит ему в голову. В XX веке в европейской прозе появился литературный прием модернистского направления «Поток сознания», где мысли,

ощущения, воспоминания, внезапные открытия причудливо переплетаются и превращаются в откровенные авторские монологи. Да и нашу многонациональную страну не обошло стороной это любопытное явление, достаточно вспомнить акынов Средней Азии и фольклор малых народностей Крайнего Севера – «что вижу, то пою». Мы решили объединить все эти творческие направления в нашей маленькой, но очень емкой рубрике «Столик у окна», где будем говорить и обсуждать все, что в голову придет. Надеемся, что вам будет интересно. Рубрику ведет Анна Народицкая.

Искренне желаем получить удовольствие от прочтения нашего (и вашего) журнала.

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

НОВОСТИ, СОБЫТИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ 5

ИНТЕРВЬЮ..... 8

- *ИНТЕРВЬЮ С РУКОВОДИТЕЛЕМ МОСКОВСКОГО САЛОНА ЛИТЕРАТОРОВ, ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ ОЛЬГОЙ ГРУШЕВСКОЙ «СЕЙЧАС Я ДУМАЮ УЖЕ ИНАЧЕ О БОРЬБЕ, О ЖИЗНИ И О ГОРДОСТИ...»*

Проза 13

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва) 13

- *ЧЕРНЫЙ КОТ С БЕЛЫМИ КРЫЛЬЯМИ*

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва) 22

- *ПУТЬ В НИКУДА*
- *ЖЕРТВА ГЛАМУРА*
- *ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ*
- *СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ*

ИВАН МАЗИЛИН (МОССАЛИТ, Москва) 27

- *ФРУЖА (отрывок из повести)*

ПЕТР ДУБЕНКО (Ташкент) 35

- *ПУТЕШЕСТВИЕ К ЗАТЕРЯННЫМ МИРАМ*
- *ДУШЕГУБ*
- *У НЕЗНАКОМОГО ПОСЕЛКА*

Поэзия.....

ОЛЬГА МОИСЕЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ДОРОГА РЫЦАРЯ (поэма)*

АНДРЕЙ БАРАНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР ВОЛОВИК (Москва)

МИХАИЛ ВЯТКИН (Москва)

ЕЛЕНА ПАВЛОВА (МАГИ, Москва).....84

ЕЛЕНА ЕРОФЕВА-ЛИТВИНСКАЯ (Международная Ассоциация Граждан

Искусства – МАГИ, Москва) 86

БОРИС РЕЖАБЕК (Москва) 88

НАДЕЖДА СТРЕЛКОВА (СОЛНЕЧНАЯ ЖЕНЩИНА) (МОССАЛИТ, Москва)...89

Прошу любить и жаловать

ЗНАКОМЬТЕСЬ – НАДЕЖДА ГУСЕВА..... 90

Детское чтение.....97

НАСТЯ ОМЕЛЬЧЕНКО (Москва)..... 98

- *ЕДИНАЯ СИЛА (верлибр)*

МАША СУДАРИКОВА (Москва)..... 99

- *ПРИКЛЮЧЕНИЕ МУРАВЬИШКИ РИКИ (сказочная повесть)*

Столик у окна

- Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)105

Смехотека..... 108

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва).. 108

- *«ПОКА МЫ ДУМАЕМ КАК УБИТЬ ВРЕМЯ, ВРЕМЯ УБИВАЕТ НАС» АЛЬФОНС АЛЛЕ*

ИЛЬЯ КРИШТУЛ (Москва).....112

- *МОСКВА (Из цикла «Великие города мира»)*
- *БОЛОГОЕ (Из цикла «Великие города мира»)*
- *РЕЗЮМЕ*

Записки на манжете

ИРИНА ЧИЖОВА (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

- *ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВОРОН*

Собираем чемодан..... 118

ЗИНАИДА КОКОРИНА

- *ЖЕМЧУЖИНА КЁЛЬНА*

Новые издания авторов МОССАЛИТА 123

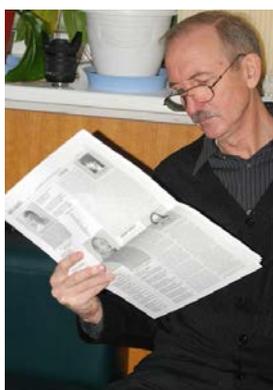
В оформлении журнала использованы фотоработы Центра фотографии имени братьев Люмьер, репродукция картины М.К.Эшера, авторские рисунки С.Колобкова, О. Грушевской, А.Народицкой.

НОВОСТИ, СОБЫТИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литгостиная, Салон, Детская площадка

В нашей Литературной гостиной и на Детской площадке по-прежнему ежемесячно проводятся творческие встречи и вечера. Так, новый осенний сезон в Литгостиной открылся 23 октября презентацией газеты «Интеллигент», и, как обычно, свои произведения читали наши авторы. А 25 октября на Детской площадке прошла встреча старшеклассников с писателем-фантастом Ольгой Моисеевой. Подробности вы можете узнать на нашем сайте.

*А. Сухих и И. Бурдонов, Презентация
«Интеллигента», Литгостиная*

О. Моисеева, Детская площадка

Отдельно хочется сказать о Домашних спектаклях и хеппенингах, ставших уже традицией салона Ольги Грушевой. Вовсю идет подготовка новогоднего действа «Снежная Королева», приглашаем всех желающих принять участие в этом занимательном и веселом мероприятии. А на сайте Моссалита вы можете узнать, что такое хеппенинг, почитать сценарии уже прошедших спектаклей - «Предновогоднее Алисокружение» и «Муха» - и посмотреть фотоотчет.

Салон, «Муха», 2011

Театр «КомедиантЪ»

В мае театр принял участие в праздновании Булгаковского юбилея, театр выступал сразу и в Киеве, и в Москве: в Москве - с драматическим ноктюром «Велик и страшен год 1918» по мотивам «Белой гвардии», а в Киеве - с фрагментами разных спектаклей, причем в самом «Доме Турбиных» на Андреевском спуске.

В июле был снят видеоролик для песни «После пикника», (музыка Антона Родионова, стихи Алёны Чубаровой). Это вторая экспериментальная работа такого рода после «Деловой мамы».

Идет монтаж документального фильма «Круглый горизонт» об одесском художнике Юрии Егорове. Съемки фильма прошли в августе в Одессе.

*И. Егорова на съемках
фильма «Круглый горизонт», Одесса*

В сентябре в день города была показана лирико-сатирическая зарисовка «Булгаковская мозаика в рамках квартирного вопроса» по фельетону Булгакова «Москва 1921 г.»

Литературный Клуб «Подвал №1» (июнь-сентябрь)

20 августа у старейшего члена клуба поэтессы Марии Панфиловой на даче состоялся Литературный пикник. Свои произведения читали: Мария Панфилова, Игорь Бурдонов, Людмила Василенкова, Кадрия Галеева, Владимир Герцик, Виктория Шпак, Эдуард Шульман.

24 сентября в клубе состоялся вечер «Моя любимая картина». В исполнении авторов прозвучали стихи, проза, были выставлены акварели, рисунки, даже без танцев не обошлось. В программе приняли участие Алла Биндер, Василий Геронимус, Марина Левина, Михаил и Вера Липатовы, Вилли Мельников, Анна Младковская, Григорий Одинцов, Иосиф Рабинович, Борис Режабек, а также – уже вне программы – Игорь Бурдонов, Владимир Герцик, Виктор Коллегорский, Геннадий Куртик.

У Александра Белугина, куратора клуба «Подвал №1», прошел ряд выставок:

С 1 по 20 июля 2011. Галерея «Ходынка». Выставка картин «Русское УКИЕ» (публикация в газете «Наш изобразительный №8\206\ август 2011).

20 августа 2011. 48-ой артфестиваль в г. Струмица (Македония). Выставка картин.

20 сентября 2011. Галерея «Кисевска Ликовна Колония» в г. Скопье (Македония). Выставка картин.

3 октября 2011. в Московском доме национальностей А. Белугин принимал участие в открытии вечера Македонского

культурного центра, посвященного славянской поэзии, и вернисажа болгарского художника Светлозара Недева.

28 сентября в Международном фонде славянской письменности и культуры начался цикл вечеров «Слово правит миром» Виктора Коллегорского, старейшего и неперемного члена клуба, поэта и переводчика, преподавателя поэтики и риторики, руководителя школы поэтического мастерства Риторического центра «Златоуст» (совместно с Владимиром Аннушкиным).

29 сентября состоялось открытое заключительное занятие курса «Риторика – ораторское мастерство – культура общения» и традиционное заседание «Риторического клуба».

ИНТЕРВЬЮ

с руководителем Московского Салона Литераторов

ОЛЬГОЙ ГРУШЕВСКОЙ (Стефания Солис)

«Сейчас я думаю иначе о борьбе, о жизни и о гордости...»

Прозаик, переводчик. Родилась и живет в Москве. Окончила МГПУ им. В. И. Ленина, факультет английского языка; МосГУ, факультет психологии.

В 2006 году вышел первый сборник рассказов и повестей «Лента Мёбиуса». Печаталась в журналах «Разумный мир» (Москва), «Цолкер» (Ереван), в альманахах «Не случайные встречи» (М., 2010), «Секрет» (Израиль, 2010), в сборниках современной московской прозы «Время московское» (2007), «Московский Дом», в журнале «Московский BAZAR». В 2008-2011 гг. возглавляла Редакционную и Судейскую Коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Моссалит».

* * *

Беседу ведет Ирина Чижова, член Моссалита, редактор журнала «Московский BAZAR».

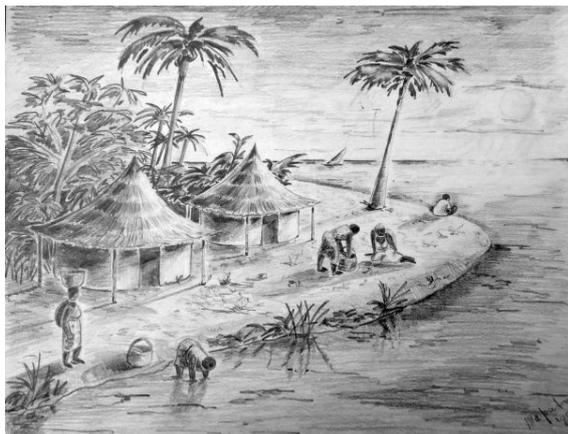

И.Ч.: Ольга, о себе всегда говорить очень сложно. Для себя любимого все кажется важным. Не понятно, что считать точкой отсчета – с чего начать? С рождения физического или духовного?

О.Г.: Перебираю в памяти карточки-файлики с событиями, которые сыграли в моей жизни важную роль, и понимаю, что события событиями, но ведь что-то уже было в тебе самом, если ты выбрал именно тот путь, принял именно то решение... Сейчас, анализируя то или иное событие или свои поступки, вижу, как постепенно меняются мои взаимоотношения с жизнью, как «фильтруется» все проистекающее рядом, разделяясь на главное и второстепенное. Некоторые называют это мудростью, опытом. Теперь я отношусь и к себе, и к жизни с большой иронией, хотя и остаюсь в душе по-прежнему неисправимым романтиком.

И.Ч.: И все-таки, как все начиналось?

О.Г.: Родилась я в Москве, в типичной семье физиков-лириков 60-х годов: папа - ученый-математик, мама – на международной работе. Окончила школу в районе метро «Аэропорт», затем английский факультет МГПУ им. В. И. Ленина – волшебные годы студенческого братства, неосознанного счастья от собственной молодости. Друзья, экзамены, капустаники, первая любовь... После института меня, как и всех, направили по распределению в школу - преподавателем иностранных языков (ввиду нехватки кадров нагрузили тогда сразу и английским, и немецким). Но, проработав год, я уехала в Африку.

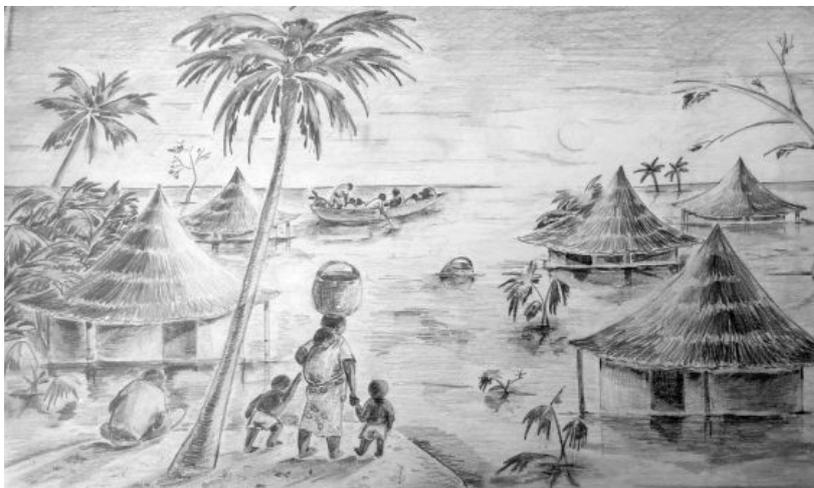

Закат в деревне, карандаш

На самом деле, уехала я не одна, а с мужем, которого направили работать в Мозамбик по контракту. Мужчин в советские времена отправляли за границу только с женами, а молодых мужчин – тем более, поэтому как член семьи и верная жена я уехала с ним.

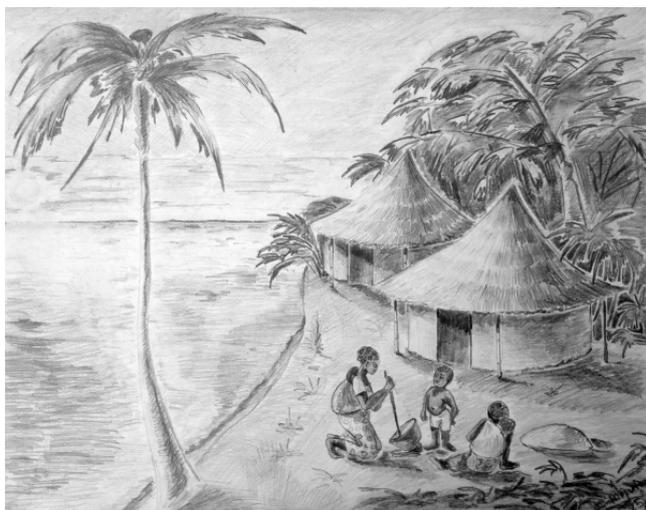
Оказавшись на другом конце света, я вскоре и сама начала работать - в корпункте газеты «Известия», который отвечал за весь южный регион Африки, а это 12 стран. Корреспонденту «Известий» срочно требовался помощник и переводчик, и я предложила свои услуги – молодая, активная, трудолюбивая и совершенно нетребовательная - главное, хоть чем-то заниматься полезным.

Именно в Африке я и приобрела свой первый жизненный опыт. В Мозамбике тогда шла гражданская война – при «поддержке демократических сил» местное население выгнало «злых» португальцев-колонизаторов, оставшись полностью у разбитого корыта. Что делать дальше, а точнее, как вести хозяйство, да управлять страной толком никто не знал, а потому в стране царили

Наводнение, карандаш

ужасающие бедность и разруха. В ротондах и виллах, брошенных португальцами, из паркетных досок и мебели жгли костры, варили еду, поджывая последние запасы, оставшиеся от колонизаторов, и лелея надежду, что кто-то еще их накормит, например,

Женщина с детьми, карандаш

страны СЭВ. Приходила в полный упадок некогда необыкновенной природной красоты и колониальной архитектуры столица Мапуту, расположенная на океане, а посему бывшая некогда известным африканским курортом. По ночам раздавались автоматные очереди, что-то отчаянно кричали по-португальски, время от времени после выстрелов визжали собаки. В городе иногда совершались диверсии - взрывали важные объекты, например, аэропорт, железнодорожные линии – это делили власть два родных брата, оба

претендующих на президентство в молодой Республике. Тот, который претендовал сильнее и имел большую от нас (бывшего Союза и стран СЭВ) поддержку, естественно,

в результате и оказался у руля – Самора Машел, бывший студент московского Университета дружбы народов им. П.Л.

И.Ч.: Вы так подробно рассказываете о своей африканской жизни. Надо ли понимать так, что этот период оказал очень сильное влияние на всю вашу дальнейшую жизнь?

О.Г.: Я чувствовала себя щенком, брошенным в воду: жизнь на меня - тогда молодую, зеленую и все принимающую за чистую монету (домашняя была девочка с косичками и пятерками в дневнике) - обрушилась всей своей сокрушительной мощью, да по всем фронтам: куча работы по 10-12 часов в день (все, что связано с деятельностью корпункта в «горячей» точке – переводы устные, письменные, срочная подготовка материалов и т.д.); множество новых незнакомых и непонятных людей – новые отношения, новая культура, «подводные камни» проживания и общения в советской «колонии», придворные интриги тамошних советских структур, обратная сторона международного интернационализма и пр., а кроме того, домашнее хозяйство, познание «премудростей» семейной жизни вдаль от мамы с папой и друзей – посоветоваться-то было не с кем... В общем, вернулась в Москву я уже другой.

И.Ч.: И что же дальше?

О.Г.: Дальше началась обычная московская жизнь – работа, семья, рождение сына, перестройка и все связанные с ней сложности, короче, – все как у всех. В какой-то момент сказалось мое увлечение психологией – окончила Московский гуманитарный университет по психологии управления, там как раз преподавались тогда новые для нас дисциплины с красивыми названиями: «мотивация персонала», «рекрутмент» и «моделирование управленческой деятельности», «методы самооценки». Все это, конечно, помогло в моей будущей административной работе.

И.Ч.: Я знаю, что вашей бабушкой является Зиновия Маркина – наша первая женщина-драматург. О ней вы написали свою статью «В память об Атлантах». Расскажите подробнее о семье и об атмосфере, в которой вы росли.

*Ялта, съемочная группа, 1928 г.
Зиновия справа, в темном платье*

О.Г.: Я росла в большой и шумной семье моих бабушек и дедушек – кинематографистов, сценаристов – первый и второй выпуск ВГИКа. Дом был вечно полон каких-то забавных людей – так было заведено: бабушка, в тот период известный сценарист, принимала у себя всех и всем помогала. За свою жизнь она совершила множество добрых дел, об одном из которых я даже написала роман под названием «Дракон». В нашей семье всегда царила атмосфера творчества.

Это ощущалось и в московской квартире на улице Щукина, затем в квартире на «Аэропорте», на даче во Внукове, где добрыми соседями бабушки были и Любовь Орлова с Александровым, и Игорь Ильинский, и Леонид Утесов, и Юрий Милютин. Дух творчества присутствовал в бесконечных ночных спорах за чаем с яблочным пирогом, в разбросанных по дому отпечатанных на машинке страницах из рабочих сценариев, в непонятных мне тогда словах «кинопробы», «редактура», «соавтор», «позвони МарИсак...», на худой конец – Маргоше...» и т.д. Мне многое тогда было не понятно: например, почему кто-то жил у бабушки неделями, с чемоданами, в ожидании какого-то

разрешения или паспорта... Лет в 10 я осознала, что вместе с бабушкой слушаю «Голос Америки», а еще позже «Радио Свобода».

Выступление Леонида Утесова на Красной Площади, 1937 г.

В общем, весь этот жизненный круговорот, эта жизненная энергия не прошли бесследно – мой дом и сегодня полон друзей, а мы в семье храним не только пожелтевшие фотографии в семейных альбомах, но и чтим традиции. Семейные истории кочуют у нас из поколения в поколение, яблочные пироги пекутся по старому рецепту (если, конечно, есть пауза в этой суетной жизни), в рамочке на стене висит адресованное бабушке письмо Джона Стейнбека (о вручении Нобелевской премии), а на

домашние капустники мы достаем сохранившиеся до сих пор старые шляпы и перчатки, – дух живет, а значит, и корни живы. Ведь очень страшно, если великое поколение столпов русской культуры, рожденных в начале прошлого века, впитавших лучшие ее традиции, и, таким образом, сумевших привнести и сохранить в культуре молодой советской эпохи «чеховские» ценности, – это поколение сотрется из памяти современного человека, как некогда исчезли-вымерли динозавры. Навсегда.

И.Ч.: Когда же вы начали писать?

О.Г.: В 10 лет я начала что-то тыкать пальчиком на бабушкиной печатной машинке. Это были маленькие зарисовки-диалоги, у которых никогда не было конца. Достойный конец мне никогда не удавался – ни в жизни, ни в повестях, все больше у меня все умирали как у господина Уильяма Шекспира в «Гамлете»: *«Похоронный марш. Все уходят, унося тела, после чего раздастся пушечный залп»*. Видимо, торжественный трагизм есть некая черта романтичности, которой я долго страдала, как все нормальные девочки-подростки, и не исключено, что страдаю по сей день. Что-то достойное внимания я начала писать только лет в 18 – писала, складывала в ящик, писала, снова складывала. Писала, естественно, что-то о роковой любви и переживаниях, а иногда и сочиняла сюжеты в стиле Айрис Мердок, под влиянием которой тогда находилась. Потом моя любовь к Мердок прошла, а ящик заполнился моими «нетленками» так, что уже не закрывался - я остановилась.

И.Ч.: Долгой ли была эта пауза?

О.Г.: Я вернулась к «писательству» лишь в 2000 году – так сложились события моей жизни: необходимо было выплеснуть на бумагу все, что накопилось в душе – выплеснуть одним махом, чтобы не умереть. Так появилась «Лента Мёбиуса», а за ней уже и многое другое – я опять открыла старый ящик стола, что-то перечитала – посмеялась, где-то с укором покачала головой, где-то с умилением поплакала, добравшись до какого-то собственного любовного излияния, так и не смогла вспомнить, по ком лила девичьи слезы. Все собрав, я с удовольствием взялась за работу: многое переработала, отредактировала, положила в основу новых рассказов. А потом так разогналась, что до сих пор не могу остановиться – много новых идей, замыслов.

И.Ч.: Есть ли у вас другие увлечения, кроме писательства?

О.Г.: Кроме работы и писательства, у меня еще есть множество моих больших и маленьких дел – мир велик и так хочется все успеть. Когда я вышла замуж и укатила в Африку, то вернулась оттуда не только с упомянутым выше жизненным опытом, но и с множеством собственных набросков и картин акварелью и маслом (громкое слово!), благо два года художественной школы при театральном училище не прошли даром. На моих «картинках» доминировали крупнозадые фактурные чернокожие женщины с поклажей на голове в окружении грязных босоногих ребятишек – это был мой любимый сюжет. Думаю, психотерапевт

Женщины, карандаш

усмотрел бы в этом целый набор детских комплексов. Еще мне нравилось ухватить какую-нибудь «усталую» позу старика, присевшего на перевернутую лодку на берегу океана, или запечатлеть двух громогласных соседок, зацепившихся языками прямо на проезжей части на фоне колоритного колониального городского пейзажа. Очень люблю графику, карандаш. Я вообще много чего люблю. Если бы было время, то занялась бы черно-белой фотографией, сделала бы серию городских портретов. Но это пока только мечта.

И.Ч.: Как вы сами относитесь к своему творчеству?

О.Г.: Поскольку мое творчество это, скорее, хобби, я отношусь к нему всегда с легкостью и удовольствием. Люблю учиться, а потому никогда не боюсь критики - бита нещадно. А, кроме того, мое творчество – это еще и очень личное пространство моего обитания, где ведется бесконечная беседа с самой собой, беседа, которая дает бесценную возможность, познать самое себя, а познав, открыть вокруг себя мир и людей-человеков.

И.Ч.: Так о чем же вы пишете свои рассказы и диалоги-размышления?

О.Г.: Пишу о человеке как о явлении: о мужчине и женщине - двух параллельных мирах, о ребенке и его отстраненности, о пронзительном одиночестве суетливого города, о добре и зле, пребывающих в вечно условном антагонизме.

И.Ч.: А где же та грань, которая разделяет этот условный антагонизм?

О.Г.: Она все время скользит. То, что некогда воспевалось, может обрушиться в одну секунду. Помните, как в школе учили нас, что «жизнь есть борьба», а гордость считалась одним из признаков силы характера и добродетели. Я долго следовала этим понятиям. Сейчас я думаю иначе и о борьбе, и о жизни, а гордость теперь для меня не что иное, как проявление слабости и глупости. «Гордые люди сами вскармливают злые печали», - как очень точно подметила в своем «Грозовом перевале» Шарлота Бронте.

И.Ч.: Я знакома с вашим творчеством. Мне в ваших произведениях очень нравится ирония, умение видеть смешное в отношениях людей, очень тонко описывать комичные ситуации, это ваш особый авторский почерк, шарм, стиль. Мне кажется, вы сами даже не сознаете, насколько сильна эта ваша сторона. Я права?

О.Г.: На мой взгляд, ирония – это единственный инструмент, который помогает сегодня «выжить», поскольку именно благодаря иронии можно углядеть хорошее в плохом, надежду в безысходности. А, кроме того, хорошая мудрая ирония - это явный признак ума, ведь, как сказал наш любимый Барон М., все глупости на свете совершаются исключительно с серьезным выражением лица.

ПРОЗА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧЕРНЫЙ КОТ С БЕЛЫМИ КРЫЛЬЯМИ

*...Осень вдруг напомнила
Душе о самом главном,
Осень, я опять лишен покоя...*

Ю. Шевчук

Стояла поздняя осень, и было холодно. Но в московском метро всем было жарко и душно. Никто не мог приспособиться к этому температурному недоразумению, поэтому люди выглядели недоброжелательными и угрюмыми. А, кроме того, почти все они знали, что в ближайшее время ничего не изменится. И не только в метро, но и в их жизни. Хотя некоторых эта стабильность устраивала: она создавала уверенность в завтрашнем дне и иллюзию вечной жизни.

Когда открывались двери и поезд выплевывал на станцию часть своих пассажиров, легкий сквозняк проникал в напряженный вагон, и тогда общая раздражительность сменялась единодушным безразличием.

Выход был один - уткнуться носом в книгу и ни на что не обращать внимания. Но в тот день книгу она забыла и нервно крутила головой, так как по утрам ей трудно было сосредоточиться на какой-то одной достойной мысли.

А потом она увидела его.

Она видела его уже несколько раз.

Впервые она его увидела в магазине, недалеко от дома, спустя год после того, как они расстались. Это было настолько неожиданно, что она решила, что просто обозналась. Но потом это повторялось еще несколько раз, и каждый раз она гнала от себя этот фантом и даже постаралась забыть об этом, как о какой-то своей болезненной выдумке.

«Мы расстались навсегда», - говорила она себе и звонила своей подруге:

- У нас у каждого теперь своя жизнь, - говорила она ей. - Я прекрасно понимаю, что мы уже никогда не будем вместе.

Но потом она клала трубку и хмурила брови: «Но, может быть, это не случайно, и я ему зачем-то нужна?»

И вот опять. Впереди в черно-синей толпе выделялся широкоплечий мужчина в темном пальто с поднятым воротником.

«Опять он! Это совершенный он, - думала она, быстро стуча каблуками по длинному переходу метро. - Перестань смотреть в его сторону, ты же понимаешь, это не может быть он, - мысленно говорила она себе, вбегая на эскалатор и натягивая шерстяную панаму. - К тому же он всегда на машине, в метро его не встретишь, нет, это не он».

Мужчина по-прежнему был впереди нее и, ни о чем не подозревая, спокойно стоял на ступеньке эскалатора, широко расставив ноги и засунув руки в карманы.

«А вдруг это все-таки он? Бред какой-то, - она посмотрела на часы - опять набежали эти предательские пять минут! - Но как похож! Чуть высоковат, правда, но походка его; да и затылок тот же, даже сутулится так же. Надо же, но так ведь не может быть!»

В какую-то минуту мужчина неожиданно обернулся и скользнул взглядом вниз по безликой толпе, но взгляды их не пересеклись: она тут же опустила голову и зарылась носом в пушистый шарф.

«Черт, - зажмурилась она. - Похоже, точно он. Я так и знала, что опять его встречу».

В это время, доставая из сумки перчатки, она резко дернула молнию, и замысловатый металлический замок, украшавший ее сумку, разлетелся на мелкие части. Она растерянно закрутила головой и даже наклонилась пару раз, пытаясь под ногами пассажиров разглядеть мелкие детали. Но под ногами было темно.

К тому же пассажиры на эскалаторе поглядывали на нее тревожно, выражая недовольство из-за ее суетливых движений. Она сначала попыталась им вежливо улыбнуться и объяснить:

- Кажется, я что-то потеряла, - но потом обречено покачала головой и еле слышно заключила:

- Кажется, я это уже не найду.

Она посмотрела вверх - высокая фигура по-прежнему виднелась впереди.

Неожиданно кто-то тронул ее за рукав, и она оглянулась:

- Вот то, что вы ищите, - буркнула объемная тетка в мохеровом берете и ткнула пальцем себе под ноги.

В рифленой эскалаторной ступеньке поблескивало что-то металлическое. Она с трудом выковыряла из щели сразу две детальки, очень похожие на ее замок и, поблагодарив сердобольную тетку, вновь посмотрела вверх.

Мужчина сошел с эскалатора, повернул направо и направился к выходу. Она разглядела его профиль: прямой нос, чуть нахмуренные брови, плотно сжатые губы, и удивилась, насколько чужим он выглядел в ту минуту. Она хотела было поспешить за ним - хотя бы посмотреть, куда он пойдет, но встречная толпа отнесла ее в другую сторону, и она полностью потеряла его из виду.

Тогда она на секунду остановилась, с облегчением вздохнула и была рада, что не догнала его. Она знала точно, что не хотела ничего продолжать. К тому же ей нечего было ему сказать. В следующий раз она уже не забудет взять свою книгу, следовательно, не будет вертеть головой и разглядывать окружающих.

Вбегая в офис, она заметила грустное лицо секретарши. Оно говорило о том, что за прошедшую ночь в ее жизни что-то произошло, но она не придает этому особого значения. Хотя, конечно же, окружающие могли бы и поинтересоваться, что у нее на душе.

И она поинтересовалась:

- Что-то случилось?

Та вздохнула:

- Случилось, - и тут же заметила: - У тебя сумка расстегнута.

- Я знаю, - она махнула рукой и ткнула в сломанный замок, - разлетелся вдребезги, - а потом добавила, кинув на стол, словно кости, несколько металлических штучек. - А это его части.

- Ну-ка, - ловкая секретарша тщательно все изучила, покрутила в руке странные металлические предметы и с сомнением подняла глаза:

- Что это? Где ты их нашла?

- В метро, из щели вытащила, - гордо объяснила она, а потом изумилась: - А может, это что-нибудь от эскалатора?

- Вот и мне так кажется, отнеси-ка лучше в мастерскую, - секретарша отставила сумку в сторону и вновь загрустила.

- Да что у тебя стряслось то? Говори скорей, что такое?

Секретарша горестно покачала головой:

- Я совсем с этим переездом замучилась! А вчера собралась с силами да со всеми оставшимися кулками и покончила. Пакетов образовалась куча, какие-то свертки, коробки... Поймала первую встречную машину, все загрузила, потом выгрузила - слава богу, водитель помог, ну, а когда уже домой поднялась, отдышалась, тут и поняла, что сумки то моей и нет... В машине оставила!

- Какой сумки?

- Какой? - секретарша подняла брови. - Да той, с которой я везде хожу - моей, личной сумки!

- Это ужасно! - ахнула она и с сочувствием поджала губы.

- Вот и я так думаю, - секретарша нервно забарабанила пальцами по столу.

- Но, может быть, еще все образуется, - предположила она, поскольку знала, что если ждать, и ждать достаточно долго, то может появиться надежда на то, что все будет хорошо.

- Ничего не образуется, - возразила секретарша, поскольку ждать чего-либо ей уже надоело. - Кто ж целую сумку с вещами и деньгами возвращать будет? Дураков на свете нет.

- А вдруг? Может, водитель тебя еще найдет - ведь может же такое быть... - и она посмотрела на себя в зеркало, чтобы убедиться, что не сильно изменилась за время пути. Однако, оставшись несколько разочарованной, она быстро провела щеткой по волосам. - А что там было то, в сумке?

Секретарша подняла на нее усталые глаза и задумчиво сказала:

- Вся жизнь...

«Вот так, - думала она, включая компьютер и проглядывая свои дела на день, - умчалась вся жизнь в чужой машине, в одно мгновение. А потом объявится добрый дяденька и скажет, вот вам, тетенька, ваша жизнь, забирайте ее обратно. А тебе она вроде, как и не нужна уже».

Ближе к обеду позвонил ее бывший муж и сообщил, что хочет встретиться в выходные с сыном. А потом еще предложил и ей к ним присоединиться. После долгого перерыва в общении, незамедлительно последовавшего после их официального развода, его предложение показалось ей интересным, и она с удовольствием согласилась, мысленно перетасовывая все свои планы.

«Вот так, - думала она при этом, покачивая ногой и разглядывая острые носки своих туфель, - теперь, когда я осталась совсем одна и рядом больше нет объекта его ненависти, он, похоже, вновь решил взять надо мной шефство».

За окном усилился дождь, безжалостно штрихуя косыми холодными росчерками кирпичную стену дома напротив. Едким неоновым светом в центре стены высвечивалось большое окно другого офиса, где, как на экране кинотеатра, протекала чья-то чужая жизнь. Эта жизнь никак ее не касалась, но ей нравилось смотреть, как эти люди говорят по телефону, смеются и переговариваются, открывая рты и не издавая ни единого звука. От этого мимика и жесты их казались ей особо гротескно значимыми, как у героев немого кино. Она понимала, что и они тоже видят ее, и она также является для них беззвучным объектом праздного наблюдения.

«Зверушки», - прошептала она и повернулась на стуле к ним спиной.

Уже совсем к вечеру, когда были сделаны почти все намеченные дела, и глаза утратили энергичный блеск, и захотелось откинуться на спинку кресла, раздался еще один телефонный звонок. В трубке послышался голос ее хорошего приятеля.

- Привет, - улыбнулась она в трубку и запустила на компьютере старенькие «Lines».

Тот сообщал, что вновь в Москве, что весь в делах, что очень скучает и не может забыть их последней встречи, что она жестокий и бесчувственный человек, поскольку ему не звонит, хотя все равно она его бы не нашла, поскольку сменил он номер мобильного, но она могла бы и попробовать; что его старший сын абсолютно безответственный молодой человек, которому он не может доверить компанию; что он не хочет забивать ей голову такими пустяками, но надеется, что у нее самой все отлично, поскольку она умница. А еще он добавил, что, как только закончит со всеми делами, то тут же ей позвонит и в тот же вечер, в тот же миг, они должны будут увидеться, поскольку он не хочет и не может ждать больше ни минуты!

Она не была против. Она никогда не была против того, что казалось ей забавным. К тому же это была великолепная возможность еще раз обсудить с кем-то еще ее новое приобретение: у ее дома теперь стояла машина, не очень новая, но зато ее собственная, требующая внимания, любви и уважения.

- Хорошо, - согласилась она и, щелкнув по голубому шару, построила диагональ через все поле. - Я тоже тебя люблю.

- Что? - не понял ее приятель.

- Хорошо, говорю, - повторила она и вышла из игры.

Ей захотелось его чем-нибудь порадовать, чтобы он почувствовал, что не зря прошел целый день, а потому добавила:

- Я буду ждать. Я буду ждать тебя всю жизнь!

Рабочий день близился к концу. Это было очевидно, поскольку участились телефонные звонки, в помещении стало более шумно, а в воздухе повисло ощущение завершенности.

Но сам день имел еще длинный вечер и бесконечную ночь. Она знала, что есть еще домашние дела, и их неплохо было бы сделать. Но, руководствуясь последнее время принципом, что делать надо только то, к чему в данный момент у тебя лежит сердце, она поняла, что сегодня день не для домашних дел. Конечно, были и разного рода проблемы, которые требовали принятия кардинальных решений - то, к чему она вообще не была склонна. Во всяком случае, не сегодня.

«Ну что ж», - подумала она, - сын будет дома часа через два, можно погулять по Центру», - и тут же почувствовала волну раздражения.

Ее раздражала ее добровольная зависимость от жизни и распорядка своего сына. Эту зависимость она могла в любую минуту безболезненно для обоих нарушить, но почему-то боялась. Привязывая себя к его жизни, она тем самым эгоистически спасалась от ощущения одиночества, ежедневно доказывая себе свою значимость на этом крошечном поле битвы.

Итак, можно окунуться в модные магазины, создать иллюзию своей сопричастности к жизни и ни о чем не думать. Так она и решила, вновь натягивая на себя пальто, завязывая потуже свой шарф и покидая офис.

Оказавшись на улице в ярком свете уличных фонарей и заглушая в себе предательское желание поскорее добраться домой, в свою теплую ухоженную нору, она посмотрела направо и налево и, глубоко вздохнув, нырнула в шумный людской поток.

Вечерний город медленно заполнялся людьми, спешащими в разные стороны. Женщины с недоверчивыми лицами в безвременных пальто и в добротных головных уборах ровными угрюмыми рядами шли после трудового дня к подземным переходам, чтобы вскоре окунуться в свои семьи, в цветные халаты, большие кастрюли, школьные дневники и телевизионные программы. За ними широкими шагами шли группки мужчин

в распахнутых серо-зеленых куртках поверх коричневых костюмов с ослабленными галстуками. Они шли вразвалочку, обмениваясь громкими репликами и наработанными присказками, размахивая потертыми «дипломатами» и посматривая на ларьки, чтобы купить себе по дороге пива и тут же, на ходу, уже с первым глотком почувствовать незабываемую прелесть окончания рабочего дня. «До завтра», - привычно махали они друг другу и, ускоряя шаг, тоже смешивались с толпой.

Потом, несколько позже, после первой волны служащих выкатывалась из офисов другая волна, помоложе, в черных пальто, в тугих курточках, с документами и модными журналами под мышкой. И тогда начинали тут и там пикать автомобильные сигнализации, хлопать дверцы машин, загораться фары и работать двигатели. Кто-то окликал кого-то и уточнял место встречи, кто-то напоминал о деловом утреннем завтраке, кто-то громко обсуждал прошедший день. «Я буду сегодня там-то», - махали они друг другу и хватались за мобильные телефоны, чтобы сообщить, что день для них еще не закончен, а только начинается.

Вечерняя московская толпа была иной, чем та, в которой она ездила по утрам. В ней доминировала разношерстная молодежь, яркие чудные одежды и нарочито громкие голоса, в ней было одновременно легко и смешаться со всеми, и выделиться - в зависимости от настроения. Но в целом вечерняя толпа с равнодушной готовностью проглатывала всех желающих: стайки молодых беспечных людей и влюбленные парочки, скучающих модниц и вальяжных мужчин, озабоченных приезжих и не обремененных делами растерянных людей.

Нет, она не искала приключений - она просто бежала и бежала вперед, напоминая себе кролика из приключений маленькой Алисы в стране чудес, иногда поглядывая на часы, словно в какое-то только ей известное время ее ожидало чудо, и она торопилась его не пропустить.

В другой раз она увидела его уже не в метро, а совсем в другом, неожиданном месте - она сидела с подругой в маленькой кофейне и болтала о всякой ерунде:

- Я знаю, - уверенно говорила ей подруга, - я это точно знаю!

- Откуда ты можешь это знать точно? - удивлялась она, а сама разглядывала мужчину и женщину, сидящих за соседним столиком.

На улице опять шел дождь, а внутри кофейни было очень уютно: на столах горели маленькие свечи, и пахло теплой выпечкой.

Мужчина в широком темно-синем свитере сидел к ней спиной, чуть опустив голову и опершись на широко расставленные локти.

То, что это он, она поняла с первой же секунды. Его поза, зачесанные назад волосы, покачивающаяся нога под столом - были ей до боли знакомы. У нее перехватило дыхание и бешено заколотилось сердце: он был от нее так близко! Ей казалось, что она чувствует запах его парфюма, видит, как он морщит лоб и как прищуривает глаза, поглядывая на женщину, сидевшую напротив него.

Женщина была молодой и уверенной. Она что-то увлеченно рассказывала, периодически кокетливо закатывая глаза и поправляя копну пышных волос. Иногда он тоже что-то тихо ей говорил, и тогда девушка со смущенной улыбкой отводила глаза в сторону и неуверенно пожимала плечами.

«Надо же, - подумала она, - как часто мы с ним пересекаемся, а он меня ни разу не заметил. Я знала, что он не заставит себя долго ждать и быстро себе кого-нибудь найдет, а меня так вообще теперь не узнает!»

- Да тут и знать нечего, - продолжала ее подруга и, щелкнув зажигалкой, посмотрела в плачущее окно. - Он мне сам сказал.

Она вновь невольно скользнула взглядом по знакомой фигуре. В это время мужчина протянул руку и нежно коснулся изящных пальчиков своей спутницы.

«Вот-вот, - вновь подумала она, и сердце ее мучительно сжалось, - и меня он также сначала брал за руку. Ничего нового не придумал! Те же жесты и наверняка те же слова!»

От прикосновения девушка вспыхнула, однако руку не убрала, а, наоборот, широко улыбнулась своему другу. Мужчина откинул рукой волосы и, наклонившись еще ближе, принялся что-то ей говорить. Та слушала его внимательно, и постепенно ее кокетливая улыбка исчезла, на лице появилось удивление, а затем лицо ее и вовсе стало серьезным. В какую-то секунду даже показалось, что глаза ее наполнились печалью, но уже в следующее мгновение ее взгляд засветился нежностью и любовью.

«Только не это! Я знаю все, что он ей говорит и, кажется, я этого не вынесу! А вдруг он только делает вид, что не видит меня? Может быть, он делает это на зло мне? Надо пересесть куда-нибудь в другое место», - подумала она с тревогой, а вслух громко спросила:

- Так что же он тебе сказал?

Очевидно, ее вопрос прозвучал достаточно громко, к тому же не совсем было понятно, к кому она обращалась. Подруга ее вздрогнула, и с тонкой сигареты на стол упал пепел. Девушка за соседним столом тоже вздрогнула, отвела взгляд от своего друга и вопросительно уставилась на нее.

Почувствовав себя крайне неловко, она тут же деловито переключилась на свой яблочный пирог и повторила свой вопрос уже шепотом:

- И? И что же сказал тебе твой муж?

Подруга вновь вернулась к разговору, махнула рукой и усмехнулась:

- А так и сказал, представляешь, - я, говорит, больше тебя не люблю! Вот! Так и сказал - не-люб-лю!

- Неприятность какая, - она растерянно покачала головой и подумала: «Какая муха его укусила?».

Она хорошо знала мужа своей подруги - крайне уравновешенного и предсказуемого мужчину. Он был настолько далек от эмоциональных проявлений, от понятий «люблю» - «не люблю», да и вообще от каких-либо иных резких телодвижений в своей жизни, что подобное его заявление вряд ли можно было считать серьезным. А кроме того его трепетная забота о своей жене, являвшаяся частым предметом обсуждения их общих знакомых, говорила совсем о другом. Их отношения были демонстрацией таких книжных и завидных представлений, как привязанность, взаимное уважение и чувство долга. Ведь, очевидно, это и есть компоненты любви, кто знает?

- Вот и я говорю! - хлопнула по столу подруга. - И это после десяти лет совместной супружеской жизни! Где он таких слов то набрался?

Добавить было нечего, и они замолчали. Где-то стукнула дверь, и раздался смех. В этот момент мужчина неторопливо встал и медленно направился в глубь кофейни к витрине, где в ярком свете на стеклянных блюдах было выставлено множество тортов и пирожных.

- Ну, всякое бывает, - наконец проговорила она и тоже щелкнула зажигалкой. - Может быть, он устал, или неприятности какие на работе. Может, сон какой страшный приснился. Брось переживать, я уверена, все образуется. Люблю - не люблю, какие глупости, в конце концов, правда?

- Вот и я говорю, - опять согласилась подруга, - это не самое главное.

Мужчина в синем свитере, облокотившись на яркую витрину, болтал с молоденькой официанткой. Та смеялась, а мужчина широко поводил рукой, в которой дымилась сигарета.

Она заворожено смотрела и на официантку, и на него, постепенно поддаваясь знакомому ощущению тепла и беззаботности. Внезапно он вновь стал для нее таким родным и понятным, что в какую-то минуту она даже решила, что они пришли сюда вместе.

«Боже мой, как я по нему тоскую! - думала она, разглядывая широкоплечую фигуру, подсвеченную теплым желтоватым светом. - Надо же, и выглядит отлично, значит, все нормально».

Она перевела взгляд на свою притихшую подругу и сразу же устыдилась своего нахлынувшего чувства. Ей стало стыдно, что она бросила ее в одиночестве, погрузившись в свои никому не нужные мысли, в то время как ее подруга так нуждалась в ее искренней поддержке.

- А давай ему позвоним, - вдруг сказала она и протянула подруге телефон.

- Кому? - не поняла та и нахмурилась.

- Мужу твоему.

- Зачем?

- Ну, не знаю... скажешь, что мы тут сидим вдвоем, кофе пьем и болтаем.

- Зачем? - в голосе подруги послышалось недоумение. - Он знает, что мы сегодня встречаемся - я ему еще утром сказала...

- А ты скажи, что ты соскучилась...

- Зачем? Я не соскучилась.

- Ну, скажи тогда, что у тебя все в порядке, что скоро будешь. Вдруг он волнуется?

- Да не волнуется он, не придумывай!

- А ты просто так позвони!

- О господи, ну и что я скажу? - в отчаянии воскликнула подруга и вновь закурила.

- А так и скажи: «Я звоню просто так. Хочу услышать твой голос».

- Бред какой-то. Не хочу я слышать его голос! Я вообще ничего не хочу! - подруга раздраженно махнула рукой. - Брось, не дави. Он и так знает, что все в порядке. Зачем просто так звонить? Поступки должны быть естественными.

«А я бы хотела услышать его голос, - подумала она и вновь задумчиво посмотрела на мужчину у светящейся витрины. - Как раньше: «Не волнуйся, все нормально, я звоню просто так ... очень соскучился».

В сумке настойчиво зазвонил телефон.

- Только послушай, - послышался в трубке возбужденный голос секретарши, - мужик-то приезжал!

- Какой мужик? - не поняла она.

- Да тот, помнишь, - голос секретарши срывался от радости, - я в его машине сумку забыла.

- И что?

- Как что? Он мне сумку вернул! Там же мой паспорт был с адресом. Все вещи и документы на месте! Представляешь, даже денег не взял! Бывают же люди!

- Что там? - поинтересовалась подруга, когда разговор был окончен.

- Так, - сказала она, откладывая в сторону телефон, - жизнь вернулась! - А потом добавила, похлопав подругу по прохладной руке: - Все образуется! Все будет по-старому.

- Нет, - возразила та, которая вдруг решила, что в ее жизни забрезжила надежда.

- Брось, все так думают, а потом все как-то устраивается, вот увидишь.

- Да нет, это просто мы приспособляемся и уже больше ничего не ждем, - подруга поправила рассыпавшиеся волосы и вновь замолчала.

А она внимательно посмотрела на нее и подумала, что искренне ей сочувствует, такой красивой и умной. А еще она подумала: интересно, неужели ее наблюдательная подруга не заметила его, неужели не узнала, но спросить об этом не решилась. Конечно! Нечего возвращаться в прошлое. Пусть все считают, что она уже пришла в себя и больше ни о чем не переживает, и с рассудком у нее все в порядке, и живет она только будущим.

«У него теперь новая жизнь. И, конечно же, он меня не видит. Да это и хорошо, а то решит, что я специально везде его преследую, как маньячка, - усмехнулась она. - И долго мы еще будем с ним пересекаться?»

- Ничего уже не образуется, - упрямо твердила подруга, и в голосе ее не было печали. - Зима скоро, - резюмировала она и, словно приняв кардинальное решение, начала громко размешивать сахар в изящной кофейной чашечке.

Мужчина вернулся за столик к своей молодой спутнице, и теперь они вновь, взявшись за руки, принялись о чем-то тихо переговариваться.

Рисунок С. Колобкова

- Не зима скоро, а Рождество скоро и Новый год, будем подарки покупать, - она быстро отвела взгляд от влюбленной парочки, а потом мечтательно добавила: - Скоро ангелов будут продавать.

- Вот-вот, - подруга тут же оживилась. - Кстати, я тут крылья в продаже видела.

- Какие крылья? - не поняла она.

- Маленькие такие, даже на ребенка не подойдут, - подруга хихикнула. - Зато подойдут твоему коту.

- Зачем ему крылья? - удивилась она. - У него и так все есть.

- А такого еще нет, - заключила подруга, словно имела на это какие-то свои планы. - Пригодятся!

- А они белые?

- Белые! Представляешь, совершенно белые и пушистые, словом, ангельские...

Они вновь замолчали, и она опять украдкой посмотрела в сторону. Но за соседним столом уже никого не было, осталась только пепельница с недокуренной сигаретой.

- Черный кот с белыми крыльями, - тихо сказала она и уставилась в окно, - забавно, - а затем покачала головой: - Нет, я не буду надевать на него крылья, а то вдруг улетит еще.

- Не улетит, - уверенно сказала подруга.

- Откуда ты знаешь?

- А некуда...

Сквозь серые струи дождя, отражаясь в ярко-желтых лужах, мимо проплывали размытые силуэты прохожих под зонтами; проносились машины, рассекая воду и пронзая мокрый воздух ярким светом фар. Люди шли, как умели: кто сам по себе, глухо закрывшись зонтом, кто, крепко вцепившись в другого, кто перепрыгивал через лужи, а кто шлепал по ним, обдавая брызгами всех остальных. Среди мокрых фигур вновь призрачно мелькнул знакомый силуэт и тут же скрылся в суетливой городской толпе.

- Пока, дорогая.

- Пока, милая.

- Звони.

- Позвоню.

- Я думаю, все уладится.

- Ну,.. если честно, я тоже так думаю.

- И забудется!
- И забудется...

Когда подруга пришла домой, муж ее встретил у двери.

- Устала?

Затем помог снять мокрое пальто, открыл сушиться зонт и пошел ставить чайник.

- Ну, как прошел вечер? - спросил он из кухни.

В ванной шелкнула задвижка и зашумела вода.

Уже совсем поздно, когда они лежали рядом под одеялом и смотрели в ночное осеннее небо, подруга тихо сказала своему мужу:

- Ты знаешь, а ведь она опять его видела.

- Да? И что?

- Да ничего.

- Заговорить не пыталась?

- Да брось ты, она же не сумасшедшая.

- Надеюсь...

- Это просто игра у нее такая. Мы же все во что-то играем.

- Хорошенькая игра, - покачал головой муж и покрепче прижал к себе свою жену. -

Пора бы было и успокоиться. Ведь он уже три года как умер...

- Да уж, - прошептала та, погружаясь в сладкий сон.

ПРОЗА

*Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

ПУТЬ В НИКУДА

Юный и жизнерадостный зонтик очень любил дождь. Дождь сильный, проливной и освежающий, мелкий, морозящий. Легкую, весеннюю каплю и осенние затяжные дожди. Зонтик радостно расправлял свои спицы и подставлял натянутую ткань под звенящие капли воды. Наш герой наслаждался каждой прогулкой, наблюдая за другими разноцветными собратьями. Каких только не увидишь вокруг зонтов: солидные трости, черные, со строгими ручками, элегантные тросточки с кружевами. Встречаются зонты яркие, с цветочным и геометрическим рисунком. И тут же, рядом плывут пастельные, нежные, порой совершенно однотонные зонтики. Иногда можно увидеть огромных представителей семейного класса, объятия которых могут спрятать от дождя не одного человека. Ниже на более коротких и изящных ручках мелькают маленькие, складные зонтики. Эти, в сложенном виде, влезают даже в маленькую дамскую сумочку. Наш герой был средним, обычным зонтом-автоматом, красивого синего как летнее небо цвета. Его купили весной, и он достойно закрывал от непогоды свою хозяйку до самого лета. Летом же погода стояла жаркая, и бедняга немного заскучал, лежа на полке в прихожей. Он ждал осени, когда наконец появится возможность показать себя во всей красе. Хотя несколько раз зонту все же посчастливилось прогуляться под летним проливным дождем. Это было весело. Теплые струи стекали по натянутому, словно барабан, боку и щекотали, приятно охлаждая его.

И вот наконец настала долгожданная осень. Зачастили дожди, и зонту больше не приходилось скучать. Однажды, в особо мрачный и холодный день, он как обычно отправился со своей хозяйкой на улицу. На небе сгустились тучи, дул пронизывающий ветер, и юному герою стало немного не по себе. Появились первые капли дождя, и отважный защитник гордо расправил спицы. Дождь и ветер усиливались с каждой минутой, и зонтик уже перестал испытывать привычную радость от прогулки. Навстречу, сопротивляясь ветру, плыли по воздуху его собратья, некоторые из них гнулись и выворачивались наизнанку. Наш малыш заволновался, он еще никогда не попадал в такое ненастье. И вдруг с неба, словно по чьему-то злому умыслу, захлестали ледяные струи, ветер усилился и стал налетать порывами. Небо совершенно почернело, и на землю обрушился крупный град. Бедный синий зонт прогибался и сопротивлялся, но, казалось, ткань вот-вот лопнет. Стихия бушевала и злорадствовала, по асфальту текли реки, полные ледяных шариков. Некоторые зонты, вырванные из рук хозяев, катились по тротуару, подпрыгивая от порывов ветра. Казалось, что этот кошмар никогда не кончится, но внезапно все прекратилось так же быстро, как и началось. Небо посветлело, ненастье кончилось. Мокрый бедняга, измученный и напуганный, был почти в обмороке. Дома, расправленный для просушки, он с ужасом вспоминал пережитое. На следующий день, во время легкого дождика, когда хозяйка привычно вытащила зонт из

сумки, тот вспомнил события вчерашнего дня и занервничал. Из-за всех этих переживаний он совершенно потерял желание появляться на улице. Купол перестал открываться, а открывшись с трудом, закрывался, спицы не хотели расправляться. Спустя несколько неудачных дней, бедолага снова оказался на знакомой полке в прихожей. Ему на смену был куплен другой, величественный зонт-трость. А наш измученный герой спокойно отдыхал и, глядя на кусочек окна, отражающийся в зеркале прихожей, вздыхал и думал: «Как хорошо дома, никаких опасностей и никаких стихийных бедствий. Теперь я смогу жить спокойно и со мной уж точно не случится ничего плохого». Несчастный зонт, пережив испуг, так и не смог оправиться от происшедшего. Но он не знал, что самое страшное, что могло с ним случиться, уже произошло. И это не дождь, и не град, это не холодный ветер. Ведь если сидеть на одном месте и бояться «самого плохого», с тобой никогда не произойдет ничего хорошего.

ЖЕРТВА ГЛАМУРА

Глянцевый журнал появился на столике недавно, но он уже успел посеять смуту среди книг, мирно стоявших на полке. Когда-то ради них люди отстаивали длиннющие очереди. Дежурили по ночам, чтобы купить томик Пушкина или Чехова. По большому знакомству доставали собрание сочинений Гоголя и Есенина. А потом книги читались и перечитывались в упоении, от них не отрывались даже во время ужина. Некоторые страницы, особо любимые, были потерты и, к стыду хозяев книг, кое-где даже встречались пятна от еды. И вот теперь все эти книги, совершенно расстроенные, слушали нравоучения новенького глянцевого журнала.

- До чего вы себя довели! - снисходительно заявлял тот, - так выглядеть, в наше время! Это же неприлично! Во-первых, вы толстые, а сейчас модно быть тонким, аскетичным. Вот посмотрите на меня, я изящный и легкий. К тому же ваши обложки потрепаны и затерты. Да они вообще старомодны. Это не гламурно! И потом, ваши страницы пожелтели, а шрифт очень мелкий. Сейчас уже такой шрифт не используют, это не популярно. У вас даже нет иллюстраций! Кому вы вообще интересны? - возмутился журнал. И продолжил:

- Чтобы быть интересным и популярным, надо быть красивым. Необходим стиль, яркие цвета, модные статьи. Нужно быть заметным, чтобы тебя хотели.

Книги никогда не слышали ничего подобного. Они и не предполагали, что производят такое впечатление. Книгам стало грустно и даже немного стыдно за себя.

- Да, господа, мы отстали от жизни. Теперь, наверное, в почете только внешность, - вздохнул Чехов. Гоголь печально согласился:

- Видимо мы, уже отжили свое. Плохо быть прочитанным от корки до корки. К тому же корки наши оказывается не модные.

А Есенин всхлипнул и поплотнее сжал страницы. Он был здесь самым старшим, его покупали раньше других и основательно потрепали за прошедшие годы.

- Видимо, скоро наше место на полках займут такие вот красивые журналы, а нас выкинут в мусорное ведро, как старый хлам! - тоскливо протрадал Есенин. А Пушкин возмущенно воскликнул:

- Вы что, братцы! Как можно такое говорить? Мы с жизнью пока не прощаемся. Посмотрим еще, как время все повернет! Рано сдаваться.

- А что мы можем? - вопрошал Чехов, - вон теперь молодежь нам на пятки наступает, они красивые и эффектные. Им и этого достаточно, чтобы произвести впечатление. А мы? Мы уже потеряли свою молодость. У нас осталось только содержание.

- Только??? - поперхнулся от удивления Пушкин, - это же самое главное! Настоящий человек будет как раз на содержание обращать внимание, а не на яркую обложку.

- Ну да, конечно, - проворчал Гоголь, - а что же тогда на столик журнал положили, а не кого-то из нас? Встречают-то по одежке!

Пушкин упрямо поджал корешок и промолчал. С таким аргументом трудно было спорить.

- Вот-вот, - расстроился Есенин, - сказать нечего?

И он снова застрадал. Спустя некоторое время книги затихли, задумались. Им казалось, что уже скоро они покинут любимые полки и отправятся в мусорное ведро. А в это время самодовольный журнал любовался на свое отражение в полировке столика. Он гордился тем, что много профессионалов прикладывали силы и средства, чтобы придать журналу модный и привлекательный вид.

Вечером книги тихо стояли на полке и в огорчении даже не разговаривали между собой. Дверь хлопнула, люди вернулись домой с работы. Книги прислушались. Сначала голоса раздавались с кухни. Позже мужчина вошел в комнату с кружкой кофе и тарелкой, на которой лежали картошка и сосиски, обильно политые кетчупом. Предвкушая плотный ужин, мужчина поставил посуду на журнальный столик и потянулся за пультом от телевизора. С кухни раздался женский голос:

- Дорогой, только не ставь, пожалуйста, тарелку на столик, полировку испортишь!

Мужчина поспешно схватил тарелку в руки. В некотором замешательстве он покрутил головой, ища подставку. Не найдя искомого, мужчина поставил тарелку на глянцевый журнал. Туда же он добавил и кружку с кофе, на всякий случай. После ужина посуду унесли на кухню. А испачканный кетчупом и промокший от капель кофе журнал был отправлен в мусорное ведро. За ненадобностью. Он уже не имел такого презентабельного вида, как раньше. А больше хранить его было незачем. Вернувшись в комнату, мужчина прилег на диван, попереключал каналы и, вздохнув, выключил телевизор. Затем мужчина встал, подошел к книжным полкам и, немного подумав, взял в руки томик Чехова. Увлеченный чтением, человек не заметил, как Пушкин, гордо расправил странички и хитро подмигнул Есенину, который радостно улыбался во весь корешок.

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ

Тонкие ножки в роликовых коньках, разбитые коленки и два хвостика, торчащие в разные стороны. Девочка перемещалась зигзагами, растопырив руки и пытаясь удержать равновесие. Намучившись, она свернула в сторону и, громко пискнув, с размаху плюхнулась на скамейку.

Парковая скамейка привыкла. Она давно здесь стояла и видела многое. Тут побывали пьяные компании, открывавшие пивные бутылки о ее края. Порой молодежь забиралась на спинку, ставя грязные ноги на сидение. О скамейку тушили «бычки» или ковыряли ножом, вырезая всякие непристойности. Но она не обижалась, ведь каждую весну дворники чистили и красили ее, придавая совершенно обновленный вид. За спинкой, на газоне рос куст сирени. Его ветви нависали сверху и красиво обрамляли скамейку, создавая уют. Сиреневый куст и скамейка вместе коротали вечера, делясь впечатлениями прожитого дня. Вот и в этот субботний вечер они не смогли удержаться от комментариев.

- Как же эта кулема до дома доковыляет? – хихикал сиреневый куст, разглядывая юную роллершу, - она до тебя-то еле доехала. Что, теперь так и будет сидеть, пока за ней не придут?

- Ну, не суди так строго, - встала на защиту девочки скамейка, - она еще маленькая, но упорная. Сейчас отдохнет, и все у нее получится.

Девочка, будто услышала, поднялась на ноги и неуверенно покатила в обратный путь.

- Вот видишь?! - подала снова голос защитница, - лучше посмотри, кто к нам идет.

Куст заинтересованно приподнял ветки. К скамейке приближалась очень красивая девушка. За ней, отстав на пару шагов, шел юноша, не отрывавший взгляда от развевающихся на легком ветру волос девушки. Светлые и вьющиеся, они делали их обладательницу похожей на ангела. Девушка изящно села на скамейку и демонстративно отвернулась от молодого человека. Он тоже сел рядом.

- Ну, пожалуйста, поговорите со мной! Вы такая...неповторимая, я уверен, что больше никогда не встречу такую как вы!

Юноша был так трогателен в своей искренности, что красавица улыбнулась уголком губ и повернулась.

- Ну, хорошо, я слушаю. Что вы можете мне сказать?

Парень облегченно выдохнул:

- Вы мне очень, очень нравитесь! Только не уходите! Давайте сходим в кафе, выпьем кофе. Я постараюсь развлечь вас, я отвечу на все вопросы и готов выполнить ваши желания. А хотите, пойдем в кино или в театр?

Лицо девушки смягчилось. Ей явно нравилось то, ЧТО парень говорил, и КАК говорил.

- Ладно, пойдемте пить кофе!- ласково улыбнувшись, произнесла красавица.

Они засмеялись и, дружно встав со скамейки, направились к выходу из парка. Сиреневый куст растрогался:

- Ну вот, еще одна счастливая парочка образовалась.

- Да, и такая приятная пара получилась! – согласилась скамейка, - А знаешь, может, не было бы меня здесь, они бы и не договорились. А так, посидели спокойно, и поладили. Я так за них рада!

Она удовлетворенно вздохнула. Летний вечер был светлым и теплым. Аромат сирени приманивал прохожих. Вот присели на скамейку двое мужчин. Они серьезно что-то пообсуждали, рассматривая документы. Потом выкурили по сигарете и отправились дальше. Подошла полная женщина с коляской, присела и, тихо напевая, стала убаюкивать ребенка. Скамейка даже пыталась немного раскачиваться в такт колыбельной. Если бы могла, она сама покачала бы коляску. Труженице нравилось помогать людям. Нравилось давать отдых усталым ногам женщин, идущих домой после работы с полными сумками в руках. Нравилось обеспечивать покой тем, кто хочет почитать под сиреневым кустом, вдыхая аромат душистых соцветий. Скамейка всей душой любила малышей, лазающих по ней, как по горке в парке аттракционов, и пенсионеров, радостно сплетничающих о новых соседях. Изо дня в день она подставляла людям удобную спинку и радовалась своему предназначению.

Просто это была самая счастливая скамейка на свете.

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Ярко-красные туфли на высокой шпильке были необыкновенно хороши! Натуральная кожа и изящная колодка говорили о высокой цене. Когда стройные ножки в этих туфельках вышагивали по улице, все окружающие представители обувного мира замирали от восторга. Слышны были восхищенные возгласы.

- Какой шик и гламур! - выстукивали каблучками белые босоножки.

- О! Соблазнительные красотки! - восклицали мужские ботинки. А мягкие сабо на низкой танкетке только вздыхали:

- Дааа...молодость многое может себе позволить.

Красные туфли звонко вышагивали по тротуару, осознавая свою красоту и наслаждаясь прогулкой. Неожиданно из-за угла выскочили весьма потрепанные спортивные кроссовки. Резко затормозив прямо перед испуганными туфельками, кроссовки сделали прыжок в сторону и, не останавливаясь, помчались дальше.

- Боже, какой ужас! - воскликнули хором туфли.

- Они чуть не наступили на нас, какая невоспитанность! -возмутилась правая туфелька.

- Да-да! И к тому же они грязные и потертые. Фууу...- отозвалась левая.

Но обе подумали, что обиднее всего то, что кроссовки попросту не заметили ярких красавиц. Это сильно задело их самолюбие. А кроссовки в это время неслись по парку и думали только о приближающемся финише.

Та же история повторилась и на следующий день, и через день, так что туфли просто не могли оставить без внимания такое пренебрежение собой.

- Мы должны показать, кто мы такие, да как они смеют не замечать нас! - возмутились красавицы, - какие-то грязные кроссовки, они вообще должны быть счастливы от того, что мы рядом проходим!

На самом деле туфли просто не смели признаться себе в том, что влюбились в совершенно «не подходящую» им обувь. Ведь они, вполне изысканные туфли, обратили внимание на неухоженных спортсменов. Но с чувствами не поспоришь. И вот, на следующий день, туфли проходили все тем же, привычным маршрутом. В тот момент, когда кроссовки показались из-за угла, правая туфелька подвернула каблук.

- Ой! - громко вскрикнула хозяйка туфель.

Кроссовки, уже было проскочившие мимо, притормозили и остановились.

- Вам помочь? - раздался голос хозяина кроссовок, которые уже заботливо оглядывали пострадавшую правую туфельку. Она смутилась, и если бы не красный цвет кожи, было бы заметно, как туфелька покраснела. Несколько минут спустя, мужчина и женщина сидели на лавочке и мило беседовали. А внизу кроссовки уже не могли оторвать взгляда от красавиц туфель. Мимо строго прошагали офисные мужские ботинки, удивленно и неодобрительно посмотрев на странную пару. Но те уже не замечали никого вокруг. Они были увлечены друг другом.

Через неделю стоящие на полке в прихожей яркие красотки услышали звонок в дверь. Хозяйка кинулась открывать, распространяя вокруг себя аромат легких духов. Дверь открылась, и на пороге показались старые знакомые. Кроссовки были тщательно вымыты, и выглядели намного привлекательней, чем раньше. Даже шнурки, кажется, стали чище. Спустя полчаса, на кухне уже раздавался звонкий смех хозяйки. Вскипел чайник, и в прихожую доносился аромат ванили. На полке рядышком стояли красные туфли и кроссовки, шнурки которых нежно обвивали тонкие каблочки подружек.

Ну что тут скажешь? Не подчиняется любовь ни логике, ни правилам. И даже полные противоположности становятся самыми близкими. Такова сила притяжения любви.

ПРОЗА

Иван Мазилин
(МОССАЛИТ, Москва)

ФРУЖА

(отрывок из повести)

1. КИНГ

Мощный, раскатистый львиный рык. В нем столько тоски, ярости, страсти, голода и еще чего-то, не имеющего названия. Он мгновенно заполняет твое нутро ледящим первобытным ужасом...

Я открываю глаза, долго и неподвижно смотрю в потолок, пытаюсь определить, откуда пришло это рычание. Скорее всего, из только что прерванного сна, в котором было что-то африканское, экзотическое и которое, там еще, во сне, я старался запомнить.

Бесполезное занятие. Я совсем не помню свои сны. От них в лучшем случае остаются какие-то бессвязные обрывки, но и они как-то уж очень быстро растворяются в сознании. Правда, остаются ощущения. Вот их я помню, и именно они каким-то только одним им понятным образом иногда проявляются строками на моем ноутбуке...

Вот и теперь всплывают строчки, когда-то прочитанные:

*«Архангел каждый львиный рык
Пером записывает в книге».*

Не помню, чьи это вирши. Надо будет в Интернете пошарить на досуге.

Утро раннее. На будильнике нет и пяти часов. Кстати, я переводил часы на местное время? Кажется, да. Несмотря на открытое окно, душно и такое ощущение, что скомканные простыни моей постели можно выжимать. Если учесть, что лег я полночь, то поспать мне удалось часа четыре. Надо попробовать заснуть, впереди совсем непростой день. Кстати, где я? В каком городе?

Для кого-то этот вопрос может звучать странно, но только не для меня. Последние... сколько там... шесть-семь... нет, уже больше – девять лет, по меньшей мере, два раза в неделю мне приходится этот вопрос самому себе задавать. Я живу «на колесах», все города и веси моей страны давно уже перемешались в голове и слились в одно непрерывное мелькание, превратившись в географический «компот».

Ладно, все равно не спится. Наверно, норму сна с избытком я выполнил вчера в поезде. Так что немного расскажу о своей работе.

Я – Аминистратор гастрольных концертных программ. Точнее, любых зрелищных программ, от концерта барда-одиночки до балета на льду с участием разных спортивных знаменитостей, коих мы между собой называем «обезьянами». Сами же себя мы гордо

величаем – Прокатчики. Мы... нет, все же только про себя буду говорить... я работаю от одной хиленькой продюсерской компании со звучным названием «Остарт продакшн». Название должно верно обозначать, что сфера нашей деятельности простирается от места расположения самой фирмы на восток. Хотя это не совсем верно, хотя бы потому, что и другими направлениями фирма не гнушается.

Мне за все время пребывания в ней в основном приходилось «катать» небольшие, сравнительно дешевые попсовые коллективы. Коллективы, давно вышедшие «в тираж», но все же изредка напоминающие о своем существовании бывшим своим поклонникам, которым давно уже за... Одним словом, тем, кто с внуками приходят на концерты. «Ретро», так сказать. Затрат на них немного, правда, и доход они приносят небольшой. Но это уже не мое дело – я-то самого себя никогда не обижал, даже при самых плохих финансовых раскладах.

Исколесил всю матушку-Россию вдоль и поперек, да не один раз. Так что в последние годы из гостиницы никогда не выходил без местной карты из боязни заблудиться.

Смешно, конечно, но пару лет назад, проходя по Грайвороновской улице в столице и будучи в легкой задумчивости, вдруг остановился как пришибленный. Мне вдруг так ясно представилось, что нахожусь я в данный момент в Краснодаре, а вот там, за тем углом будет офсетная фабрика. Никакой фабрики там, конечно, не оказалось, да и не нужна она была мне совсем, но само отсутствие фабрики на должном месте поставило меня в тупик, и я начал рыться в своем кейсе в надежде найти карту Краснодара, чтобы... Минут только через пять сообразил, где я на самом деле.

Это теперь мне смешно, но тогда было совсем не до смеха.

Кажется, именно после этого случая, признаюсь, не единственного из этой серии, я и приобрел вот этот компактный ноутбук, в котором у меня теперь есть все. Ну, или почти все из того, что может интересовать администратора моего уровня в любой географической точке России.

Вот и теперь... кстати, в каком я теперь городе? Шучу, конечно, теперь-то я еще подъезжая к месту назначения, настраиваю «бегущую строку» ноутбука на это самое название и карту данного города выкладываю на «рабочий стол». Утром первым делом включаю своего верного «секретаря».

Итак, сегодня 28 июня пятница. По большому счету, меня здесь, в этом городе не должно быть. Я должен греться на черноморском пляже, с удовольствием используя свой законный отпуск. Но я оказался крайним. Третьего дня срочно вызвал меня шеф и в приказном порядке упрямил совершить подвиг. Иначе не могу назвать. Меня кинули на передовую, в качестве разведчика на совершенно незнакомый фронт. Шеф... не то с большого бодуна, не то, поддавшись на уговоры своих друганов-коллег продюсеров, решил осваивать прокат цирковых программ. Никого под рукой из свободных администраторов не оказалось, а я не успел отъехать на юга.

Несмотря на громкое название, фирмочка наша помещается в небольшом номере московской гостиницы. Шеф, бухгалтер и секретарь – вот и весь персонал в одной комнатенке. Наш брат администратор появляется здесь набегами, в перерывах между поездками. Многих я могу не видеть по полгода и больше.

Конечно же, я попытался с ходу отбрыкаться.

- Андрей Николаевич, - так моего шефа кличут, - вы, я надеюсь, понимаете, что это авантюра чистой воды? Мы никогда этим не занимались. Наверняка у цирковых программ есть своя специфика. И потом, одно дело - зарядил маршрут какой-нибудь «звездюльки» и вперед с песнями. А тут, насколько мне известно, программа цирковая обычно с месяц сидит в одном городе...

- Вот и хорошо. Чем тебе не отдых? Владимир, соглашайся. Тебе нужно будет только дней за десять раскрутить рекламу, а потом отдыхай себе, бабки считай. И потом,

ты же не один там будешь - опираться будешь на цирковую администрацию. Там же все отлажено, все схвачено.

- Если все отлажено, на кой тогда им прокатчик сдался? Они и сами могут...

- Росгосцирк считал, что ему выгоднее спрашивать с прокатчиков, чем с директоров цирков.

- Ну, да, конечно! Выходит, своим не доверяют и «засылают казачка». А мы, как лохи, попадаем между молотом и наковальней. Директора на местах, понятное дело, блюдут свой интерес. А Росгосцирку бабули живые нужны, которые местные директора, понятное дело, зажимают. Вот они лохов и ищут.

- Ты, Владимир, говори, да не заговаривайся. По проверенным агентурным сведениям, на прокате цирковой программы можно лихо заработать. Целый месяц отдыхай в свое удовольствие. В конце рассчитаешься со всеми, подмахнешь какие нужно документы и свободен. А специфику тебе расскажет одна моя знакомая. Я ей звонил, и она тебя уже ждет. Завтра утром получишь деньги на рекламу, проезд и прочее и катись... Только не забывай докладывать хотя бы через день-два.

- Ну, Андрей Николаевич...

- Володька, ёшкин кот! Ну, кто-то же должен начинать! Если даже «по полям» приедешь, расстреливать не буду. Обещаю. Но надеюсь, что у тебя выгорит, ты у нас везунчик. И... так и быть, получишь 10 процентов от чистого дохода. По рукам?

- А по самым скромным... это скока?

- По самым скромным... я от тебя жду полтора миллиона чистыми. Сам понимаешь, пол-лимона придется «откатить».

- Кому? Кто там теперь «банкует»? Слышал, у них тоже чехарда.

- Ну, это мое дело, кому. Тебя это не касается. Десять процентов с миллиона. Считаю.

«Калькулятор» в моей башке моментально сработал и решил за меня.

Так что... теперь 28 июня, пятница, цирковая гостиница. Обшарпанный номер на 12 квадратов. Кровать, стол с неизменным графином и стаканом, два стула и тумбочка, на которой теперь «прописался» мой нотик. Знал я пристанища и похуже. С удобствами во дворе. А в этом есть даже закуток с унитазом, раковиной и душем. Между прочим, этот номер именуется у аборигенов «полулюксом». Супер! Ладно, не привыкать.

Все, хватит валяться. Будем не спеша приводить себя в порядок, потом надо будет выйти и где-то позавтракать, а уж потом приступать к работе. Раньше девяти в цирке делать нечего, так что времени у меня еще...

Я уже бывал в этом городе. Лет шесть назад. Тогда я привозил сюда... не помню кого, надо будет посмотреть в записках. Ну, и не важно это. Главное, что центральный проспект города... интересно, как вы догадались? Действительно имени Ленина. Так вот, он остался на месте. Мало того, в самом конце его... или начале, нерушимо остался стоять лысый истукан с вскинутой в приветствии рукой. А за ним, как это и положено, здание местного правительства в архитектурно-имперских изысках начала пятидесятых прошлого века. Справа от него центральная гостиница, в которую я в целях экономии не поселился, а слева муздрамтеатр. Вот на его площадке я и «катал»... нет, иначе как ранним склерозом не назовешь – не помню кого. Как не помню и здания цирка в другом конце проспекта. Ну, с этим-то как раз все нормально – я просто до него не добирался, ни к чему было. Да и был я здесь, кажется, всего два дня. Потом... опаньки, вспомнил – Наталью Чиж с группой «Копейщики» привозил. На 80% прошли. Фу, не все еще потеряно, если даже это вспомнил.

Сам же цирк искать не нужно, ночной извозчик довез меня от вокзала минуты за три. И слупил с меня столярник.

Здание, как и положено циркам, с куполом. А для разнообразия еще и с трехэтажными крыльями на обе стороны от центрального входа. В одном крыле, собственно, гостиница для цирковых артистов, в другом, как я догадываюсь, различные вспомогательные службы, администрация и прочее. Посредине массивный фасад с квадратными колоннами, на которых теперь висит большой баннер – «Уникальное лазерное шоу. По странам и континентам. Артисты знаменитого цирка «Cirque du Soleil». Спешите! Только до 30 июня».

Утро ясное, солнечное. Пока еще терпимо, но днем обещали больше 30 градусов. Вон, гроздья тополиного пуха висят, то-то днем будет «метелица». Я сижу в летнем кафе «Минутка», прямо напротив цирка, в сквере, и улетаю с аппетитом яичницу с сарделькой.

Смотрю я на этот цирковой баннер, а про себя думаю: Щас, как же, так тебе и поедут артисты «Дю солей» в эту дыру. Хотя, кто его знает, может, их расплодилось так много, что мировых столиц им уже маловато? Или кризис их так задел?

Ладно, господа. Я уже немного закусил, а потому у меня к вам один вопрос. Любите ли вы цирк? Не хмыкайте, я помню, классик о театре спрашивал, а потому у меня вопрос плагиатом лишь слегка попахивает. Итак, любите ли вы цирк? Любите ли вы его так, как я его... ненавижу?!

Нет, пожалуй, «ненавижу» звучит грубовато. И потом, как можно ненавидеть то, о чем не имеешь ни малейшего представления. Последний раз в цирке я был лет около сорока назад. Было мне тогда 5-6 лет. Перед представлением меня успели чем-то угостить в буфете. Минут через десять после начала представления меня начало тошнить... надеюсь, дальше объяснять не нужно. За завтраком об этом вспоминать не стоило, но так уж вышло. Вот и теперь при одном только виде цирковой афиши аппетит пропадает.

Все равно, пора закругляться. Пойдем знакомиться с местным руководством, боками с ним тереться придется почти полтора месяца. Посмотрим, с кем и против кого дружить здесь нужно.

Интересно, с какой стороны у них служебный вход? Можно, конечно, вернуться в гостиницу и по переходу пройти, но лучше будет, если, так сказать, официально появиться, с улицы.

Ну, вот. Кажется, цирк начинается. Мне пришлось обойти здание почти кругом, чтобы обнаружить проходную. Прошел без проблем, сонный охранник мутными глазами заценил мою фигуру и в ответ на приветствие только мотнул головой – «проходи».

Сразу за проходной большой двор за высоким забором. Четыре длинномерных прицепа с надписями на бортах «Цирк». В дальнем углу большая клетка, в которой из угла в угол без остановки мотается бурый медведь. Там же, под навесом двое служащих разгружают «Газель» с тюками сена. А прямо напротив проходной высокое крыльцо на десяток ступенек без перил. Рядом «Волга» с открытой задней дверцей. У самого крыльца стоят два крепких мужика пенсионного возраста и, по всем приметам, ждут.

Я не успеваю дойти до них. Дверь на крыльце распахивается и из нее выкатывается «колобок» - маленького роста, заплывший жиром, сильно помятый мужичок. Он как-то нелепо раскидывает руки, словно пытаюсь дирижировать симфоническим оркестром, и вдруг «ласточкой» валится с крыльца. Мужики привычно принимают его в свои руки, почти торжественно несут и запихивают в «Волгу». Сия процедура у них занимает от силы минуту. Дверцы захлопываются, одновременно ворота открываются и «колобок» отъезжает.

Первое правило Администратора – «На чужой территории никогда и ничему не удивляться, не делать резких телодвижений и скоропалительных выводов».

Я спокойно подошел к мужикам и спросил, как пройти к директору.

- Опоздал ты, паря. Только что загрузку произвели. До понедельника теперь не просохнет.

- И кто ж его замещает в таком случае?

- А ты случаем не из?..

- Нет, не оттуда. Я администратор новой программы.

- Тогда другое дело. В отсутствие директора Алевтина Петровна, главный бух, всем заправляет. Но она только во второй половине дня, к вечернему представлению будет.

- А весь день вы что же, в автономном плавании?

- Скажете тоже... кому приказывать всегда найдутся. Вы лучше к нашему администратору идите. Правда, она немного... Михалыч, как она?

- Переживает...

- Ну, вот к ней и... Михалыч, проводи товарища. Мне в слоновник нужно.

- Знаю я твой слоновник... Ладно, пойдёмте. Как величать-то?

- Владимир.

- А по батьке?

- Да вот как вас, Михалычем.

- Ну, добре. А администраторшу нашу Ириной Аркадьевной кличут. Про меж прочим, племянница моя. Брательника Аркашки дочь. Сюды проходить...

Мы поднимаемся на третий этаж. Здесь недавно сделали ремонт, пахнет краской, а в дальнем конце коридора женщина-маляр докрашивает раму окна.

- Ну, вот. Я дальше-то не пойду... а вы ходите до третьей двери, что по праву руку. Только сперва стукните... может... ну, для порядку.

- Спасибо, Михалыч.

- Ну, и вам не хворать. Если что нужно будет подсобить...

- Спасибо. Так я сразу к вам и...

- Ну, добре.

На этом мое знакомство с низшим звеном работников цирка не закончилось. Не успел я дойти до нужного кабинета, как малярша обернулась, оказавшись смугленькой грудастой татарочкой. Словно давно ожидая меня, облегченно выдохнула и, улыбаясь золотыми коронками передних зубов, флейцем поманила меня к себе.

Второе правило Администратора – «Информацию бери, где только возможно. Особенно если она сама к тебе идет в руки». Я подошел.

- Здравствуйте.

- И вам того же...

- Слыхала, новую программу везете?

- Так и есть.

- Хочу предупредить. Вы будете работать с «борзыми»?

- Очень даже может быть. А что?

- А... а вот и...

- Фаина! Ты это окно уже вчера красила.

Это прозвучало у меня за спиной. Я обернулся и встретился еще с одной симпатичной мордашкой женского пола. Фигурка ладная, высокая, головка коротко стриженная, темненькая. Нос с легкой горбинкой. Как мне показалось, по отчего-то заплаканным глазкам, лет около тридцати. На кого только она похожа?..

- Ирина Аркадьевна, да я только чуток подправила, вчерась-то вечером не заметила, а молодой человек как раз вот и спрашивал, как вас найти...

Ирина как-то резко мотнула подбородком и тихо сказала

- Проходите в кабинет, Владимир Михайлович.

Про себя отметил, раз «величают», то приказ Росгосцирка, стало быть, уже получили, и какие-то права у меня есть.

Кабинет небольшой, уютный, «женственный» по чистоте и устроенности. Одна стена полностью в цветах и растениях, по другой стеллаж с папками и небольшая

библиотека, по корешкам не художественная, специальная. На рабочем столе порядок. За рабочим креслом простенок в цирковых афишах с автографами.

- Присаживайтесь. Чай, кофе?
- Спасибо, только позавтракал, Ирина Аркадьевна.
- Как угодно. Вроде бы познакомились. И...
- Ну и давайте тогда без отчеств. Больше доверительности.

Вскинула на меня глаза и долго внимательно изучала мою физиономию, словно решая про себя, до какой степени может пойти «доверительность». Кажется, не внушил ничего хорошего... равно, как и плохого. Я даже усмехнулся, разумеется, про себя – со мной всегда так, с первого взгляда очень редко произвожу благоприятное впечатление, но зато уж со второго...

- Так чем могу?..
- Да очень многим... Ирина. Для начала информацией по городу, области... Ну, а там посмотрим. Все равно, нам вместе работать, одну программу вытягивать.

- Если хотите, курите.
- Да вот, знаете, месяц назад бросил. Пока держусь.
- А я все же закурю, если...
- Не возражаю.

Только Ирина закурила, а я деловито открыл свой ноутбук... так, пока больше для создания впечатления, как зазвонил телефон. Ирина, мельком взглянув на определитель, кажется, тут же напрочь забыла о моем присутствии. Вдруг на пару секунд молитвенно сложила ладони, крепко-крепко так сжала их, словно от этого зависело что-то необычайно важное. На четвертый гудок только подняла трубку.

- Демушкина...

И зависла длинная пауза, в которой кто-то что-то ей сказал и уже положил трубку, даже я со своего места слышал короткие гудки. Медленно положила наконец трубку...

- Что-нибудь случилось? – спросил я осторожно.
- Кинг умер...
- Это?..
- Льва Кинга усыпили...

И столько неподдельного трагизма прозвучало в ее голосе, что я понял, меня сейчас здесь не должно быть.

- Так... понятно, я зайду... позднее.
- Подождите. Вот. Я отпечатала для вас... Здесь все адреса и телефоны, которые вас могут заинтересовать.

Сказала тихо, пытаюсь сдержать слезы. Достала из папки несколько листочков и положила на край стола.

Я поднялся со своего места, мельком оценил их содержание. И только теперь до меня вдруг дошло, что тот ночной рык и был последним рыком уже умирающего льва. Уже взявшись за дверную ручку, я неожиданно для самого себя вспомнил утренние строчки. Вспомнил и окончание. Не оборачиваясь, тихо произнес их.

*«Архангел каждый львиный рык
Пером записывает в книге.
Трудам пустынным меры есть,
И если лев исполнил меры —
Приходит Ангел льва увести
В благословенные пещеры».*

Тихо вышел и, уже пробираясь к выходу из цирка, вспомнил и автора. Второй муж Анны Ахматовой, Владимир Шилейко. И сама Ирина чем-то неуловимо напоминает Ахматову. Надо же, какой длинный ассоциативный ряд... еще на что-то гожусь.

На лестнице меня ждала Фаина. Что-то пыталась мне натараторить про распространителей билетов, но я только махнул ей рукой – «потом, мол» и вышел.

Мой первый рабочий день только начинался.

2. Простая арифметика

Я зашел в гостиницу переодеться. Официальная часть представления отчасти закончилась, а бегать по городу в тридцатиградусную жару в костюме выше моих сил. Попутно поболтал с дежурной гостиницы и вытянул у нее немало весьма полезной информации. Потом прошел в свой номер, нырнул под душ и только после этого принялся изучать «досье» на этот город. Просмотрел и откровенно приуныл. Выходило по моим подсчетам, что себестоимость моей программы и прочие расходы возможны к исполнению при условии 50% сбора. Несложная арифметика:

Одно представление:

при 100% загрузке 1400 мест зала - 350 тыс. руб.

22 представления - 8 млн руб.

Затраты:

Аренда - 0,8 млн руб.

Программа (зарплата, корма и проч.) - 2,5 млн руб.

Реклама - 0,3 млн руб.

Распрост. билетов 3-5% - 0,2-0,4 млн руб.

Итого: - 4 млн руб.

Это как раз и называется «пройти по нулям». За двадцать два представления собрать 50% в условиях июля месяца, почти нереально. Город пуст – дачи, лагеря, отпуска и... одним словом, совсем невеселая картинка. А еще нужно полтора лимона отбить для фирмы. Наверняка выплывут еще какие-нибудь непредвиденные расходы. 75% нужно! Совсем нереально. Надо каким-то ужом выворачиваться. Думать надо.

Я ничего не смыслю в цирке, но даже из той информации, которая у меня имеется, выходит, что программа моя совсем не «ах». Какая-то сборная солянка. Половина номеров уже каталась здесь в прошлом году. Коверный, как мне успели доложить, откровенно слабый. А основной, «ударный» аттракцион никому не известен. Присылают дрессированного бегемота под кличкой Фружа. Ну и что? Что, я спрашиваю, может такого выдать бегемот, чтобы на него повалил зритель? Не представляю. Признаюсь, что встречал афиши с бегемотом Жужа, но это было давно, и, кажется, она, то есть, бегемотиха эта, сдохла. Ну, точно! Я тогда в Брянске был с... вот же память совсем никуда стала. Тогда в Брянске из этого «падежа» такую рекламную трагедию раздули. Да и школьные каникулы тогда были...

Это что же, другая туша?

Вот с такими невеселыми мыслями я отправился в местные СМИ, чтобы начать рекламную кампанию.

Часа за три управился с местным телевидением и радио. Афишами и расклейками заниматься рано – пока предыдущая программа работает, не моги. К тому же мой шеф обещал окончательно утрясти программу и только в начале следующей недели с проводниками передать афиши, отпечатанные в Москве.

Припекало здорово. Пятница - короткий рабочий день, и на улицах уже после обеда начало заметно редеть – за город народ потек.

Есть не хотелось. Я зашел в открытое кафе и выпил пару бокалов вполне сносного пива. Уже выходя, на улице, прямо на асфальте увидел разноцветные следы босых ног. Следы вели в кафе, из которого я только что вышел.

А ведь это идея! Нужен креатив!

Я снова пошел на поклон к рекламщикам. Кое-что подкорректировал. И только теперь почувствовал, что настроение мое заметно улучшается. Еще раз взглянул на листок, что выдала мне Ирина. Вот это явное упущение – «позывных» художника цирка в нем нет. А он мне теперь крайне необходим. Придется возвращаться в цирк, хотя до понедельника я не хотел встречаться с главбухом, поскольку эта встреча не сулила мне ничего хорошего.

Ладно, делать нечего. Заодно посмотрим, как крутится коллега этого лазерного шоу.

До представления оставалось примерно полчаса, но, подходя к цирку, я ажиотажа не увидел.

К бухгалтеру я не успел зайти. Кабинет Алевтины Петровны был дальше по коридору, за кабинетом директора цирка. Дверь же его кабинета была распахнута настежь. У меня создалось впечатление, что меня здесь ждали...

- Э... как вас там... не проходите мимо. Таки невежливо это. Заходите-заходите, знакомиться будем. Когда придется еще... кхм... если таки придется...

Ну, меня таким «приемом» не возьмешь, бывало и хуже. Меня просто подмывало ответить в таком же тоне. «Э... как вас там... мне теперь не до сук. У меня прием в другое время» - или как-нибудь в таком же роде. Еле сдержался. Третье правило администратора - «Хочешь знать больше, утрись и больше слушай».

Я остановился. Несколько секунд помедлил и зашел в кабинет...

ПРОЗА

Петр Дубенко
(Ташкент)

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЗАТЕРЯННЫМ МИРАМ

*Ты идешь на работу, приходишь с работы,
Постепенно забывая, откуда и кто ты.*

Группа «Сплин», «Тебе это снится»

1.

На ядовито-зеленом табло электронных часов с гравировкой «Любимому главреду» загорелись заветные цифры – обеденный перерыв, – и спрятанный в микросхемах соловей завел фальшивую трель, которая, противно задребезжав на стеклах пластиковых окон, отвлекла хозяина кабинета от изучения рукописи. Тряхнув остатками седеющих кудрей, редактор с удивленной укоризной посмотрел на молодого журналиста по другую сторону стола:

- Это что такое, Фарик? - тетрадный лист с синими прожилками рукописного текста упал на полированное дерево и, подхваченный сквозняком вентилятора, прошелестел к принтеру, из горячей пасти которого медленно выползали листы в прямолинейных узорах отпечатанных строк. - Какие еще затерянные миры? Тебе что там, в Шамолабаде, мозг продуло?

Молодой человек смущенно подвинул отброшенный листок обратно к редактору:

- Вы же не дочитали, Фарид Сергеевич.

Фарид Сергеевич с сомнением посмотрел на плотные ряды мелких каракулей и демонстративно откинулся в кресле:

- Ты когда тексты начнешь нормально оформлять? Что ты все от руки да от руки, вам компьютер на что в кабинет поставили?

- Так он занят все время. Один на четверых. Да и сподручнее мне так, - улыбнулся Фарик. – Когда от руки, мысли лучше крутятся.

- Ну да, сподручнее. А мне теперь разбирать все это? Давай-ка, на словах и покороче, у меня встреча скоро.

- Понимаете, - Фарик повеселел и заговорил заметно увереннее, - есть там один профессор – Могильный.

- Могильный? – Фарид Сергеевич поежился и передернул плечами. – Фамилия-то какая, Могильный.

- Ага, видок у него тоже тот еще, - улыбнулся Фарик. – Но сумасшедшим он только поначалу кажется. На самом же деле его теория признана состоятельной даже некоторыми крупными учеными. Он мне переписку показывал. По ней, по теории этой, на земле существуют возвышенные плато, совершенно изолированные от влияния

окружающего мира. И за счет изоляции, за счет того, что они находятся очень высоко над уровнем моря, там формируется особый климат, в котором эволюция останавливается. Ничего не меняется. Растения, животные. Все там точно так же, как миллионы лет назад. Представляете?

- Ну да? Что, и динозавры бегают?

- Да разве в динозаврах дело?! – Фарик вскочил, едва не опрокинув стул. – Все первым делом про динозавров!!! А вы только задумайтесь, Фарид Сергеевич. Ведь там же мир в его первозданном виде. Вот как он задумывался, уж не знаю кем, богом ли, инопланетянами или еще какой силою, вот такой он там и есть. Это же уникальнейший шанс. Представляете, мы сможем посмотреть, в каком мире мы бы жили сейчас, если бы не было метеоритов всяких, ледников, потеплений, наводнений. Только то, что когда-то кому-то хотелось из нашего мира сделать. Это же... - ораторский талант покинул Фарика, и, захлебнувшись собственным восторгом, он просто развел руками. - Неужели не хотелось бы увидеть?

Фарид Сергеевич замолчал, задумался, кончиком карандаша почесывая за ухом. Фарик тоже притих, надеясь на помощь тишины, которую отпугивало только усталое шуршание вентилятора и обиженное сопение забытого процессора. Монитор заскучал в бездействии, и строгие ряды иконок сменил разноцветный калейдоскоп заставки. Сотни фигур сплетались в затейливые узоры, которые, перетекая друг в друга, рождали фантастические картины того самого мира – плод мечтаний неизвестного создателя.

- Ну да. Посмотреть бы интересно, - Фарид Сергеевич потянулся к мышке, и красота заставки тут же рассыпалась, уступив место привычным обоям. - Только мне сейчас «кирпичи» нужны. Номер горит, понимаешь? С меня актуальные материалы требуют на злобу дня. А ты затерянные миры подсовываешь. Да мне учредитель за такое знаешь, - и редактор выразительно постучал ребром ладони себе по шее.

- Это вы потому так, что самого главного не знаете, - Фарик сел и, картинно закинув ногу на ногу, принял позу победителя. – А самое главное, что по предположениям Могильного, а они основаны на научных данных и космических снимках, одно из таких мест может находиться в горах Памира. То есть здесь, прямо рядом с нами.

- Ну да? – в голосе редактора появилась заинтересованность.

- Вот именно. И сейчас Могильный собирает экспедицию. Он поэтому в Шамолабад и перебрался два года назад. Чтобы поближе к горам быть. Сейчас подготовка уже в завершающей стадии. Еще пару вопросов утрясти осталось и... - Фарик выдержал паузу в лучших традициях великих актеров и добавил, - и как вы думаете, кому обещано единственное место журналиста в экспедиции?

- Неужто тебе? – саркастически хмыкнул Фарид Сергеевич. – Тоже мне загадка. Да я, как только рожу твою сияющую увидел, сразу все понял. Мне другое интереснее, что ты ему за его обещание пообещал.

Фарика вдруг заинтересовали царапины на ламинате, и, опустив голову, он со вздохом начал сбивчивые объяснения.

- Ну-у-у... Экспедиция дело не дешевое. Спонсоры нужны. Во-о-от. А статья в нашем журнале это... как бы...

- Ну да, это как бы, - прервал его редактор. – Это даже очень как бы. А ты знаешь, сколько ныне берут за такую ненавязчивую рекламу? Профессор твой за наш счет просто озолотится.

- Так мы тоже внакладе не останемся, – бросился в контратаку Фарик. – У нас потом такой эксклюзив будет! Все же от зависти лопнут! А кирпичи я вам обеспечу, Фарид Сергеевич. Только тему обозначьте. Вы же меня знаете, нарою все, что хотите.

- Наконец-то умные мысли, Фарик. Я тебя, в общем-то, для этого и вызывал, - Фарид Сергеевич достал из стола тонкую зеленую папку. – Объявился у нас один светило медицинский. Никто о нем ничего толком не знает, одни слухи. А слухи, они и

есть слухи, понимаешь. Так что надо бы осветить для страждущих. Поедешь, поговоришь, поспрашиваешь. Но запомни, сенсации со знаком минус нам не нужны. За них платят меньше. Понимаешь, о чем я? Да, и вот еще что. Заказ этот давно поступил, а значит, времени у тебя в обрез. На все про все сегодняшней день. Завтра поутру материал у меня на столе. ОК?

- А насчет...?

- Идея хорошая. Вот поработаешь, и, если заказчик довольным останется, тогда и затерянные миры твои обсудим. Понял?

- Как не понять, - улыбнулся Фарик, и, опять чуть не опрокинув стул, спружинил к двери, да так резво, что пока редактор формулировал стандартные ЦУ, он уже прощался со скучавшей в приемной секретаршей.

- Ну, пацан, - Фарид Сергеевич, улыбнувшись, покачал головой и, придвинув тетрадный лист с набросками о затерянных мирах, «побежал» по началам абзацев, привычно выхватывая из словесного кружева главное. Дочитав, одобрительно кивнул «Ну да» и, кончиком карандаша почесывая за ухом, посмотрел на стену, где среди грамот и дипломов заблудившимся гостем висела одинокая фотография. С пожелтевшего от времени глянца заглядывали в скромный кабинет три молодых парня, один из которых напоминал Фариду Сергеевича. Только волос у него было побольше, а морщин не было вовсе. Да и откуда им взяться в двадцать два. Ведь здесь они, сразу после получения дипломов, под копченого леща, купленного с рук чиназских рыбаков, и разливной «Кибрай» из трехлитрового баллона обсуждают формат своего будущего журнала. Идеи шли лавиной, скудость трапезы лишь придавала им масштаб, а терпкий аромат одной на троих «Родопи» напускал благородный туман. И когда...

- Фарид Сергеевич, к вам рекламодатели.

Нежный голосок секретарши вернул редактора в настоящее и, оторвавшись от фотографии, все еще слегка затуманенный взгляд упал на забытую Фариком зеленую папку с материалами по гению медицины.

- Пусть проходят, - Фарид Сергеевич положил тетрадный листок в папку, захлопнул ее и небрежно бросил в стол. – О-о-о, какие люди!!! Светочка, быстренько кофе нам.

2.

Строение земного шара таково, что когда стремишься на Запад, можешь оказаться на Востоке. Вот и Фарика стремление к затерянным мирам вынесло не на высокогорное плато, а к бывшему кинотеатру, недавно отданному в аренду крупным воротилам мелкого бизнеса. Реконструкция шла полным ходом – равнодушные наемники делили колыбель экранной мечты на ровные прямоугольники торговых площадей, – и хотя сквозь блеск зеркального фасада кое-где еще проглядывала старая кирпичная кладка, а мраморная дорожка от тротуара ко входу тянулась мимо куч строительного мусора, самые расторопные уже спешили занять место под многоваттным солнцем офисного мира. Их рекламные проспекты, баннеры, плакаты – эти бумажные окна в рай – лепились прямо на штабелях мешков с алебастром и в серо-молочном тумане цементной пыли смотрелись еще привлекательнее. Настолько, что на их фоне забытая всеми афиша старого фильма выглядела убогим изгоем, и немолодой индеец в боевой раскраске с беспомощной печалью и завистью взирал на деловые костюмы равнодушных прохожих. Вереницы людей проплывали мимо, даже не замедляя шага, один только Фарик остановился у выцветшей афиши, взглядом прилипнув к ультрамариновым пирамидам гор, на заднем плане утопавших в призрачной дымке нарисованного тумана. Где-то там, за его загадочной пеленой, подкрашенной золотом умирающего дня, скрывались таинственные миры, вопреки всему сохранившие свою первозданность. И хотя между этим миром и тем растянулось полотно рыже-бурой саванны, Фарик показалось, он

сумел разглядеть узкую тропку, что, петляя меж россыпями раскаленных каменных глыб и уродливыми кактусами-великанами, тянулась к неприступным склонам сказочных плато.

Улыбнувшись многообещающей находке, Фарик вбежал в обложенное стройматериалами фойе и, побродив по лабиринту гипсокартонных коридоров, среди абсолютно одинаковых дверей отыскал-таки нужную.

- Добрый день, - юная блондинка в узкой мини-юбке и воздушной блузке, торопясь навстречу посетителю, покинула рабочее место – компьютер, принтер, факс, ксерокс, и шикарный букет бордовых роз на фоне их опутанных кабелями серых корпусов. – Вам назначено?

- Вообще-то, нет, - Фарик протянул визитку, и улыбка блондинки стала еще лучезарнее.

- Подождите минутку, - попросила она. – Я доложу Саид Махмудовичу.

Фарик кивнул, проводил секретаршу взглядом, и, выдав, тихое восторженное «у-ух», повернулся к стене, сплошь увешанной черно-белыми копиями патентов, сертификатов и лицензий. Для респектабельности к этой экспозиции прилагались несколько фотографий, на которых мужчина лет сорока обнимался, здоровался и обменивался ценными призами со среднего значения сильными мира сего.

Переходя от фотографии к фотографии, Фарик оказался у стола секретарши и, пользуясь ее долгим отсутствием, дал волю профессиональному любопытству: заглянул в плазменный монитор, где в клетках «Excel» гнездились фамилии и цифры, а на панели задач светился значок «свернутого» пасьянса; за специальной подставкой для ручек и карандашей заметил пузырьки с лаком и цилиндрики губной помады; под ворохом клиентских анкет и толстых папок с документами разглядел уголок глянцевого журнала. Уже не находя сил сдержаться, освободил его из бумажного плена и, листая гладкие страницы, восхищенно присвистнул. Модели, модели, модели. Блондинки, брюнетки, шатенки. Совсем юные и уже достигшие пределов зрелости. В роскошных вечерних платьях и откровенных бикини.

- Км-км, - Фарик оторвался от лакированной красоты и виновато улыбнулся. – Саид Махмудович просил подождать. У него важный разговор со Швейцарией. Он примет вас через несколько минут.

- Извините, я просто... - Фарик вернул журнал и в растерянном смущении поспешил заглядывать вину комплиментами. – А вы бы среди них не затерялись. Даже наоборот.

- Спасибо, я знаю, - неожиданно легко и серьезно, без прописанного этикетом кокетства, согласилась девушка. – Это большая мозоль. Папа с самого детства твердил, что мое место на подиуме. Говорил, если Бог дал тебе красоту, ты обязательно должен делиться ею с людьми. Я даже несколько раз участвовала в показах. Две фотосессии. Папа верил, что красота спасет мир, поэтому я должна была стать ее оружием.

- А как же оказались здесь?

- Э-э-а, - девушка махнула рукой и скорчила гримасу, - много ли там платят, на этих показах. Нет, раскрученным моделям, может быть, и нормально, а таким, как я, начинающим. Но чтобы раскрутиться, знаете, через сколько постелей нужно пройти? И ради чего? Неужели я и вправду спасу мир, если буду перед толпами мужиков ходить... - девушка наугад открыла журнал и с наигранной стыдливостью ткнула пальцем в фотографию модели в купальнике, весьма условно прикрывавшем наготу, – вот в этом.

- Почему нет? Я вот, например, от такого стал бы добрее.

- Врете вы все, - улыбнулась девушка, заливаясь румянцем. – Никто от этого не побреет, - она захлопнула журнал и похоронила его под кипой анкет и бухгалтерии. – А здесь я получаю неплохо, и мир спасаю по-настоящему. Знаете, скольким людям Саид Махмудович здоровье вернул? А все эти красивые мечты...

На огромном черном телефоне запульсировала красная точка и милая блондинка снова превратилась в деловую секретаршу:

- Проходите, Саид Махмудович ждет вас.

Лишенный окон кабинет был похож на узкий брусок тусклого света, с боков обрезанный темнотой, а сверху придавленный длинным цилиндром люминесцентной лампы, лучи которой, просачиваясь сквозь абажур цвета свежей крови, придавали всему розовый оттенок. Сразу от дверей посетителя встречали облитые розовой глазурью круглые металлические боксы и стеклянные короба со всякой всячиной, опутанные жилами проводов, исторгнутых из нутра диковинных аппаратов. На тянувшихся по дальней стене стеллажах красовались солидные фолианты, названия на корешках которых скрывали розовые блики. А в центре розовел стол и за ним радушно улыбавшийся мужчина, вместо глаз у которого двумя розовыми солнцами сверкали линзы очков.

- Фарух, - представился Фарик, опускаясь в предложенное кресло. Мягкое, удобное, но скрипучее.

- Меня предупреждали. Еще три дня назад, - недовольно сообщил Саид Махмудович, разглаживая галстук, сверкавший нитями розового шелка.

- Ну, это, как всегда, наверху напутали, - отшутился Фарик, доставая диктофон. – Я, как только, так сразу.

- Да чего уж теперь. Пришли, и ладно. Я все подготовил. Описание метода, аннотация препарата, отзывы излечившихся. Все получите у Орузугуль, секретарши моей. Понимаете, мне нужен не просто пиар, мне нужно, чтобы все выглядело солидно и убедительно. И ради этого я готов к расходам...

- Нужно, значит, будет, - прервал его Фарик, избегая разговоров о расходах, - Но начнем, давайте с другого. С человеческой, так сказать, стороны, нельзя же читателя сразу фактами давить.

- Не понял, - честно признался Саид Махмудович.

- Ну, например, как вы в медицине оказались? Может, случай какой привел необычный, или семейная династия?

- А, вон вы о чем. Да нет, ничего интересного. Родители мои простыми рабочими были. В семье вообще никогда врачей не было. Поэтому я всех родственников удивил, когда еще в детстве заявил, что Айболитом стану.

- Ну, вот, а говорите, ничего интересного, - возразил Фарик. - Детская мечта осуществилась, читателю такие истории только подавай.

- Да. Не знаю, почему, но нравилось мне это, - заметно нервничавший Саид Махмудович приободрился и заговорил намного увереннее. – Вот такой был еще, когда кукол сестренкиных лечил. У нас по соседству старушка докторша жила. Так я у нее фонендоскоп или тонометр сопру и давай... Бывало, и уколы им делал, а один раз в реанимацию играл, провод от лампы обрезал, концы зачистил, хотел электростимулятор сделать. Ну, увидел в кино – разряд!

Фарик улыбнулся, а Саид Махмудович, с неожиданной для его сложения ловкостью выпрыгнув из кресла, нырнул в темноту. Там щелкнул невидимый выключатель, загудела, нагреваясь, лампа, и тускло-серебристый свет начал медленно отвоевывать пространство. Сначала в сплошной чернильной массе проступил необычной формы светильник, огромной сосулькой свисавший из подпотолочного мрака. Потом материализовались стена, заклеенная плакатом из старого рыцарского фильма, и стол, заваленный припорошенным пылью хламом, в котором суетливо рылась бесформенная тень Саида Махмудовича.

- Вот, - Саид Махмудович с той же завидной проворностью вернулся не место, и на стол перед Фариком легла старая фотография с загнутыми краями: в объектив с гордостью смотрел малец лет шести в медицинском колпаке и наволочке вместо халата.

Тонкую детскую шею обвивали гибкие руки старого фонендоскопа, стетоскоп которого лежал на полу, а у ног юного доктора сидела завернутая в тонометр кукла.

- Классно, - с улыбкой подтвердил Фарик. – А можно взять? Для статьи ведь это клад.

- Возьмите. Там такого добра навалом валяется. А вот еще. Это я в школе, училку по медсанподготовке достаю. Эти уроки ведь формальностью были. Все их прогуливали, а кто приходил, тот не слушал ничего. Ее это устраивало, так что от моей любознательности она с ума сходила, честное слово. Как увидит, так чуть не визжит: «Один вопрос – два в четверти!!!». Вот. А потом институт, магистратура, ординатура в Москве, практика. Потом исследования у Лозовского в лаборатории.

- Вы у Лозовского работали? – с удивленной заинтересованностью переспросил Фарик.

- Да. А вы что, слышали о нем?

- А кто же о нем не слышал.

- Да, Лозовский – это имя. Я когда в институте учился он приезжал несколько лекций читать. Мастер-класс, так сказать. Сильное впечатление произвел. Я тогда под его воздействием большими исследованиями просто заболел. По-другому не скажешь. Решил, в лепешку расшибусь, а в лабораторию его попаду. Все для этого делал, из кожи вон лез. И в итоге попал, на свою беду.

Саид Махмудович снова подошел к столу, только теперь без нетерпеливого энтузиазма. Лениво перебрал несколько коробок, достал из одной пачку фотографий и, выбрав подходящие, щелкнул выключателем. Лампа ухнула, раскалившееся стекло запротестовало частым треском, но витая нить внутри сталактита продолжала светиться, из последних сил отгоняя темень от стола и плаката с рыцарями.

- А почему на беду? – спросил Фарик, когда Саид Махмудович вернулся. - Я думал, к такой знаменитости попасть – удача.

- А-а-а, - Саид Махмудович махнул рукой и выложил перед Фариком куски пожелтевшего картона. – Вот сам Лозовский, вот я рядом с ним, вот мы с образцами возимся. Столько лет потерял впустую. Мог бы к сегодняшнему результату лет на десять раньше придти. Он ведь по онкологии работал. Все хотел лекарство против рака найти. У него оба родителя от этого... ну, понимаете. Вот он и повернулся на этой теме. Тогда уже умные люди говорили ему. Не теряй, мол, время зря, займись стоящим чем-нибудь. Но старик упрямый был. Все хотел миллионам помочь, весь мир спасти. Я поначалу тоже этой идеей проникся. Но потом... К счастью, вовремя понял бесперспективность этого направления и ушел в свои разработки. В результате вот... Получил свой уникальный метод лечения, помогающий, кстати, и онкологическим больным тоже.

- Да, пора бы и о методе, - согласился Фарик, с удивлением заметив, что лампа до сих пор не погасла и электрический фитиль продолжает тлеть в ее стеклянном чреве. – А в чем его уникальность?

- Он основан на комплексном очищении организма и обогащении клеток жизненно важными веществами, - заговорив о методе, Саид Махмудович сразу же преобразился, перестал запинаться и как из пулемета застрочил длинными, грамотно выстроенными фразами. – В ходе лечения больной принимает разработанный мною препарат. Частота приема и дозы строго индивидуальны и рассчитываются для каждого клиента, исходя из данных анализов. Тщательно изучая результаты, я лично разрабатываю индивидуальные программы запитки каждого клиента. Препарат уникален тем, что это не лекарство в привычном понимании этого слова, а пищевая добавка, выделенная из белковой массы сои. Понимаете...

Саид Махмудович говорил, объяснил, вдавался в подробности, а за его спиной вокруг стынущей лампы шла бесшумная война света и тени. Борьба была неравной и мрак, стекая с потолка, поднимаясь от пола, наползая с боков, медленно, но верно, пожирал коробки с забытыми фотографиями и стальные доспехи рыцарей – плакатных

героев давно минувших лет. Совсем скоро, в последний раз моргнув остатками накопленной энергии, лампа погасла окончательно, и потайной уголок темного кабинета перестал существовать вместе со всеми его обитателями.

- Месяц регулярного приема, - торжественно закончил Саид Махмудович, - и я гарантирую вам полное избавление от любой болезни.

- Потрясающе, - все еще пытаюсь в темноте разглядеть хотя бы контуры исчезнувших предметов, Фарик понял, что прослушал половину речи и в мыслях от всей души поблагодарил изобретателя звукозаписи. - А какой-нибудь незаурядный случай можете припомнить? Потому что людям ведь подавай что-нибудь такое. Этакое.

- Да, был один случай! – с готовностью отозвался Саид Махмудович. – Я частенько организовываю выезды в провинцию. Ведь болеют не только в столицах, а жители глубинки не всегда могут до нас добраться. Вот недавно вернулся из такой поездки. Представляете, в одном городишке проводим мы консультации. И в конце рабочего дня подходит к нам женщина и умоляет, просто умоляет посмотреть ее отца. Старику восемьдесят с лишним, у него последняя стадия рака. Врачи, естественно, давно поставили на нем крест. Я посмотрел, составил программу приема препарата. Старик долго не соглашался, все не верил в возможность излечения. Но потом согласился, запитался препаратом. И что вы думаете? Через неделю врачи провели комплексное обследование – чисто!!! Ни одной метастазы!!! Вот так вот.

- Невероятно!!! – Фарик посмотрел на вольготно раскинувшегося в кресле Саида Махмудовича, оценил его самодовольную улыбку и, испытывая наслаждение готовящегося к пытке садиста, задал вопрос, ответ на который уже знал. – А я могу с ним поговорить? Для статьи это было бы просто...

- К сожалению, нет. Нет. Он умер. Возраст, понимаете. Да и помощь пришла к нему слишком поздно. В общем, через неделю после излечения он умер совершенно здоровым.

- Жаль! – Фарик едва сдержал смех, предательски щекотавший горло. – А сколько же человек на сегодняшний день излечились благодаря вашему изобретению?

- Точно сказать не могу, но счет идет на тысячи. А вот как раз, - Саид Махмудович взглядом указал на вошедшую секретаршу. За ней в распахнутую дверь заструился свет, бесшумным бульдозером задвинувший темноту в самые дальние углы кабинета.

- Извините, Саид Махмудович, но пришел пациент, - сообщила девушка, положив на стол картонную папку – хранилище врачебных тайн и рецептов надежды. – Ему на это время назначено.

- Ай-яй, - Саид Махмудович сокрушенно покачал головой. – Как он не вовремя-то.

- Да ничего, - успокоил его Фарик, - мы ведь почти закончили.

- Хорошо. Орзукуль, ты приготовила, что я просил?

- Конечно, в тот же день. Аннотация препарата, копии лицензий и отзывы выздоровевших.

- Отдашь все господину журналисту. А пока, - Саид Махмудович жестом отпустил секретаршу, и, дав ей отойти на несколько шагов, распираемый гордостью и жадной посторонней зависти, наклонился к Фарику:

- Видал, - зашептал он, ладонью прикрывая диктофон, – какая фифа. Не лицо – картинка. А фигура. Четыре месяца обхаживал, пока уломал. Другие, конечно, поговорчивее были, - силуэт Орзукуль растворился в прямоугольнике яркого света, тихо закрылась за ней дверь, и кабинет опять провалился в мрачное царство розовых иллюзий. Саид Махмудович перестал душить диктофон и закончил уже в полный голос. - Но оно того стоило, скажу я тебе. Девочка – огонь, такое вытворяет...

- Очень рад за вас, - глупо улыбувшись, ответил Фарик и, отключив диктофон, поспешно смахнул его со стола в карман. - Что ж, вас ждут, да и мне, пожалуй, пора.

Напоследок Саид Махмудович принялся расточать сладкую патоку обещаний и, увлекшись описанием золотых гор с алмазными вершинами, к радости Фарика забыл на

прощание протянуть ему руку. Фарик ждал этого момента как принародного расстрела, так что когда оказался, наконец, в приемной, облегченно вздохнул и хотел, было, сбежать по-английски, но Орзугуль проявила бдительность:

- Куда это вы? – строго спросила она, не переставая обрызгивать розы водой, которая тут же густыми пыльными струйками стекала по пластмассовым бутонам и лепесткам цветов, к удивлению Фарика оказавшихся искусственными. – А как же материалы?

Фарик взглянул на старика, со смирением жертвенного вола топтавшегося у стола секретарши. В большой костлявой ладони сжимая тонкую ручонку пятилетнего малыша, он с любопытством, подпитанным надеждой, изучал разложенные перед ним цветные буклеты и время от времени гладил молчавшего внука по совершенно лысой голове:

- Вот видишь, - шептал старик в такие моменты. – Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

- Вот, это все для вас, - оставив распылитель, Орзугуль протянула Фарику толстую пачку буклетов. – Только позавчера новую партию получили. Очень быстро разбирают.

- А кто бы сомневался, - печально констатировал Фарик и, взяв бумаги, не прощаясь, двинулся к выходу.

«Ну, паскуда запиточная, - шагая по слабо освещенному коридору, Фарик, не чувствуя боли в ноге, пинал мешки с алебастром, еще не подвешенные карнизы и штабеля отделочных реек. – Я тебе покажу пиар. Солидный и убедительный. Получишь ты у меня брэндингом по рейтингу так, что имидж отвалится. Главред вот только... Хотя Фарид Сергеевич меня поймет. Он сам журналист. Не станет же он...»

- Куда прешь? Ослеп что ли?

Копошась в черноте нахлынувших мыслей, Фарик не заметил, как оказался на улице и едва не столкнулся с рабочими, выгружавшими из «Газели» огромный баннер, с которого лучезарно улыбающаяся блондинка предлагала отпробовать очередное чудо пищевой промышленности, за опт обещая солидную скидку. Фарик посторонился и рабочие, кряхтя да поругиваясь, понесли рекламу к одинокой афише с индейцем, на которой уже болтался закрепленный на веревках паренек. С мясом оторванные края полотна свисали с металлической рамы, а отодвинутые за саванну горы с каждым движением верхолаза складывались в морщинистую гармошку. Пузатенький мужчина, суется между проржавевших стоек, призывал висевшего на стропях «рвать не жалея» и за каждое неосторожное движение ругал рабочих, облепивших баннер.

Не отводя взгляда от исчезающих в складках пыльного материала гор, Фарик достал мобильник и по памяти набрал номер:

- Привет, Пинкертон, что там насчет моей просьбы? Нарыл? Интересное? Даже так? Тогда давай увидимся. Через час на старом месте? Идет.

Фарик сунул мобильник в карман и, глядя в картонные глаза баннерной девушки, улыбнулся:

- Ничего, скоро мы с вами поквитаемся.

3.

Широкая веранда, одним краем ухватившись за увитую виноградником стену, вторым опиралась на высокие бетонные столбы, у основания которых мутные волны безымянного канала лениво перебирали крошки насыпного щебня. Вдоль резных деревянных перил за пластмассовыми столами с поспешностью деловых людей скребли вилками по одноразовой посуде редкие в это время дня посетители. Чуть в стороне, укрывшись под зеленью живого навеса, вытянув натруженные ноги, сидели официантки, и даже резкие окрики шеф-повара, существовавшего где-то в глубине окутанной паром кухни, не могли нарушить их мерно текущей беседы.

Фарик часто приходил сюда. Он любил это место, но не за приличную кухню по приемлемой цене, а за необычный вид, открывавшийся тем, кто был способен отвлечься от тарелки. Рукотворное русло канала будто служило пограничной линией между двумя непохожими мирами. На одном берегу развернулся асфальтово-бетонный пейзаж: одинаковые коробки многоэтажек, слитые в ровные квадраты кварталов, между которых по серым венам дорог растекались потоки машин, и над всем этим поднималось жаркое марево с парами бензина, рождавшее в закопченном небе красивые причудливые миражи. На другом – под пологом фруктовых садов с редкими проплешинами шиферных крыш притаилась городская окраина, которую вдали сменяли неровные ряды виноградников и пыльно-зеленое море полей, на горизонте окаймленное белой изломанной линией гор. Сегодня они были видны как никогда хорошо и, включив тумблер фантазии, Фарик даже сумел разглядеть в тонкой прожилке меж небом и землей залитые солнцем долины и непроходимые перевалы, узкие серпантины, что, петляя меж заснеженных каменных громад, уводили в неизвестные края малочисленную экспедицию. Уже были преодолены великие трудности и еще большие ждали вереди, но... но на этот раз помечтать вволю не удалось.

- Служителям независимой прессы пламенный привет!!! – низкий голос с неестественной, словно наигранной хрипотцой, вернул Фарика к остывшему чайнику на поцарапанной пластмассе.

- Ответный пламенный работникам частного сыска, - Фарик поднялся и, с размаху звонко хлопнув по протянутой ему ладони, обнялся с подошедшим мужчиной в поношенных джинсах и черной майке, короткие рукава которой обнажали на плече наколку в виде круглого щита с латинской надписью по периметру, надвое расколотой уродливым шрамом. – Привет, Санек.

- Здорово, здорово, - Санек присел по другую сторону стола и, выдав в сторону официанток требовательный жест, с ехидной усмешкой кивнул на одинокий чайник. – Что, зарплату давно не получал?

- Да я вообще-то сытый. Но если ты угощаешь...

Покачав головой, Санек повернулся к подошедшей официантке – совсем молоденькой девчонке в заляпанном жиром фартуке:

- Значит так, девушка, мне двойной плов, четыре шашлыка бараньих и две «Балтики» девярых на десерт, а этому упырю сырую печень и литр свежей крови.

Официантка оторвалась от блокнота с заказами и недоуменно посмотрела на Фарика.

- Да не слушайте вы его, мы до заката кровь не пьем. Так что мне то же самое, только в два раза меньше.

Девушка улыбнулась и заспешила на кухню, нарочито соблазнительной походкой призвав мужчин к внимательному молчанию.

- Эх, ни минуты для личной жизни, - расстроено посетовал Санек, отрываясь от созерцания стройных ног. – Ну, да все это лирика. Давай, пока не занялись чревоугодием, перетрем дела наши скорбные? - Фарик согласно кивнул, и Санек достал из заднего кармана джинсов диск в мягкой упаковке. – Вот тебе все, что нарыть удалось. Компом пользоваться умеешь, динозавр?

- Разберусь как-нибудь, - Фарик по столу притянул диск на свою сторону. - А на словах Фокс что велел передать?

- На словах? - Санек погладил лишенную прически макушку, пальцами потер кривую переносицу, - короче, пациент твой личность непростая - компра на него серьезная. Хотя поперву он ни в чем таком замешан не был. Отирался у одного чувака знаменитого в бригаде. Как же там его...

- Лозовский, - нетерпеливо подсказал Фарик.

- Точно. По нему материалы тоже скинул, на всякий случай. Так вот. У этого Лозовского он лет восемь лямку тянул. Что они там изучали, одному черту понятно, но,

по всему видно, работали серьезно и легально. Не халам-балам какой-нибудь, - вернулась официантка, и Санек замолчал, ожидая, пока она переставит все принесенное с подноса на стол. – Спасибо, красавица. Так вот. А потом, снюхался твой с одним типом. Тот кидаловом промышлял, но не по мелкому, а крупные куши заглатывал. Схема у него была необычная – косил под ученого. Якобы сенсационное открытие сделал, и если сейчас в разработку вложиться, потом можно нехилые барыши с этого дела огрести. Обставлял все четко, снимал бабло с лохов и сливался по-тихому. Вот вместе с ним твой этот мутняк, что нынче толкает, и придумал. Тот чувачок, ну, с которым твой до аферы этой работал, вроде как после всех этих дел даже на больничку загремел. Переживал так за ученичка своего. Но это лирика, дела не касается. А дело резво пошло, на чудеса нынче спрос, сам знаешь, повышенный, так что деньгу они загребали немалую. Но потом под хмыря того московские менты рыть начали, он и растворился. Года три уже нигде не светится. А твой не растерялся и в одиночку всем рулить начал. Но тут органы и к нему принохиваться начали, вот он и свалил к нам, на историческую Родину. Ну, как, интересные игрушки дядя Саша принес?

- Да-а-а!!! Я, конечно, ожидал... Но что такое!!!! – Фарик отхлебнул пива прямо из бутылки и постучал по диску пальцем. - А связь их из этого доказать можно?

Санек многозначительно ухмыльнулся:

- Там и доказывать нечего. Покопаешься, все найдешь, что надо. Твой, значит, в папке «пациент» лежит, а тот в «организаторе». Еще папочка «менты» имеется. Все по разработкам ихним, один кореш московский подбросил, - Санек отставил опустошенную косу из-под плова и придвинул тарелку с рядком уложенными палочками шашлыка. – Смотри только, Фарик, в очередное дерьмо не вляпайся. А то устал я тебя отмазывать. Кстати, последний клиент как, остыл или все еще мечется?

- Остыл.

- Точно? Если нет, скажи. Нарисую ему проблемы, не только про тебя забудет, но и... - Санек не договорил, его телефон беспокойно заелозил по столу, голосом Шнура исполняя что-то непотребное. Санек взял аппарат и, посмотрев на номер звонившего, сморщился как от зубной боли, которая мучила его месяц, вчера затихла, но сейчас снова возобновилась. Включив громкую связь, он повернул телефон так, чтобы Фарика тоже было слышно. Из динамика полился тонко-плаксивый женский голос:

- Санни-и-и-и. Ну, ты где? Запись is finished, ехать надо, меня на фуршете ждут, а тебя нету-у-у-у. За что такие испытания на мою хрупкую голову. Чего молчишь?

Показав улыбающемуся Фарика кулак, Санек ответил:

- Через пятнадцать минут буду. Я на задании.

- Задание!!! Сказочник ты, Санни, братья Андерсен отдыхают. Врун такой, толкачом в супе не поймаешь. Твой шеф сказал, у тебя одно задание – я!!! Хочешь и рыбку съесть и на сковороде поваляться, да?

- Через пятнадцать минут буду, - повторил Санек и отключил телефон, который через несколько секунд затрезвонил снова. – Да пошла ты, - ругнулся Санек, нажимая на «сброс», и, отвечая на безмолвный вопрос Фарика, тяжело вздохнул. - Пациент мой теперешний. Две недели уже охраняю. Восходящая звезда эстрады. Один раз на репетициях посидел, уши завяли, до сих пор музыку слушать не могу. Зато гонору-у-у. Сам себе удивляюсь, откуда у меня терпения столько. В звукозапись ее сейчас забросил, а сам к тебе. Теперь вот шефу настучит, - Санек повернулся к скучавшей официантке. – Красавица, определи-ка мои убытки.

Девушка обрадовано застучала пальцами по миниатюрному калькулятору, быстро «подбив» сумму, бросила на клиента оценивающий взгляд, приплюсовала еще пару тысяч, и, подойдя к столику, с настороженной надеждой положила перед Саньком исписанный листок блокнота.

- А что шеф, крут? – спросил Фарик, торопясь допить пиво, чтобы суметь оказаться в машине Санька пассажиром.

- Да ну, какой там. Только понты умеет нарезать крупными ломтями. Но мозг засушить может не иллюзорно. Вообще, знал бы ты, братишка, что это за гадюшник, наша контора. Батя, конечно, годов не добрал, спору нет, рано умер. Но иногда думаю, хорошо, что он до этой поры не дожил, не увидел, чем сынок его драгоценный занимается, - Санек замолчал, задумчиво изучая острие шашлычной палочки, потом вдруг улыбнулся по-детски светло и радостно, - а помнишь, как мы у него корочки сперли и фломастерами ксиву мне намалевали?

Фарик чуть не поперхнулся пивом и, отставив бутылку, закивал:

- А как же. «Александр Пакостин. Помощник Шерлока Холмса. Гроза преступного мира».

- Ага. Отец сначала корвалол флаконами глотал, а потом два дня успокоиться не мог. Хохотал, как ненормальный. Помнишь, да? А теперь прикол хочешь? Эта вот... Санни-и-и... Я когда опером сайгачил пару раз на рейде ее с панели выдергивал. Элитная, правда, была, сказать нечего. Не халам-балам какой-нибудь. Вот там она однажды и подцепила одного фартового в папики себе. Продюсер теперь ее. Ну, и любовник по совместительству, конечно. Кстати, его я тоже как-то раз чуть не прихватил на палеве одном. Было дело. Вот так, брат. Раньше я эту сущность в наручники паковал, а теперь от фанатов охраняю. Все течет, все в этом мире меняется.

- Ну, да, - уныло согласился Фарик и, жестом отказавшись от пивной добавки, случайным взглядом зацепился за потемневшие шипы далеких гор, по белоснежным бокам которых уже стекали остатки заходящего солнца. - А прикинь, есть места, где ничего не меняется.

- Не понял, - озадаченный Санек остановил расправу над последней палочкой шашлыка. - Ты это о чем?

- Да... знаешь... есть такие затерянные миры... высоко в горах... непроходимых... Так там все до сих пор так же, как было в самом начале.

- А, читал что-то такое в детстве, - согласился Санек и, заглатывая остатки мяса, задумчиво то ли спросил, то ли ответил. - Там, наверное, красиво.

- Еще как, - с улыбкой кивнул Фарик, не в силах оторваться от растворявшихся в закате вершин. - А хотел бы увидеть?

- Лирика, - без раздумий постановил Санек, отодвигая пустые тарелки и сливая в себя остатки пива. - Ладно, брат, пора мне, - не особо изучая счет, он положил на край стола стопку мятых засаленных купюр, - если что, звони. Тебе всегда помогу.

Санек ушел, а Фарик долго еще игнорировал недовольные взгляды служительниц подноса, и, занимая столик, без всяких мыслей и эмоций смотрел вдаль, где быстро темнеющее небо вдавливало рваные края гор в черное полотно, уже поглотившее поля и виноградники, притихшую окраину и все еще гудевший суетой город.

4.

В редакции Фарик оказался уже далеко затемно. Осторожно прошел мимо глуховатого старика-охранника, в скуке щелкавшего пультом телевизора, и первым делом заглянул в приемную шефа. Пусто и темно, только в дальнем углу аквариум светился голубоватым ореолом подвешенной над самой водой лампы. Оттуда Фарик уже без опаски зашагал по коридору, разбудив недовольно зашептавшееся в дальнем конце эхо. В тесном кабинете на четверых включил настольную лампу, достал из стола отсутствующего коллеги банку с растворимым кофе и, сунув в графин с водой белый от многолетней накипи кипятильник, занял единственное вращающееся кресло перед компьютером. Включив его, вставил в дисковод болванку и в ожидании полной загрузки придвинул к себе стопку белой писчей бумаги. Пока оформлял в слова давно уже созревший план, компьютер сыграл увертюру «Windows» и автозапуском открыл окно с содержимым диска. Фарик решил начать с папки «Организатор», в которой оказалось

несколько вордовских документов внушительного объема и один графический файл «фото». Фарик навел на ярлык курсор мыши и дважды шелкнул, но увидеть фото не успел.

- Фарик, шарашкин сын, - в распахнутой двери материализовался заспанный главред.

- Уф, Фарид Сергеевич, - испуганно возмутился Фарик. - Так ведь инфаркт, подарить можно.

- У меня по твоей милости уже давно инфаркт и ничего. Почему телефон молчит?

- Не знаю, батарейка, может, села, - соврал Фарик, ясно вспомнив, как отключал мобильник на время беседы в кафе.

- Врешь, - постановил Фарид Сергеевич и, сев перед Фариком прямо на стол, завладел планом статьи и первыми черновыми набросками. – Ну, посмотрим, какую гадость ты мне на этот раз готовишь? Так, так. Ну да, ну да. Ага, даже вот так. Интересно, - Фарид Сергеевич смял листок и, не заботясь о попадании, запустил его в скрытую темнотой урну. - Вот что ты за человек, Фарик? Я же тебя просил – никаких сенсаций. Мне завтра – край номер в верстку сдавать, заказчик этот материал ждет, кипятком уже в туалет ходит, а ты...

- Так до завтра все готово будет.

- Что готово будет?! – Фарид Сергеевич подпрыгнул над столом, будто запоздало ощутил разложенные на нем кнопки. – Ты что, Фарик, идиот? Ты не понимаешь, что вот эти твои разоблачения никому не нужны. Нам за другое заплачено.

- Фарид Сергеевич, да ведь это же...

- Да я сам знаю, что это!!! Не дурак, не думай. Но я не Дон Кихот, меня Фарид Сергеевич зовут, и на ветряные мельницы бросаться я не собираюсь, - за несколько мгновений тишины перевея дух, Фарид Сергеевич заговорил уже спокойно. – Ну, что ты кому доказать хочешь? Думаешь, изменишь что-то этим? – Фарик молчал, не отводя глаз от графина, в котором яростно бурлила кипящая вода, каждую секунду грозившая выброситься из стеклянного горла, как пороховые газы из раскаленной пушки. Но невидимая сила надежно удерживала клокочущую жидкость в прозрачных границах. – Ну, ты хоть знаешь, какие люди за ним стоят?

- Ну и что? – не сдавался Фарик, - я такие материалы нарыл, у них земля под ногами загорится.

- Не хочешь по-хорошему, да? – вздохнул Фарид Сергеевич, выпрямляя сутулую спину и разворачивая поникшие было плечи. – Тогда давай так. Либо ты сейчас кончаешь всю эту свою... Садись за комп и к утру ваяешь хвалебную оду на этого проходимца. И заметь, при этом рожу не кривишь, да. Либо можешь дальше воевать, и хотя в моем журнале эта статья не пойдет, это уж точно, да и увольнять я тебя не стану, но про затерянные миры свои можешь, в таком случае, забыть. Навсегда. Понял? Я так понимаю, молчание – знак согласия, - подытожил Фарид Сергеевич, через недолгую паузу, - вот и правильно. Правильно.

Встав, Фарид Сергеевич перегнулся через стол и выдернул из розетки шнур кипятильника. Через несколько секунд, истратив остаток внутреннего жара, вода сдалась и, булькнув еще несколько раз, обрела прежний покой и стоячую безмятежность. Проходя мимо Фарика, Фарид Сергеевич хотел, было, похлопать его по плечу, но, уже занеся руку, передумал и, несколько мгновений постояв в этой нерешительной позе, двинулся к выходу. У самого порога остановился и, оглянувшись, пожал плечами:

- Ну, ты это... не парься особо. Лучше работай. Помогает. А потом.... Ну, ладно... пойду. В общем, материал к утру.... Давай, работай.

Ржавый плач петель, прерванный резким стуком двери, оживил Фарика и, тряхнув тяжелой, будто чужой головой, он с протяжным присвистом вытолкнул из груди душивший, словно отравленный воздух. Встал, огляделся, не узнавая серых стен и убогих книжных шкафов, придавленных низким потолком к грязному полу. В углу,

возле кривого плинтуса, заметил скомканный лист, присел на корточки, разгладил его и долго смотрел на слова, израненные острыми лезвиями перегибов, оборванные фразы, терявшие окончания в морщинах изуродованной бумаги, мятые сгустки которой напоминали заснеженные горные хребты, скрывавшие великую тайну затерянных миров. Фарик представил, как, спасая никому ненужный текст, он сейчас сгладит выпуклости миниатюрных вершин, превратит их в белую безликую равнину, на которой уже никогда ничего не найдешь.

- Да, к черту! – Фарик встал и повторно скомкал остатки ненаписанной статьи, - все ветряки не победишь. Гори они огнем.

Он швырнул бывший черновик в урну и, вернувшись к столу, повернул к себе монитор, где уже давно ждала фотография из папки «организатор». Привычно ухватив мышь, Фарик уже навел ее указатель на красный крестик в правом верхнем углу, но палец так и застыл над мышкой. Фарик окаменел. С экрана на него смотрел... профессор Могильный.

Пудовым молотом пару раз, бухнув по вискам, сердце рухнуло куда-то вниз и, колючей проволокой скрутив желудок, к горлу подступила тошнота. Перед глазами замелькали сполохи молний, кровавыми ятаганами срезавших головы белых великанов, таких мощных и беззащитных, послушно рассыпавшихся в гремучие камнепады, что засыпали перевалы, серпантины и тайные охотничьи тропы – все, что могло служить проходом. Черный потолок ураганом обрушился на Фарика, вырвал из-под него кресло, со свистящим хохотом завертел, завьюжил, в беспощадный стремительный вихрь вовлекая шкафы, столы, компьютер.

Спасаясь от этого наваждения, Фарик зажмурился, для надежности спрятав лицо в мокрых ладонях, а когда открыл наконец глаза, все было на месте и даже за распахнутым настеем окном царила безмятежность. Руки опять стали послушными и по волшебному щелчку мыши с экрана исчезла фотография Могильного, вместо которой появилось размеченное поле Word'a. Фарик придвинул клавиатуру и застучал по ней ожившими пальцами. Набив несколько абзацев, остановился, и, оценив результат, отдал команду «выровнять по ширине». Косые края строк послушно вытянулись в ровные шеренги, сложившиеся в одинаковые прямоугольники абзацев. Фарик удовлетворенно кивнул, и четка клавиш возобновилась, с каждым новым словом набирая темп. В эту ночь писалось Фарикам легко. В эту ночь одним затерянным миром стало больше.

ДУШЕГУБ

1.

- Посторонись!!! Дай дорогу!!! – грозный окрик предвестником беды разлетелся над испуганно затаившейся слободой. – Чего остолебел? Али не видишь, князь великий едет?! Пшёл прочь!!!

Воины расступились, самые расторопные, облепили утыканный стрелами таран и поспешили откатить его в сторону. Орудуюя древками секир, дружина потеснила толпу окровавленных пленных.

Князь Иван Данилович тронул поводья, и белоснежный конь его медленно прошел сквозь остатки частокола, миновал заваленный хворостом ров, втоптал в грязь щепки разбитых ворот и вышел на широкую площадь, застеленную грубым тесом и еще хранившую следы короткой, но жестокой схватки: лужи крови, изрубленные латы, раздетые трупы. За князем, чутким слухом ловя каждый шорох, зорким взглядом буравя каждую тень, потянулась стража.

- Слава великому князю – Москвы правителю!!! – в свете нарождавшейся зари бледно засверкала оружейная сталь.

- Здрав будь, княже, ворогам на устрашение!!! – над обнаженными головами взметнулись шлемы и шапки.

- Многая лета Ивану Даниловичу, заступнику нашему!!!

- Душегубец проклятый!!! – раздался вдруг среди общего ликования хриплый старческий голос. Двое дружинников бросились в беспорядочную толпу пленных, но живая стена расступалась неохотно, и дерзкий крик продолжал возмущать спокойствие. – Пошто пришел, кровосос?! Вурдалак в обличье человеческого! Сколь земель разбою предал!!! Тверь пожег, Торжок разграбил! Теперь и к нам длани свои жадные тянешь? Воля наша покоя тебе не дает? Али новый грабеж задумал, тать, чтобы на добро наше чужие волости к уделу своему примыслить? А-а-ах!!!

Дружинники наконец растолкали непокорных, и удар в висок повалил кричавшего наземь. Под руки подхватив обмякшее тело, воины рывком поставили дерзкого на ноги.

- А ну, сказывай, кто речам крамольным тебя подучал?

Но пойманный лишь злобно усмехнулся, глаза его горели бесстрашием обреченности:

- Не тщишь надеждой, душегуб!!! Отольются тебе слезы притесняемых. Все, все на страшном суде припомнится!!! Душегу... лихо... имец... прокля...тый.

Зажимая рот смутьяна, дружинники поволокли его прочь, за околицу. Над нестройными рядами пленных поплыл, было, недовольный ропот, но зловещий блеск вскинутых секир быстро остудил горячие головы – возмущенные голоса смолкли, потонув в лязге оружия и топоте кованых сапог.

Сам же князь даже бровью не повел, будто и не случилось ничего. В полном равнодушии пересек он площадь, остановив коня у двухэтажного терема. В тесноте высокого крыльца старательно били поклоны воеводы и другой воинский люд. Проворный холоп подставил под княжеский сапог согбенную спину. Сойдя на землю, Иван Данилович одернул нескладно сидевшую кольчугу, поправил постоянно съезжавший на бок шлем и раздраженным жестом остановил воеводу, уже проронившего первые слова приветствия:

- После, - бросил Иван Данилович и устало зашагал по заляпаным кровью ступеням.

В тереме царил полнейший беспорядок: кучей свалены узлы с вещами – то ли старый хозяин второпях готовился к побегу, то ли новые наводили в доме свой порядок, – а все, что победителю не приглянулось или в узлы не поместилось, было разбросано, изломано, потоптано. Оглядевшись, Иван Данилович тяжело вздохнул, снял шлем, расстегнул ремень с кинжалом, и лишь избавившись от непривычных вещей, обратился к воеводам:

- Добрая победа, - не слишком радостно поздравил он их и, заложив руки за спину, принялся расхаживать по тесным покоем. – Много ль ворогов посекали?

Воеводы переглянулись – каждый надеялся, что сыщется среди них смельчак, который не устрашится княжеского гнева и начнет давно назревший разговор. Но охотников не было, тишину нарушали лишь неспешные шаги князя.

- Чего онемели, что карась, шуку узревший? – сурово посмотрев на собравшихся, Иван Данилович наугад указал «крайнего». – Говори ты, Федор Акинфович.

Под общий вздох облегчения вперед шагнул высокий воевода в длинной, до самых колен, кольчуге:

- Полтыщи почитай. Да в полон взяли столько же.

- Сколь уйти смогли? – продолжал расспрос Иван Данилович, про себя гадая о причинах воеводского смятения.

- Половина дружины волохской по лесам рассеялась. Вдогон послали, было, да не видать ни зги. Вернуть пришлось.

- А что это, друже Федор Акинфович, хмур ты да невесел? – князь остановился и в упор посмотрел на воеводу: правая бровь опустилась на сощуренный глаз, левая птицей взлетела к середине лба. – Али победе не рад?

Ища поддержки, Федор Акинфович оглянулся на товарищей, но те придти на помощь не спешили. Воевода вздохнул, помялся, повертел в руках лисью шапку.

- Победе рад, княже, - решившись, наконец заговорил он. – Да токмо все дружно молить хотим тебя, чтоб войско свое за Двину ты отвел.

Иван Данилович нахмурился и тяжелым взглядом до костей пробрал военачальников, по их склоненным головам понимая, что просьба-то действительно общая.

- За Двину? – переспросил князь, и под волнистой бородой заходили напряженные желваки. – Отчего же так? Дружину вражескую разбили, путь чист до самого Волоха, а ты за Двину собираешься?

- Твоя правда, княже, - согласился Федор Акинфович, но тут же добавил:

- Да проведали мы, что за стенами Волоха новая рать сбирается. Да и то бы не беда. Один раз побили, еще побьем. Только ныне донесли мне, что Наримант с дружиною своей пределы литовские покинул да на подмогу к волохцам спешит. А дружина у него сильная...

- Сильней моей нешто? – сердито перебил Иван Данилович.

- Да ежели б он один супротив нас стоял... Так ведь волохцы заодно с ним биться станут. Да и псковичи с новгородцами притеснения твои простить не хотят. Отряды их обозам нашим грозят. Две засады было уже – людей побили, добро пограбили. Ежели за Двину в скорости не вернемся, зло и люто будет войску нашему.

- Зло и люто? – криво усмехнулся Иван Данилович и покачал головой. – Не-е-ет. Вот коли завтра князья да бояре прознают, что Калита Волох повоевать не сумел, вот тут нам зло и люто будет. Ибо смута великая в их умах настанет да гордостью пустой сердца переполнит. Нет, друже Федор Акинфович. Нету нам за Двину ходу, нету, - печально вздохнул Иван Данилович, но тут же, заметив смущенные перегляды воевод, разъяренным медведем шагнул к попятившейся свите. – Али еще что знаете, чего мне неведомо?

Оглянувшись, Федор Акинфович получил от остальных безмолвное согласие и, заговорил, не поднимая на князя виноватых глаз:

- Прости, княже, не хотели мы победу твою вестями недобрыми омрачать.

- Сказывай, не тьяни!

- Вечор из Москвы боярин Алексей прискакал.

- Вечор? – повысил голос Иван Данилович. – Рассвет зреет, а я о том ничего не ведаю? Где он? Из-за спин воинских, словно побитая собака, вышел маленького роста толстенький человек в помятом дорожном платье.

- С чем прислан? Ну, не робей. Я, чай, не Узбек, за вести дурные на плаху не пошлю. Сказывай.

- Гонец от царя Капчакского ко двору твоему прибыл, великий князь.

Боярин снова замолчал, отводя глаза.

- Сказывай, кому велено!

- Требует от тебя Узбек собирать дружину и с темником его... эхо-хо... идти Смоленск воевать.

- Смоленск воевать? – от гнева великого князя не осталось и следа. Отступив, он обескуражено развел руками, потерянный взгляд заметался с одной потупленной головы на другую. – Отчего же так?

- Князь смоленский, Иван Александрович, выхода татарам дать отказался.

- Да как же? – от такой новости у князя вдруг подогнулись ноги и Иван Данилович осел на узел с вещами. – Да как же это? Иван Александрович ране мудр был, смирен да спокоен. А ныне одерзел настолько, что за выход перечить решил? Из-за пустого гнев

узбеков на себя навлекает. С чего вдруг? – потихоньку отходя от внезапного удара, великий князь устремил орлиный свой взор на оробевшего гонца. – Сдается мне, боярин, знаешь ты причину. Сказывай, а не то...

- Не сердчай, великий князь, но... из Твери то ветер дует.

- Александр?! – Иван Данилович вскочил, подлетел к боярину и, схватив за грудки, не заметил, как на ладонь оторвал его от пола. – Врешь! Откуда ведомо?

- Боярин тверской, Родион, от Александра бежавши, к тебе на двор за милостью пришел. Он-то и досказал... – затараторил испуганный боярин. – Как замирился, говорит, Александр с Узбеком, получил от него прощение да снова в Твери сел, так не перестает соседних князей недоброму наущать. Люди его на дворах княжеских да подворьях боярских слухи пускают, будто ты нечестием своим Русь продал. Будто ты, откуп царский с князей получая, токмо десятину Узбеку в Орду отправляешь. Остальное себе в кошель берешь. Церкви строишь, митрополита к себе в Москву сманил, а сам тайно магометанство принял, да ночами на святых алтарях обряды нечестивые творишь. Уже многие князья, возмущением полны, открыто сказывают, что власти твоей не желают знать.

Внезапно ослабевшие руки разжались сами собой. Иван Данилович отшатнулся и на глазах из великого князя превратился в усталого старика. Неверным шагом подойдя к окну, он толкнул искорёженный ставень и ноющей грудью жадно втянул свежесть раннего утра. Горячим лбом прижавшись к прохладному дереву рамы, князь устало зажмурился. «Неужто сызнова все начнется? - спросил он сам себя, до крови кусая губы. – Неужто все, что за десять лет построено, в омуте смут да раздоров без следа канет?»

И будто в подтверждение тревожных предчувствий терем наполнился вдруг горьковатым запахом раскаленной хвои. Все еще надеясь ошибиться, князь открыл глаза и, застонав, сжал громко хрустнувшие кулаки. За окном, в сумерках зарождавшегося дня смутно проступали очертания опустошенной слободы: соломенные крыши над почерневшими от времени срубам, тесные дворики с ровными кладками дров, узкие, зажатые меж перекошенных заборов улочки. А над всем этим, разгоня остатки ночи, поднималась алая заря пожара. Цепкими пальцами хватая обреченные строения, огонь быстро расползлся над деревянной теснотой. Грязно-белые облака, на глазах густея, медленно потянулись прочь от земли к своим небесным братьям.

Иван Данилович невольно содрогнулся – в далеких отблесках крепчавшего пламени вместо безымянной слободки привиделась ему старая Тверь. Вспомнилось, как еще не будучи великим князем, стоял он рядом с темниками татарскими и безучастно смотрел на растворявшийся в огне город. Как потворствовал избиению мужей тверских, как не противился насилию над женщинами русскими. А потом пировал на еще не остывшем пепелище, в пьяном угаре поднимая кубки за здоровье великого царя Капчакского Узбека – мудрого и милосердного. И такими живыми, яркими картинками всплыли в памяти те события, будто не десяток лет прошло с тех пор, а меньше недели минуло.

- Эх, полыхает-то, глянь, а, - под окнами терема собиралась толпа любопытных москвичей. Позванивая кольчугами да ухмыляясь в бороды, воины неспешно поднимались на дровяницы, взбирались на заборы и оттуда равнодушно наблюдали за визжащей суетой слободчан, пытавшихся укротить разбушевавшееся пламя.

- Вот чудные, однако ж, - покачал головой сухой старик с седой бородой до пояса и единственным глазом, слезящимся и подслеповатым. – Чего бегать-то, водой поплёскивать, кады разгор этакий пошел? Коль разошелся петушок, так сладу с ним не будет, - и, потеряв интерес, старик безразлично махнул рукой, авторитетно добавив напоследок. – Чтоб разгору не давать, в начале самом душить надобно, а нынче уж что суетню разводить.

Услышав эти слова, Иван Данилович будто ожил, тряхнул головой, сбросив оцепенение, повел могучими плечами.

- Воля моя такой будет, - тихо заговорил князь, отходя от окна. – Виновников пожара сего сыскать да в петлю. После войско собирать и за Двину уводить. Воеводам Александру Ивановичу да Федору Акинфовичу нынче же в Москву поспешать. Дружину в поход на Смоленск готовьте, да глядите, чтобы татары прежде вас пределов смоленских не достигли. Ибо быть тогда бедам большим по деревням и селам. А сыновьям моим, Семёну с Андреем, наказ от меня передадите: дары готовить богатые да в дорогу собираться. В Орду поедем, - и, обеда всех уставшим взглядом, задумчиво добавил. – Чтоб разгору не давать, в начале самом душить надобно.

2.

Орда встретила гостей обманчивой прелестью позднего лета. Южное солнце, нежно касаясь бледной кожи северян, украшало их лица ровным румянцем загара. Но лишь зазеваешься, на мгновение забудешь об осторожности и не заметишь, как обгоришь до самого мяса. Ветерок со сладким запахом цветущей степи тихим шелестом своим соблазнял распахивать тесные одежды и дышать, дышать полной грудью. Но стоит только довериться этой легкой свежести, тут же свалишься, сраженный страшным простудным удушьем. Обманчива красота ордынская.

Восемь дней томился Иван Данилович ожиданием. Восемь бесконечных дней. На девятый в завешанную пыльными коврами юрту бесцеремонно ввалился высокорослый широкомордый батыр. Густо сплюнув на пол, он расплылся в наглой ухмылке и, шепелявя наполовину беззубым ртом, сообщил, что князю позволено сегодня быть на ханском пиру. Иван Данилович, не раз ходивший по тонкому льду татарского гостеприимства, обнял обоих сыновей и долго не выпускал из пальцев их шелковистых кудрей:

- Ну, сынки, коли не свидимся боле, прощайте да лихом меня не поминайте. Без меня держите Русь крепко, а коли умереть придется, слабости врагу не показывайте. И да обережет вас Господь десницею своею.

Иван Данилович заставил себя оттолкнуть сыновей и, не оглядываясь, зашагал прочь. Быстро дойдя до царского шатра, князь остановился, под насмешливым взглядом стражи, сделал вид, что поправляет татарский халат, на самом деле прислушался. За тонкими стенами процветало веселье: голоса знакомых темников то и дело тонули в визге рабынь и раскатистом смехе хана. Перекрестившись, Иван Данилович откинул расписной полог и шагнул в чадающий угар ордынского пира.

- А-а-а, коняз Ивашка прийдил, - увидев Ивана Даниловича, радостно вскрикнул Узбек-хан, отставляя пиалу с кумысом. – Килин, килин, хурматли достим. Давно не видал тибя. Или ты в сивой Москва от миня сипрятаться хочешь?

- Помилуй, великий царь, - внутри у князя все напряглось и похолодело, будто не по мягкому коври он шел, а по натянутому чрез пропасть канату. – Разве под силу кому от взора твоего схорониться. И в думах такого не держал. Скажи лучше, по сердцу ли прилились тебе дары мои?

- Хоро-о-о-ош! – довольно протянул Узбек-хан и по знакомому блеску в раскосых глазах Иван Данилович понял, что и вправду угодил капчакскому царю. – Знаешь, коняз, чем миня радовать. За то и прибил тибя к сапогу моему. Садись, Ивашка, милость мой принимай, - наполовину обглоданное баранье ребрышко пролетело над длинным дастарханом и упало у ног русского князя.

- Благодарствую, царь, - Иван Данилович опустился на затоптанный ковер, с трудом скрестив непривычные к этому ноги. С благодарной улыбкой подобрал брошенное ему лакомство, князь откусил кусочек жареного мяса и, сглотнув его почти не жуя, снова повторил. - Благодарствую, царь. Но только удивлен я пиром твоим беспечным.

- Удивьлен? – поведа густыми бровями, усмехнулся Узбек-хан. – Пощему?

- Так до того ли ныне? Измена ведь зреет в улуках северных.

- Измена? Какой еще измена?

- Неужто не знаешь? Так ведь князь Александр, милостью твоею в Тверь возвращенный, за старое взялся. Князей да бояр против тебя мутит. Али темники твои в неведении тебя держат?

На мгновенье Узбек оторвался от бараньей ноги и, не моргая, уставился на князя.

- Сашка? Миня против? – переспросил хан и после короткого раздумья покачал лысой головой. - Не посмеет.

Желтые кривые зубы снова впились в сочащее кровью мясо.

- Помилуй, царь царей. В мудрости твоей кто усомнится? Да только зря ты князю тверскому веришь так безоглядно.

- Ни учи миня, коняз, - как он надоедливой мухи отмахнулся Узбек от Ивана Даниловича.

- Поверь мне, слуге верному. Крамолу Александр кует. Да других на то подбивает. Сказывают...

Резко, с короткого взмаха Узбек запустил тяжелую кость и та пролетела в двух пальцах от уха Ивана Даниловича. Тишина, хищной птицей нависла над головой князя, но мгновение спустя хан, не огорчившись промахом, расхохотался. Настороженно молчавшие темники тут же подхватили веселый порыв, хотя половина не понимала причины царского смеха.

Вволю насмеявшись, Узбек-хан глотнул прохладного кумыса и, развалившись на подушках, погрозил князю толстым коротким пальцем:

- Хитрый ты, коняз Ивашка, ох, хитрый. Думаешь, не знаю, зачем на Сашку навет делаешь? Один хочешь Орду знать. Ярлык мой терять боишься. Не против миня, тибя против коняз тиверской голова поднимает, - и Узбек снова засмеялся, знаком приказывая темнику ближе подвинуть огромный лаган плова. – Так что иди на свой Москва давай и миня обмануть больше не старайся. Рассержусь – правда ярлык заберу.

- Да будет на то воля твоя, великий царь, я сам ярлык великокняжеский в Тверь повезу и Александру отдам. Да только обида меня берет. Не думал я, что в верности моей ты усомнишься. Не я ли Тверь по воле твоей в пепел обратил? Не я ли для войска твоего выход со всех князей русских собираю. Или не исправно я то делал?

- Исправно. Я доволен, - милостиво улыбнулся Узбек, но тут же добавил, грозно чеканя каждое слово. - Потому и дышишь еще.

- Пошто ж словам моим не веришь? Как на духу говорю тебе, крамолу Александр кует. Я ведь...

- Хиватит!!! – крикнул Узбек, кулаком стукнув по золотой чаше с вишней. Спелые ягоды покатались в разные стороны, густой сок залил дастархан, и по белоснежной материи поползли кроваво-красные пятна. Темники замолчали, боясь смотреть в глаза хану, опустили бритые головы. Сердце Ивана Даниловича замерло, на какое-то мгновение даже перестав биться, а потом сорвалось в бешеный ритм галопа. – Хиватит!!! Коняз тверской в ногах моих валялся, за зло, что мне делал, простить просил. Килялся, крест бога вашего целовал, что не будет впредь о смуте думать. Ты крест целуешь, чтоб измену подтвердить? Если нет – прощай башка свой глупый.

- Коли надобно будет, - с трудом сохраняя внешнее спокойствие, пожал плечами Иван Данилович. – Только имею я и другие правоты моей доказательства. Коли словам не веришь, взгляни на бумагу. Она не человек – врать не станет.

Князь раздвинул полы халата и, запустив руку за широкий пояс, достал оттуда три помятые грамоты. Сидевший рядом темник по знаку Узбека вырвал грамоты из рук Ивана Даниловича и, подпрыгнув, торопливо засеменил к хану.

- Чьто написано зидесь? – глазами пробежав по непонятным буквам, спросил Узбек. За спиной его тут же возник согнутый в три погибели толмач – сухой, изможденный постоянным страхом старик.

- Первая грамота боярином тверским Родионом писана, - объяснил Иван Данилович, пока толмач, беззвучно шевеля губами, изучал ровные ряды строк. – Он, несправедливости александровой не вынеся, ко мне бежал. От него-то планы подлые, что Александр против тебя замышлял, и прознались. Коли люди, Тверь знающие здесь есть, подтвердят тебе, что боярина Родиона знают и печать на грамотах от перстня его боярского.

Узбек с немым вопросом покосился на толмача. Тот коротко кивнул и, ожидая вспышки ханского гнева, испуганно затрясся. Засомневавшись в своей правоте, Узбек посмотрел на Ивана Даниловича. Тот казался спокойным и невозмутимым, только рубаха под халатом промокла насквозь и язык прилипал к пересошему нёбу.

Поджав тонкие губы, Узбек облизнул редкие усики, рукавом вытер жир с узкой торчащей клинышкой бородки:

- В других что?

- А другие две Александром посланы князьям верным, да мной в дороге перехвачены. Печати-то александровы сам знаешь. Видишь, что его грамоты. В них он крамолу князей учит: призывает выхода тебе не давать да тайно рати супротив войска твоего непобедимого собирать.

Зашипев, Узбек жирной пятерней сгреб свитки и оттолкнул толмача. Рыча от нетерпения, хан развернул измятый листок и устремил загоравшийся злобой взгляд в самый низ грамоты, где расплывчатым пятном сургуча чернела печать князя Александра.

- Ах, коняз, сабак паршивый, - плоское, изъеденное угрями лицо исказилось гримасой великого гнева. – Миня!!! Миня обмануть хотел?! А-а-арррр. Жалеешь, ох, жалеешь, Сашка, пес неверный. Сжечь!!! Город его сжечь!!! В пепел, в руины, чтобы камень один не остался. Самого ко мне. Серьдце вырву, собакам отдам. У-у-хх, коняз Сашка. Тьмы собирать!!! На Тиверь пойдем, Александра взять хочу. Чьто сели!? Сказал, тьмы собирать, не сидеть. Вон пошли все!!! И ты, собака, русский коняз, вон пошел!!!

Иван Данилович вскочил на затекшие ноги и, до самой земли согнувшись в поклоне, попятился к выходу.

Оказавшись на улице, князь рывком распахнул душивший халат, подставил грудь свежему дыханию вечера и с тяжелым протяжным вздохом парчовым рукавом отер заливший глаза пот. Вокруг суетливо забегали, затолкались темники. Их взгляды обжигали спину князя, что новостью своей лишил их покоя. А тот, пошатываясь, медленно плелся к собственной юрте.

- Ладно ли? – нерешительно спросил Семён, тронув отца за плечо, как только входной полог опустился за спиной князя. Иван Данилович вздрогнул и несколько мгновений смотрел на Семёна, не узнавая в нем сына. – Как случилось, спрашиваю, ладно ли?

- Не знаю покудова, - с трудом ворочая языком, ответил Иван Данилович и опустился на расстеленную по полу курпачу. – Уж больно гневен Узбек стал. Ныне он что хочешь смыслить может. Захочет, завтра же на Тверь пойдет. А захочет, нас в мешок к пчелам диким затолкает.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - сказал Семён, садясь рядом с отцом. – Авось все по-нашему сойдется.

- У тебя что? – с тревогой спросил Иван Данилович, потихоньку приходя в себя. – Родион где? Неровен час хан узреть его захочет.

- Сбежал Родион, как и договорено было.

- Далеко ли? Псы узбековы шибко искать станут.

- Не сыщут, – ответил Семён, похлопывая себя по бедру, на котором висел короткий кинжал. – Ежели только крылья у них имеются, чтоб над облаками парить.

- А писарь, что грамоты ложные состряпал? – быстро перекрестившись, продолжил расспрос Иван Данилович. - Не проболтается ли?

- Так он с боярином вместе сбежал, – отводя глаза прошептал Семён. - Ныне токмо с рыбами говорить способен.

- Ну, вот и ладно, - Иван Данилович откинулся на мягкий войлок и широко раскинул руки. – Теперь домой бы поскорее, Москву-матушку увидеть. Если к утру живы будем.

3.

Воздух в просторных княжеских покоях был настолько густ и насыщен, что, казалось, о него можно было клинок затупить. Холопы не жалели дров, и одетые в легкие кафтаны бояре изнывали от жары, отдуваясь, размазывали по красным лицам соленую влагу. Один Иван Данилович, сидя на широкой разобранной постели, зябко кутался в заячий тулуп и, изредка постанывая, растирал горячей ладонью левую сторону груди. За дубовой дверью недовольно поглядывали друг на дружку иноземный лекарь и бабка-знахарша. Но напомнить о них ни кто не решался – Иван Данилович не любил «посередь дела пустое обсуждать». И хоть беспокоились бояре за здоровье князя, а прервать рассказ воеводы Александра не смели:

- Иван Александрович, у стен Смоленска войско узрев, мира запросил. Дружина его бою дать не способна оказалась – числом мала да духом воинским не тверда. От темника татарского князь отдарился богато, так что довольства у того было без меры. Но ко дню тому многия деревни уже пожигаемы татаринном были. Людей в полон увели без счета. Полей потоптал конь татарский страсть, как много.

Александр Иванович замолчал, ожидая реакции князя, но тот отстранено смотрел куда-то под потолок и заговорить не спешил, ибо из длинного рассказа воеводы не услышал Иван Данилович ни единого слова. Вместо этого раз за разом в памяти его звучал рассказ вернувшегося из Орды Семёна: «Решил Узбек участь Александрову. Чрез месяц, как прибыл он в Орду по зову царскому, явился к нему посланный от хана с вестию, что смерть его в сей день ждет. Александр с сыном и боярами простился, исповедался, причастился да сам навстречу убийцам вышел. Те его на площади при великом множестве людском на суставы разняли. И сына его Федора та же участь постигла».

- Да ты сказывай, воевода, сказывай, на меня не гляди, - печально вздыхая, посоветовал Иван Данилович.

- А чего ж сказывать боле? – растерялся воевода Александр и локтем толкнул стоявшего рядом Федора Акинфовича: «выручай, мол, друже». Тот от толчка как будто проснулся: вздрогнул, мутным потерянным взглядом обвел собравшихся, тряхнув головой, сбросил остатки затмения и заговорил пресно, без всякого выражения:

- Чернь смоленская клянет тебя шибко. Да и сам Иван с боярами поносит Москву речами страшными. Пришлось парочку голов остудить, дабы речи их поутихли.

Иван Данилович безразлично махнул рукой:

- К молве недоброй привычен я. То не диво. А что другие князья, коих Александр на смуту подбивал?

- Почти все одумались, - коротко ответил Федор Акинфович, изучая носки собственных сапог.

- Прознав участь Александрову да Смоленска пример узрев, смутьяны сторону свою переменили, - поспешил добавить боярин Алексей, в душе возмущаясь неразговорчивостью воеводы Федора. - Вчерась трое ко двору твоему прибыли. Мира просить хотят. Обещают выход полный для Узбека дать и впредь держать себя смирно. Только Новгород со Псковом, заступью Нариманта...

- И до них черед дойдет, - потирая слезящиеся глаза, перебил боярина князь. – А пока... Завтра поутру от князей смиренных клятвы принимать стану. Крест целовальный готовье да грамоты. А ныне все, дел боле не будет. Ступайте все.

Тихо переговариваясь, бояре потянулись к выходу. Иван Данилович встал и, устало шаркая по метеному полу, подошел к разрисованному инеем окну. В темноте, отливая серебром сугробов, мирно спала Москва. В мелких окошках тепло мерцали огоньки лучин, поднимаясь над заснеженными крышами, струйки дыма по звездам карабкались в высоту черного неба.

- А ты пошто не уходишь, Федор Акинфович? – спросил Иван Данилович, краем глаза заметив нерешительно топтавшегося воеводу.

- Хочу, княже, милости твоей просить. Дозволишь?

- Давно вижу печаль твою, - отходя от окна, сказал князь. – Говори, раз нужда есть.

Но Федор Акинфович молчал, потупив кудрявую голову; несколько раз порывался начать, но, не находя нужных слов, лишь вздыхал и морщил лоб.

- Ну, не робей, Федор Акинфович. Сказывай, пошто кручинишься? – подбодрил Иван Данилович воеводу и в тот же миг сам вздрогнул от неожиданности. Федор Акинфович вдруг упал на колени и, сложив на груди руки, не сказал, а простонал, тяжело, с надрывом:

- Отпусти меня, княже, сделай милость. Христом богом молю, отпусти.

- О-о-охс-с-с, - Иван Данилович застонал, будто кто невидимый вонзил в его больную грудь раскаленный кинжал. – Эх, Федор, Федор. Пошто ж ты князя своего без рук оставить хочешь? Ныне верный человек злата серебра дороже. Я их со всей Руси к престолу своему собираю, а ты... Пошто?

- Прости, княже. Тяжко мне от того, да только... только нет больше сил моих службу этакую нести. Душа почернела вся, аки уголья, места живого нет. Ночами не сплю, плач городов русских в ушах стоит, не молкнет. Днями не ем, кусок в горле стрянет. Ведь отец, царствие ему небесное, меч свой мне отдавая, завещал татарина бить, покуда изгоняем с земли нашей не будет. А я... Что творю, наказы отцовские презрев? Русских людей в полон татарский отдаю. Города да деревни русские жгу, братьев своих истребляю...

Взревев среди зимы разбуженным медведем, Иван Данилович кинулся к воеводе, схватил его за плечи и, не помня себя, оторвал от пола, крепко прижав к бревенчатой стене.

- Мне, мыслишь, разбой радостен? Али с легким сердцем я пред Узбеком спину гну да поругания сношу молча? Али не мечтаю я ему меч показать заместо выхода? Сам бы хоть завтра доспех надел да в чисто поле вышел. Но оглянись вокруг, Федор Акинфович. С кем татарина воевать пойдем? Силу его несметную с кем сокрушать станем? У иных вон князей вся дружина в келье монашеской поместиться может. Да и с каких прибытков им большую держать способно? Грады в упадке, села в запустении, люди по лесам да топям от гнета ордынского хоронятся. А князья их вместо чтоб наряд по земле своей ставить, друг дружку, аки черви поганые древо, точат, - княжеский кулак с треском врезался в дерево и стена затряслась от мощного удара. - Александра возьми покойного. Силу такую в руках имея, что сотворил? Тверь сгубил, не уберег града своего, на поругание татарину бросил. Самому-то что? Покуда люди его заместо хлебов золу собирали, он во Пскове отсиделся, у Нариманта под крылышком. Вкусно ел, сладко спал, ни тревог, ни забот не знаячи. А возвратился и опять!!! За старое!!! Ивана на смуту подбил. Полземли смоленской пустою положили. А откажись я на Смоленск идти, Узбек, псов своих спустивши, всю Русь пустошью обратил бы. Как ни горела бы душа наша, как ни чесались бы руки сильные, нет нам ныне ходу на поле бранное, потому как слабы и немощны. Прежде другую битву выиграть надобно – персты раскинутые в кулак собрать! Вот о чем радею я, на что силы свои кладу, - князь уже не говорил, кричал до вздутых на шее вен. – И коли для того гордостью дурных да непокорных в крови утопить нужда будет – утоплю!!! Длань не дрогнет, сердце не всколеблется!!! Буду хребты смутьянам ломать, пока мир по всем землям русским не встанет!!!

Иван Данилович дышал, как загнанный собаками зверь – часто, порывисто. Но иссякла ярость так же внезапно, как и вспыхнула. Отпустив помятого воеводу, князь устало вздохнул, пригладил растрепанную голову, подобрал полушубок, натянул его на плечи и заговорил на удивление спокойно:

- Хотя и горька будет чаша сия, но допью я ее до доньшка самого, коль уж мне такая доля выпала. А ты... э-эх. Люб ты сердцу моему, Федор Акинфович, а потому неволить тебя не стану, но и совсем не отпущу. Коли тяжело тебе при мне служить... – Иван Данилович схватился за сердце и зажмурился. – Знаю, и вдали будешь служить мне верно и ревностно. А дел ныне по всей Руси много. Вон набег разбойничьи Ростов извели совсем. Бояре тамошние на посадников моих Кочеву да Миняя роптать начинают. Вот и отправляйся в Ростов с отрядами своими, дабы уберечь границы южные от опустошения. Такая служба по сердцу ли тебе?

Не решаясь заговорить, не смея даже взглянуть на князя, Федор Акинфович лишь кивнул, не поднимая головы.

- Вот и ступай, коли по сердцу.

- Прости меня, княже, - едва слышно молвил Федор Акинфович, смиренно опускаясь на одно колено. Сглотнув душивший ком, князь, незаметно для воеводы перекрестил его склоненную голову, и, заставив себя отвернуться, произнес твердым стальным голосом:

- Пшёл прочь. Видеть тебя не желаю.

Оставшись в одиночестве, Иван Данилович будто окаменел. Долго стоял он посреди просторных хором, как замороженный, глядя в одну точку. Потом, словно очнувшись, князь медленно поднял затуманенный влагой взор под высокий потолок, где в бледном свете лучины хмурился святой лик. Не моргая, смотрели на человека строгие глаза непогрешимого предка. И куда ни ступи, в какую сторону ни пойдешь, не отводил взора неподкупный судья, всюду преследовал. Даже спиной к иконостасу повернувшись, чувствовал Иван Данилович этот насквозь проникающий взгляд, кожей ощущал его прожигающую силу.

И, разрыдавшись вдруг, как ребенок, Иван Данилович упал на колени:

- Прости меня, господи!!! Прости, коли есть мне прощение, – глотая слезы, тихо шептал он. – Прости за все души загубленные, за все зло содеянное. Прости и вразуми неразумного, ибо терзают меня сомнения: а верен ли путь мой, не зря ли кровь проливаю да притеснения чиню? - и уж погасли лучины, во мраке густом скрыв образ божий, и несмелая зорька заиграла в золоте церковных куполов, заискрилась на сугробах и затянутых льдом лужах. А Иван Данилович все бил и бил поклоны, стоя на коленях под иконами, и шепот молитвы сменялся надрывным плачем, так что от слез борода княжеская стала мокрой, хоть выжимай ее. – Знаю, не достоин я милости твоей, но о пощаде вопрошаю, всемогущий. Порази меня молнией в сей же миг, избавь от мучений адовых при жизни. Ослобони меня, умертвив, или дай сил нести крест сей тяжкий. Ибо иссякает крепость души моей. Господи!!! Не могу я так боле...

Но когда настало время, и порог княжеских покоев переступили смиренные крамольники, встретил их не рыдавший в раскаянии грешник, а знакомый всем великий князь московский Иван Данилович по прозванию Калита. О ночной печали рассказать могли лишь черные круги под глазами да сбитый в кровь кулак. Гордая осанка, высоко поднятая голова, из-под угрюмо сведенных бровей холодом стали сверкал пронзительный взор, от которого у посетителей застывало сердце. И, трепеща пред грозным правителем, приносили князя клятвы верности, целовали протянутую руку, не смея перечить принимали условия царского откупа. Кланялись покорные князья, хвалу возносили, но в душе проклинали притеснителя своей свободы, кровавого тирана и жестокого душегуба. Не ведал никто из них, что скоро, совсем скоро не станет ненавистного им князя – сгорит в огне душевных терзаний. Не ведали также, что пройдет сорок лет, и другой великий князь московский Дмитрий выведет рати единого

войска на поле Куликовское, что раскинулось между Доном и Непрядвой. И будет одержана великая победа, но не в том будет ее величие, что разбили русские полки орды Мамай. В конце концов, уже через несколько лет татары разграбят и сожгут Москву, и долго еще русские города будут платить ханам дань. Величие той победы было в том, что на Куликовское поле впервые в истории вышли не договорившиеся о чем-то князья, не заключившие скорый союз вольные города, а единый русский народ. Жаль только, что празднуя ту победу, никто не вспоминал людей, что ковали для нее меч, обрекая себя на муки сомнений при жизни и вечные страдания после смерти.

У НЕЗНАКОМОГО ПОСЕЛКА

Это все, что останется после меня...

Рапорт

В прошедшие сутки вверенный мне 145 отдельный саперный батальон в рамках выполнения интернационального долга и оказания помощи братскому народу Алжира продолжал работы по разминированию окрестностей города Туггурт. Работы проводились согласно утвержденного плана, внештатных ситуаций не возникало.

Майор Стрельников пробежал по написанному взглядом и, добавив число, подпись, положил рапорт в папку, где уже лежали точно такие же документы, отличавшиеся только датами. В другую папку легли рапорты ротных и взводных командиров, отличавшиеся только подписями. Убрав бумаги в выдвижной ящик металлического столика, Стрельников достал оттуда солдатскую фляжку в матерчатом чехле, но, отвернув крышку и почувствовав остро-едкий запах неразбавленного спирта, засомневался, не рано ли. В поисках ответа посмотрел на маленькие настольные часы с крупной фосфоресцирующей надписью «Защитнику отечества» на циферблате и гравировкой «Отличнику боевой и политической» на стекле. Посмотрел по привычке, ибо забитый африканской пылью механизм уже несколько лет пребывал в бездействии, а чистить его майору было лень. Да и зачем, если он уже давно привык обходиться без этих часов и порой сам себе не мог объяснить, что мешает ему избавиться от этого балласта.

Майор решительно поднес фляжку ко рту. Глотнул, достал из нагрудного кармана мятую сигарету и, съев ее в три длинные глубокие затяжки, вышел из палатки. Пряча от утреннего солнца воспаленные бессонницей глаза, равнодушно прошел мимо лениво козырнувшего часового и остановился у невысокого флагштока, на верхушке которого в порывах горячего ветра трепетало красное полотнище. Отсюда лагерь, придавленный к однообразно рыжей равнине бесцветным до прозрачности небом, был как на ладони. Вдали из желто-серого песочного тумана выступали ряды солдатских палаток. Слева звенела посудой, гремела котлами, пыхла топками походная кухня. Справа солдаты, готовясь к разводу, стекались в прямоугольники повзводных колонн. А в самом центре кипела стройка. Элитный стройотряд, члены которого ни с кем не разговаривали, жили в отдельных комфортабельных палатках и каждый день получали тройной спецпаек, возводил на обнесенном колючей проволокой пространстве что-то странное и непонятное. Еще не законченный фундамент формой своей не походил ни на одну геометрическую фигуру, а выраставшие над ним стены поднимались от земли под разными углами и в разные стороны. Сколько ни смотрел Стрельников на эту странную

стройку, как ни пытался по очертаниям будущего объекта догадаться о его назначении – ничего вразумительного в голову не приходило.

- Товарищ майор! - Стрельников обернулся. Перед ним стоял солдат, форма на котором топорщилась складками, будто хотела змеиной кожей сойти с человека. И только затянутый по талии ремень с сияющей на бляхе звездой да застегнутый под самым подбородком крючок удерживали камуфляж на теле. - Товарищ майор, старший сержант Ибрагимов по вашему приказанию прибыл.

- Вольно, - вяло кивнул Стрельников. День только начинался, а он уже чувствовал себя разбитым, словно после суточного марш-броска по раскаленной пустыне. Завидуя бодрости подчиненного, майор протянул ему измятый вскрытый конверт. – Держи. Вчера из спецчасти передали.

Расплываясь в довольной улыбке, сержант на глазах превратился в мальчишку, вчера еще стрелявшего из рогатки по кошкам и гонявшего мяч с приятелями из соседнего двора.

- Отставить, - мягко скомандовал майор, видя, что Ибрагимов уже достает письмо из конверта. – После прочтешь. Сейчас для тебя особое задание. Видишь русло? – Стрельников указал туда, где между желто-бурых холмов и пригорков извивалась мертвая река: крутые обвалившиеся берега, изрезанные трещинами, усыпанные клочками сухой, добела выцветшей травы, да дно с тухлыми лужами поверх тошнотворно смердящего ила. – Туда дальше у местных на этой речушке вся ирригация завязана. А выше, километрах в сорока, повстанцы, когда отступали, дамбу насыпали и всю воду по другому руслу пустили. Теперь у этих посевы гибнут, а для них это сам понимаешь... Смерти подобно. Дамба-то, конечно, пустяк. Они бы ее давно разобрали. Да боятся, что заминирована. Случаи такие были уже. В общем, сейчас возле КПП тебя один местный деятель с машиной ожидает. Возьми пару ребят из взвода и... задача ясна?

- Так точно. Разрешите выполнять?

- Выполняй.

Ибрагимов сорвался с места, и, глядя на то, как он на ходу доставал из кармана и разворачивал письмо, Стрельников вздохнул и обреченно побрел в палатку. За фляжкой.

Поле будто узнало его, потянулось к нему неровными рядами набирающих силу побегов, приветливо зашептало шорохом молодых листьев, которому вторило журчание арыка и нежный шелест фруктовых деревьев, осыпанных белым цветом весны. Равшан положил ладонь на землю и тихо сказал полю: «салам». Оно ответило ему гудением плодородных недр и, закрыв глаза, он улыбнулся, в мыслях приветствуя каждый камушек, каждую мелкую соринку.

- Эй!!! О чем задумался, Ровшик?

Ибрагимов нехотя открыл глаза. Перед ним расстилалось чужое поле, обожженное чужим незнакомым солнцем, повисшим в чужом, пропитанном пылью небе. Земля дышала зноем. Его густые плотные струи поднимались над высушенной твердью, сливались в дрожащую массу тяжелого воздуха и, стирая линию горизонта, рождали калейдоскоп полупрозрачных миражей.

- Эх, - Равшан вздохнул, поднялся, отряхнул пыль с колен и, перепрыгнув через сухой поливной арык, оказался на проселочной дороге. – Домой хочу, - признался он двум солдатам, выгружавшим из старого уазика миноискатели. – Теперь на поле работы... У-у-у. Другие дела забыли. Даже братишка в школу не ходит пока. Все в поле. Только я здесь железяки ржавые ищу. Эх, а кому все это...

Вдруг Равшан замолчал. Его взгляд остановился на людях, в смиренном безмолвии стоявших поодаль. Они были так измождены и неестественно худы, что на фоне огромной земляной насыпи, перегородившей реку, казались тряпичными куклами, сухими мумиями. Дамба огромной стеной поднималась над склоненными головами и

грозной черной массой наваливалась на сторбленные спины крестьян, с надеждой взиравших на приготовления иноземных солдат.

- Значит так, слушай команду, - уже совсем другим тоном заговорил Ибрагимов. – Я иду по гребню. Пчелка, ты чуть ниже по скату. А ты, Леха, по дну, у основания. Все, за дело. До солнцепека управиться надо бы.

Ибрагимов надел наушники, поправил висевший за спиной аккумулятор, закрепил на поясе провода и, положив на плечо штангу миноискателя, зашагал к земляным ступенькам, ведущим на вершину дамбы.

Через три часа он спустился с нее и, пройдя мимо восьми противопехотных мин с кусками грязи на корпусе, остановился у оживавшего арыка. По истрескавшемуся дну уже поползли первые мутные струи, на глазах рождался журчащий поток, который, набирая силу, подхватывал мусор, сухие листья и легко уносил их вдоль глиняного желоба. Равшан улыбнулся. Радостно и устало. Мокрой панамой отер с лица пот и, нагнувшись, чтобы умыться, ненадолго исчез из прицела снайпера. Но уже через мгновение снова в нем появился.

Рапорт

В прошедшие сутки вверенный мне 145 отдельный саперный батальон в рамках выполнения интернационального долга и оказания помощи братскому народу Алжира продолжал работы по разминированию окрестностей города Туггурт. Работы проводились согласно утвержденного плана. В связи с незапланированными потерями живой силы личный состав батальона нуждается в пополнении.

Майор Стрельников отложил только что написанный рапорт и, чтобы его не сдуло, придавил лист бумаги часами. От движения секундная стрелка вроде бы шевельнулась, но, преодолев несколько делений, снова замерла как раз в том месте, где надпись «защитнику отечества» пересекалась с гравировкой «отличнику боевой и политической». Стрельников нахмурился и, отвернувшись, достал из кармана письмо. То самое, что утром передал Ибрагимову. В который уж раз перечитывая его, Стрельников не переставал удивляться тому, как те же самые буквы, которыми он писал рапорты и донесения, в этом письме сплетались в незнакомые слова, рождавшие непонятные предложения. Майор владел английским и немецким, неплохо знал французский, со словарем переводил с итальянского и мог сказать несколько фраз по-испански. Расшифровка документов вероятного противника и переговоры с потенциальным союзником. Все было под силу майору Стрельникову. И только прочесть письмо от матери своего солдата отличник боевой и политической не мог.

Стрельников аккуратно сложил письмо и бережно опустил его в небольшой металлический ящик, где лежали приготовленные к отправке личные вещи Ибрагимова. Захлопнув ободранную, исцарапанную крышку с красным инвентарным номером, майор резким, нервным движением выхватил из стола фляжку, и поспешил на улицу – выносить духоту палатки он уже был не в силах.

На улице было тихо. Стоял полный штиль, назавтра не предвещавший ничего хорошего, и красное полотнище безвольно висело на верхушке ржавого флагштока. Лагерь казался вымершим. Даже на стройплощадке, прежде всегда суетливо-шумной, теперь царил непривычное спокойствие – от геологов пришло заключение о неустойчивости местного грунта, работы тут же были свернуты, элитный стройотряд собрал оборудование и отбыл в неизвестном направлении. Неоконченный фундамент, недостроенные стены и вокруг бесформенные кучи дробленого камня, битого кирпича, искривленных, покалеченных гвоздей, до которых теперь никому не было дела. Вот и все, что осталось от грандиозного замысла невиданной ранее стройки.

Быстро темнело. Уже не виднелись ряды солдатских палаток, исчезла, словно провалилась в чужую землю, незаконченная стройка, растворились в темноте, будто и не было их, ряды колючей проволоки. Все пожирал наступавший с востока сумрак, ничто не могло противиться ему. И только река, освобожденная погибшим сержантом, серебряной нитью прорезала непроглядную толщу ночи. Зажатая черными берегами, она петляла меж невидимых препятствий и, неся на сухие поля жизнь, лунным отблеском теплых вод раздвигала холод мрака.

Ташкент, 13 апреля 2009 г.

ПОЭЗИЯ

Ольга Мусеева
(МОССАЛИТ, Москва)

Дорога Рыцаря
(поэма)

Часть I.

Коню доверив шаг свободный,
Под равномерный стук копыт
Задумался и вдаль глядит
В дороге Рыцарь благородный.
Он вспоминает с легкой грустью
Походы, радость в дни побед...
Теперь его ждет теплый плед
В спокойном, тихом захолустье.
Вся молодость прошла в сраженьях,
Тогда другого не желал...
Но что же он в боях искал?
Наверно, самовыраженья.
Явились первые седины,
Хоть сам решиться не сумел
Совсем уйти от ратных дел,
Извне нашлись тому причины –
За беспримерную отвагу
Был справедливо награжден
Он замком. В этом убежден
Король, о чем прислал бумагу.
Прочтя указ монарха дважды,
Он потрясен был глубоко,
Не думал, что так высоко
Оценят труд его однажды.
С тех пор ловил во взглядах ярость,
И неизбежным стал уход.
Решил, что годовой доход
От замка обеспечит старость.
И ехал Рыцарь, размышляя,
Что будет делать он в тиши
Владений новых, чем в глуши
Займетя, плохо представляя.
Все те же думы им владели,

Когда упала звезд роса
На небо. Звонко голоса
Ночных цикад в траве запели.
Нашел он дивное местечко –
Уютный маленький лесок,
Через него наискосок
Бежала узенькая речка.
Развел костер и, сдобрив ужин
Глотком хорошего вина,
Почувствовал – флюиды сна
Над ним приятным ветром кружат.
Приснилось, будто с ветки вяза
Огромный ворон вниз слетел
И рядом с ним на камень сел,
Уставясь чернотой глаза.
Мгновенно с дремою простившись,
Увидел Рыцарь Старика –
На камне, сгорбившись слегка,
Сидел, большим плащом укрывшись.
Был Рыцарь удивлен немало
И молча приходил в себя.
Старик, бородку теребя
В смущении, сказал устало:
«Будь здраве, Рыцарь! Здесь так мило,
Позволь погреться у огня.
Что ты так смотришь на меня?
Тебя как громом поразило!»

Рыцарь

Прости, Старик, мне показалось...

Старик

Что показалось?

Рыцарь

Ерунда!

Старик

Тебе совсем не нравлюсь, да?

Рыцарь

Нет! Просто явь со сном смешалась.

Ты извини, располагайся, –

Неловкость Рыцарь испытал, –

Откушай вот, чем Бог послал –

Вином и хлебом угощайся!

С т а р и к

Я сыт, благодарю покорно!
«Мне кое-кто другой послал»...
– А вот огонь люблю! –

Он встал,
К костру приблизился проворно.
От пламени дрожащий отсвет
Позволил видеть хорошо
Лицо и черный капюшон,
Усиливавший с птицей сходство.
Казалось, словно, отступая,
Частички тьмы в глазах его
Нашли уют и оттого
Остались живы, не растая.
Бородка клином, нос с горбинкой –
Вполне обычный внешний вид,
Вот только плащ был странно сшит –
Старик смотрелся в нем тростинкой.
Большую сумку черной кожи
Со свитками к себе прижал
Он крепко: видно, там держал
То, что ему всего дороже.

Старик лукаво улыбнулся:

– Так, говоришь, видений рой
С действительностью в общий строй
Сливался, когда ты проснулся?

Р ы ц а р ь

Наверно, в царстве грез я встретил
Незримого проводника,
И властная его рука
Как будто под уздцы коня,
В реальность вывела меня,
Так быстро, я и не заметил,
Что сон на явь уже сменился!

С т а р и к

ЧЕРТОВСКИ плавный переход!

Р ы ц а р ь

Да! Ворон был...

С т а р и к

И вот
В меня внезапно превратился!

Р ы ц а р ь

Ага! Но как ты догадался?

С т а р и к

Нетрудно предсказать, поверь,
Коль нет здесь ворона теперь,
А только я один остался.

И вдруг лица его коснулся
Похожий на клубок из змей
Неправильный узор теней –
Смех злой гримасой обернулся.
Виденье было столь коротким –
Всего секунды не прошло,
Как появилось и ушло,
Оставшись призрачно нечетким.
И это странное движенье
Заметив, Рыцарь про себя,
Не слишком мистику любя,
Назвал игрой воображенья.

С т а р и к

Ты отдыхай, мешать не стану.

Р ы ц а р ь

А ты?

С т а р и к

Я тихо посижу.

Р ы ц а р ь

Так я тебе одно скажу:
Что скоро отдыхать устану!
И если это интересно,
Я скоротать совсем не прочь
Беседу приятной ночь.

С т а р и к

Я с удовольствием! Известно,
Что к старикам – закон природы! –
Приходит сон с большим трудом,
Но странно слышать мне о том
От рыцаря в твои-то годы!

Тогда, устроившись удобно,
Спиною к вязу прислонясь,
Поведал Рыцарь, не таясь,
Свою историю подробно.

Сказал Старик:

– Ну и кручина!

В подарок замок заслужить!
Не хочешь ты в покое жить,

Вот в чем тоски твоей причина!

Рыцарь

Ты прав. Я виноват отчасти,
Что не хотелось думать мне,
Как окажусь когда-то вне
Я жизни, полной силы, страсти!
Но вот пришла пора об этом
Узнать, а я и не готов
Накинуть тишины покров
И чувствую себя раздетым.

Старик

Деревья знают: не пристало
Своей бояться наготы,
И уронив с ветвей листы,
Спокойно ждут зимы начала,
А суета для них – отрава.

Рыцарь

А как же ель? Такой ответ
Понравится ей или нет?
Учить других – легка забава!

Старик

Послушай, все имеет цену –
Не замечает ель зимы,
Ее за это рубим мы,
Чтоб в Рождество украсить сцену.
И каждому дана возможность
Все что угодно получить,
Вопрос, согласен ли платить,
Иль сразу возникает сложность.

Рыцарь

Никто меня в том не уверит,
Что будет радость и успех,
Здоровье и любовь у тех,
Кто много золота отмерит!

Старик

Да нет, конечно! Деньги тоже
Товар обычный, ходовой...

Рыцарь

Вот речи странные!.. Постой,
Скажи-ка мне, а сам ты кто же?

С т а р и к

Я лекарь. Странствую по свету.
От неудач людей лечу,
Коль кто несчастлив – по плечу
Мне разрешить проблему эту!

Р ы ц а р ь

Ого! Так врачевать прекрасно!
Быть может, понял не вполне,
Но все-таки сдается мне,
Что счастье Богу лишь подвластно!

С т а р и к

Да ты взгляни на вещи шире:
Не только Богу одному
Дана вся власть, и есть тому
Свидетельства в подлунном мире.

Пронзила Рыцаря догадка.
Такой ужасною была,
Что в руку правую легла
Меча резная рукоятка.
Внезапно, молнии быстрее,
Он резкий совершил бросок –
Остался ровно волосок
От лезвия до старца шеи.

Р ы ц а р ь

Поправь, когда скажу неверно,
Но ворон не приснился мне!
Давно ты служишь Сатане?
Сознайся, старикашка скверный!

С т а р и к

Ну-ну, остынь! Ты что, серьезно
Считаешь, твой блестящий меч
Мне может голову отсечь?
Да это, право же, курьезно!

Сжал меч Старик, ладонью встретив
Края точеного клинка,
И сквозь металл прошла рука,
Его как будто не заметив.

С т а р и к

С оружием закроем тему?
Дух не убить, как ни потей.
Что за манера у людей –
Насилием решать проблему!

И Рыцарь, мысленно взывая:
«О Боже, сохрани меня!» –
Знаменьем крестным осеня
Себя, промолвил, отступая:

– Как можешь ты, посланец ада,
Меня насильем упрекать,
Когда людей к нему толкать –
Цель Дьявола, его отрада!

С т а р и к

О, это не моя забота!
На службе много молодцов
Находится. В конце концов,
У каждого своя работа!
И никого не принуждаю
Я силой заключать контракт,
Вершится добровольный акт,
О чем всегда предупреждаю.

Р ы ц а р ь

Мне договор такой не нужен,
Не собираюсь на поклон
К Нечистому! Иди-ка вон!
К чертям, с которыми ты дружен!

С т а р и к

Ой-ой! Как ты раскипятился!
А на войне что делал сам?
Выходит по твоим словам –
На Сатану уже трудился!

Р ы ц а р ь

Неправда! Мы во имя Бога
Сражались с нечестивым злом,
И под знаменами с крестом
К Святой Земле вела дорога!

С т а р и к

Да брось! Вам просто тесно стало!
Придумали себе предлог,
Чтоб, им прикрывшись, каждый мог
Взять земли, коих не хватало.

Р ы ц а р ь

С тобой мне спорить нет резона
За торжество Творца идей,
В том был бы смысл среди людей,
Но бес – совсем не та персона!

С т а р и к

О да! Горбатого могила
Исправит. Разные у всех
Идеи, но дает успех
Один и тот же метод – сила.
И этот способ неизбежно
Хорошее с плохим сольет
И к цели хоть и приведет,
Но средства выберет небрежно.
И если выйдет неудача:
Добро одним – для многих зло,
Что ж, значит, им не повезло! –
Вот как решается задача!

Р ы ц а р ь

Искусно расставляешь сети!
Как всякий бес, большой мастак
Запутать, но меня ты так
Не купишь! Ни за что на свете!

С т а р и к

Нет, логики держусь я строго:
Насилье с Дьяволом связав,
Противоречишь ей, сказав,
Что убивали вы за Бога.

Р ы ц а р ь

На что ты, подлый, намекаешь?
Что длань Всевышнего вела
Меня на грязные дела?!

С т а р и к

Отнюдь! Ты недопонимаешь:
У человека такова природа –
Не правит им никто извне,
И худо с благом наравне
Живут в самой душе народа.
Окинь весь мир единым взглядом,
Увидишь: ночь сменяет день,
И Солнца луч рождает тень,
Рассвет и мрак бытуют рядом.
Одно в другое переходит,
Не ведать лета без зимы
И света не постичь без тьмы,
Ничто из них не верховодит.
Ни ад, ни рай не управляют
Душою здесь. Им власть дана
Только потом, когда она
Земное тело оставляет.

Не знает человек до смерти,
Куда он после попадет,
Что за порогом жизни ждет,
Кто встретит – ангел или черти.
Мой договор с тобой всего-то
Определенность даст того,
Что может быть и без него,
Зато дарю любые льготы.
Ну что ты хочешь для услады?
Дождь золотой? – Распорядись!
Любовь? Успех?

Рыцарь

Остановись!
Не трать энергию, не надо.
Надеяться всем сердцем смею,
Что правильно и честно жил,
А что Создателю служил,
Я доказательство имею.
Хранил меня на бранном поле
Господь. От верной смерти спас
В кровавой схватке один раз,
Явив мне чудо своей волей.
С двумя врагами я сражался,
Тут третий подоспел и в бок
Пронзить пытался, но не смог –
Внезапно меч его сломался!
Но сделал выпад он ретиво,
И мне бы точно – дело швах,
Гулял бы я на небесах,
Не приключись такое диво!

Старик, с ухмылкой неприятной
Прослушав до конца рассказ,
Не отводя колючих глаз
От рыцаря, сказал:

– Занятно.

Рыцарь

Ты мне не веришь?

Старик

Отчего же!
В правдивости сомнений нет,
Однако дам один совет –
Будь с выводами осторожен.

Рыцарь

Опять стараешься впустую,
Не убедят твои слова!

С т а р и к

Посмотрим. Выслушай сперва
Одну историю простую.
О деве, с ней перед дорогой
Простился ты...

Р ы ц а р ь

Молчи, Старик! –

Тут Рыцарь перешел на крик, –

Мою Оливию не трогай!!
Оставь ее, ну как ты можешь!
Оливия святой была,
Она, к несчастью, умерла,
Зачем покой ее тревожишь!

В плаще порывшись, из кармана
Старик горсть порошка извлек
И, высыпав в костер, изрек:

– Я покажу все без обмана.

Огонь стал синим в середине,
И там, в сапфирной глубине,
Предстала взору, как в окне,
Живая, яркая картина.
Увидел Рыцарь профиль милой
И прошептал: «Мой ясный свет...»
Вновь раной стал потери след,
И сердце больно защемило.

Часть II.

Прилежно гладью вышивала
Оливия его портрет,
Очередной вплетая цвет,
Мотив печальный напевала.
С мотком коричневого шелка
Служанка в комнату вошла
И восхищенно замерла,
Следя за взмахами иголки.

С л у ж а н к а

Как изумительно вы шьете!
Но тема – все у вас одна –
Тоски по Рыцарю полна,
Грустите вечно, слезы льете!
За завтраком опять не ели,
Ну что случилось? В чем беда?

Ведь он ушел не навсегда,
Чего ж терзаться, в самом деле!

О л и в и я

Да как же мне не волноваться?!
Тебе-то говорить легко,
А мой любимый далеко,
С ним на войне все может стать!
Что если ранен он в походе,
И нет врача – ему помочь...
А вдруг забыл меня и ночь
С другою женщиной проводит?

С л у ж а н к а

Дабы не чудились напасти,
Рекомендацию я дам:
Сходить к гадалке надо вам,
А не придумывать тут страсти!
Вам доверяюсь безоглядно,
Сама я вас туда свожу.
За то, что преданно служу,
Меня не выдадите?

О л и в и я

Ладно.

Перечить церкви я решилась,
Надеюсь, Бог простит меня,
Он знает, не было и дня,
Когда б ему я не молилась.

И в скором времени, робея,
Спросив про Рыцаря судьбу,
Сидела, закусив губу,
Оливия у ворожеи.

Гадалка все свои предметы
Перед собою разложив,
Оливии сказала:

– Жив

Твой милый и по всем приметам
Тебе он верен. Нет в нем фальши,
Все помыслы его чисты.
Еще что знать желаешь ты?

О л и в и я

Поведайте, что будет дальше.
Не попадет ли в плен любимый,

Не заболит ли в пути?
Опасность сможет обойти?
Вернется ли он невредимый?

Подбросив камень цвета крови
В кипящий на огне отвар,
Гадалка, наблюдая пар,
Вдруг помрачнела, сдвинув брови.
Шло время, но она молчала.

О л и в и я

Ах, что же видите вы там?

С л у ж а н к а

Пожалуйста, скажите нам!

Ведунья им не отвечала.

О л и в и я

Коль мало денег – вот, возьмите
Еще...

Мешочек протянув,
Она, прерывисто вздохнув,
Проговорила:

– Не томите!

Г а д а л к а

Не нарушаю правил чести.
Расчет уже произведен...
Мне трудный жребий отведен –
Я сообщу плохие вести.

Оливия, бледнея, встала,
Сдержанность не в силах тихий стон.

Г а д а л к а

Крепись. В бою погибнет он.

Оливия без чувств упала.

С л у ж а н к а

О Господи, ну я и дура!
Не стоило ее сюда
Мне приводить. Ах, я балда,

Сентиментальная натура!

Костер, внезапно вспыхнув, сцену
Закрыв, видение губя,
И молвил Рыцарь, вне себя,
Рукою стукнув по колену:

– Вот бестолковая служанка!
Такое сделать – в гневе я!
Гадалка, гадкая змея,
Ну, попадись мне, шарлатанка!
Уж не по этой ли причине
Любимая моя слегла,
И хворь, возникнув, привела
Ее к безвременной кончине?
Я прав?

С т а р и к

Нет, чересчур поспешно
Ты судишь обо всем, мой друг!

Р ы ц а р ь

Замечу, ты неходишь в круг
Моих друзей.

С т а р и к

Ну да, конечно.
И все-таки тебе составлю
Компанию еще на час,
Чтобы продолжить свой рассказ,
Вторую часть сейчас представлю.

И снова пламя расступилось,
Волшебный порошок пронес
В покой, где, не скрывая слез,
Оливия Святым молилась.
И, словно разделяя горе,
Выл ветер, по трубе мечась,
И плакала, дождем стучась,
Ночь, девушке печально вторя.
Оливия вдруг ощутила,
Молитву завершив едва,
Как закружилась голова,
И слабость дрожью охватила.
С трудом добравшись до постели,
В изнеможении легла,
Потом служанку позвала,
Шнурочек дернув еле-еле.
Вошла служанка со словами:

– О, госпожа, как вы бледны!

И сильный жар, совсем больны!
Что ж это делается с вами?

О л и в и я

Подай воды, мне очень худо.

С л у ж а н к а

Есть в доме лекарь – человек,
Что здесь остался на ночлег,
Я с ним через минуту буду.

И возвратилась с гостем вместе
(В нем Рыцарь Старика узнав
И возглас ярости издав,
В тревоге подскочил на месте).

С т а р и к

Бедняжка!

С л у ж а н к а

Что с ней?

С т а р и к

Лихорадка.
Ну, ничего, я помогу.

С л у ж а н к а

Пред вами буду я в долгу!

С т а р и к

Не беспокойся, все в порядке.

Открыв из черной кожи сумку,
Старик достал флакон:

– Я дам

Ей чудодейственный бальзам,
Подай, пожалуйста, мне рюмку.

Старик к Оливии склонился,
Лекарства первый же глоток
Принес ей свежих сил приток,
Румянец по щекам разлился.
И, как по волшебству, мгновенно
Болезнь исчезла без следа.

С л у ж а н к а

Что за целебная вода!
Она здорова!

С т а р и к

Несомненно.

О л и в и я

Спасибо вам, хотя лечение
Напрасным было...

С т а р и к

Вот те раз!

О л и в и я

Да! –

Слезы брызнули из глаз, –

Жизнь для меня одно мученье!

С л у ж а н к а

О, госпожа, прошу!..

Служанку

Старик прервал:

– Присядь, в ногах
Нет правды, ты весь день в бегах
И встала, верно, спозаранку.

Служанка, сев на стул, зевнула,
Роня голову на грудь.

– Ох, всем нам нужно отдохнуть... –

Пробормотала и уснула.

С т а р и к

«Вот так-то лучше».

– Слышал часто
Подобные твоим слова,
Проблема эта не нова,
Из-за любви ты так несчастна.

О л и в и я

Вы угадали.

С т а р и к

Нет! Готовы
Лишь ворожеи угадать,
А мне дано все точно знать,
Чтоб договор составить.

О л и в и я

Кто вы?

С т а р и к

Бес, демон, как тебе угодно,
Мне лекаря приятна роль,
А, впрочем, не в названье соль,
Менять судьбу могу свободно.

О л и в и я

Наверное, кошмар мне снится...

С т а р и к

Ну, если жизнь твоя и сон –
Не мною вовсе страшен он,
А тем, что с Рыцарем случится!
Но от удара рокового
Есть способ Рыцаря спасти,
Ты душу в жертву принести
Должна, нет выхода другого.

Р ы ц а р ь

Какая адская ловушка!
Ты – оборотень среди людей –
Бесстрастно губишь их, злодей!
Убей меня!! Где яда кружка?!!

С т а р и к

Смотри сюда, о Рыцарь смелый!
Спросил ты где? – Да вот она!
Тебе испить ее до дна
Как раз задача жизни целой!

О л и в и я

О, непомерна и ужасна
Цена, которую плачу,
Но без Него жить не хочу
И не сумею.

Я согласна.

Часть III.

Сник Рыцарь, с болью ощущая,
Как вслед за образом костер
Частицу прежней жизни стер,
В золу и пепел превращая.

– Так почему погибла, – глухо
Промолвил он, сжав кулаки, –
Она контракту вопреки?

Старик ему ответил сухо:

– Нет оснований для укора –
Что обещал, исполнил я.
На ратной службе жизнь твоя
Была предметом договора.
А жизнь Оливии полгода
Спустила чахотка унесла,
Но сделка с нею берегла
Тебя до самого ухода
С войны.

Рыцарь

Узнав о смерти милой,
С ней жаждал встретиться в раю,
Покончив в праведном бою
С существованием постылым.

Старик

«Попался он – вот это дело!
С наживкой проглотил крючок,
Нашелся нужный червячок,
Осталось лишь подсесть умело».

Рыцарь

Бросался в драку безрассудно...
Оливия, где ты сейчас?..

Старик

Душа находится у нас,
И мне позвать ее не трудно.
Свидание легко устроить,
И в радости ты рядом с ней
Жить сможешь до последних дней,
Но годы счастья будут стоять
Двух ваших душ, одной цепочкой
Соединенных. В мир иной
Уйдете вместе, отправной
Твоя кончина станет точкой.

Рыцарь

Не ждал такого поворота.
 Прищелкнул пальцами старик,
 И на поляне через миг
 Возникли странные ворота.
 Они, явившись ниоткуда,
 Вели, казалось, в никуда,
 Зачем неясно, но когда
 Открылись створки, то... о чудо!
 В воздушном кипенном наряде,
 Лицо – белее полотна,
 Стояла меж дверей... Она,
 В пространство отрешенно глядя.
 Встал в горле ком, дышать мешая,
 Дрожь Рыцарь чувствовал в руках,
 Кровь билась у него в висках,
 Другие звуки заглушая.
 Теряя контур в дымке мгlistой,
 Оливия, поверотясь,
 Пошла к реке, не торопясь,
 Ступая по траве росистой.
 Старик о чем-то распинался,
 К нему утратив интерес,
 Оливии наперерез,
 Быстрее ветра, Рыцарь мчался.
 Но, обогнув ворота слева,
 Пройдя незримую черту,
 Он обнаружил пустоту
 Там, у воды, где видел деву.
 Взглянул в ворота, обернувшись, –
 Оливия брела к костру.
 – Ну, хочешь продолжать игру,
 А? – крикнул старец, ухмыльнувшись.

Старик

Возможно, не слышал ни слова
 Иль упустил суждений нить,
 И мне придется объяснить
 Тебе про договор все снова:
 Коль на условия согласен,
 Сквозь двери должен ты пройти,
 А не пытаться обойти!
 Теперь тебе твой промах ясен?
 Порога переход – отмечу –
 И есть тот самый важный факт,
 Что будет означать контракт
 И с девушкой желанной встречу.
 Оливия застыла. Рыцарь
 Шагнул к дверям, заметил, как

Она приблизилась на шаг,
Заставив сердце колотиться.
В смятении остановился,
Испариной покрылся лоб.

С т а р и к

Так что, ее обратно в гроб
Отправим, или ты решился?

Р ы ц а р ь

Твоя взяла.

С т а р и к

Вот и отлично!

Р ы ц а р ь

Покончим с этим поскорей.

И он прошел между дверей.
Прищелкнул пальцами вторично
Старик. Уменьшились ворота,
Скрутившись в небольшой рулон.
И, спрятав свиток в сумку, он
Сказал:

– Завершена работа.

Эпилог

Одной рукою Рыцарь правил
Конем, Оливию к себе
Прижав, и купленной судьбе
Навстречу ходу он прибавил.

С т а р и к

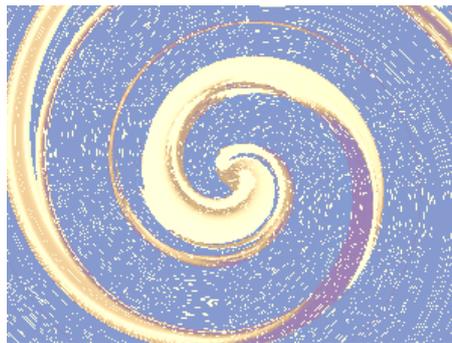
Какой я все же дальновидный,
Как правильно все рассчитал!
Не зря тогда гадалке дал
Наказ, отмерив куш солидный.
Ночь напролет пришлось гнуть спину,
Давно я так не уставал...
Тринадцать душ уже собрал,
Пора с докладом к Господину.

На месте трижды прокрутившись,
Старик подпрыгнул высоко,
Взмахнул руками и легко
Взмыл, вороном оборотившись.

ПОЭЗИЯ

Андрей Баранов

(МОССАЛИТ, Москва)

Неправда

Неправда, что люди бросают окурки –
окурки бросают козлы и придурки.
Козлы и придурки, а вовсе не люди!
Людей обижать подозреньем не будем.

Неправда, что люди, гуляя с собаками,
загадили парки собачьими каками,
то сделали вовсе не люди - собаки,
питбули с терьерами, так и растак их!

Чтоб в пробке часок не стоять вместе с
прочими,
иные, я слышал, пьют по обочине
и даже по встречке, рискуя здоровьем,
как будто воспитаны в стаде коровьем.

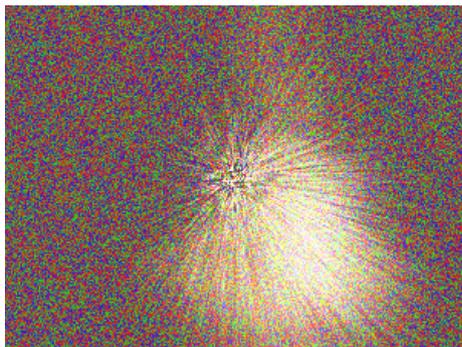
Неправда, что некоторые, как напьются,
орут и кривляются, даже дерутся!
Напраслине этой я верить не стану,
ведь так поступают одни обезьяны.

Макаки, собаки, ослы и коровы,
кобылы и кони, козлы и козины
нам жизнь омрачают, а люди - ну, что вы!
– они добродушны, мудры и невинны.

Падай и лети!

Когда, не зная слов, ты говоришь на идиш,
на банту и койне велением Его,
когда ты видишь всё - и ничего не видишь,
когда ты слышишь всё, не слыша ничего,
когда внутри тебя вдруг возникает бездна
и поглощает то, что ты считал собой,
когда твоя броня смешна и бесполезна,
как панцирь для жука под детской ногой,
тогда не хлопочи, за что бы ухватиться,
не ной и не скули, что нет тебе пути,
а выпусти из рук унылую синицу
и падай –
и лети!

а тополя уже совсем опали
как бывшие придворные в опале
всевышнего о милости моля
они к нему протягивают руки
как будто нестерпимей этой муки
от первых дней не видела земля
нет насмотрелась всякого довольно
что даже в страшных снах увидеть больно
в галлюцинациях
не то что наяву
а вот живёт же
каждым новым вдохом
весною новой
новою эпохой
и ты живёшь
и я пока живу

ПОЭЗИЯ

Александр Воловик
(Москва)

Жизнь необъяснима...

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное – когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда – единственная *вещь*.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождейки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё – виртуально: водоём, премьеры, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

СТИШОК С ПОДВОХОМ

Печальный август лето прекратит,
Окрасит золотом старческим листву.
Давай о нём забудем — без обид,
В конце концов, пока мы наплаву...
О лето, как ты коротко! Как жизнь...
Хорошее, зелёное, вернись!

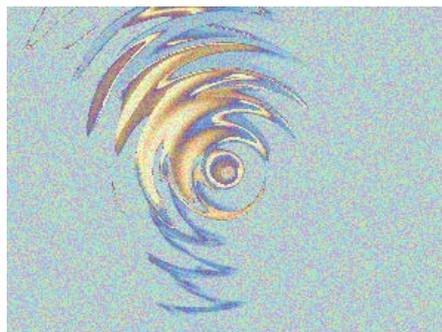
Когда-то...

Напротив памятника Пушкину
кафе-молочная. Я там
машу сосискою надкушенной –
как бы указываю ртам
режим и ритмику жевания:
альты – *ням-ням*, басы – *хруп-хруп!*..
Жуют студенточки жеманные,
куриный расчленяя труп.
Смели два марципана шёголи,
два капитана в галифе.
Клыки, кренясь, у бабки щёлкнули,
она немножко подшофе.
А за стеклом *моя милиция*
законно алчет шоферов.
Шуршит бульвар тверскими листьями.
Лицо луны вздымает бровь.
В углу качнулся и уснул-таки
алкаш, как твёрдый знак, загнут.
В «России» в Малом зале мультики.
Начало через семь минут.

ПОЭЗИЯ

Михаил Вяткин

(Москва)

*маленькие сумерки
синий кавардак*

**И Лететь-Лететь-Лететь
Низко Лететь Над Землей
Отталкиваясь Сонными Глазами
От Надоевших Переулков**

*тихое безумие
кто-то умер? – да...*

**Внутри Сумерек Мне И Предстоит Падать
А Вокруг До Масловки – Темнота Как Тесто В Квашне
Будто Хочешь Обхватить Руками Убежавшее Вчера
Где Запах Черноты – Невидимым Ситным Калачом**

**И В Той Глубине –
Стоят Призраки Старых Домов И Голые Стволы Забытых Деревьев
И Заливается Вслась Милицейский Свисток
И Трамвай Восемнадцатого Маршрута Не Доехал Он Исчез
И Цветики-Сциллы – Прощальный Ковёр Около Калитки**

**Моё Сердце Наполняется Стыдом
Что Ничего Уже Нельзя Изменить
И Что Мой Календарь Работает
На Дурацких Отсыревших Дровах**

как тёмно-синее ничто

**А Вместо Платья – Тишина Стоячий Дождик
А Туфли – В Луже Фонари Волнения Поступь
А Мне Бы Только Не Заснуть Её Увидеть
Как Я Мечтал Я Этим Жил Уже За Гранью**

**А Тишина Всё Барабанит Барабанит
И Фонари Уходят Вглубь Как Заклинания
Деревья Дремлют А Она Слетает С Неба
Как Страстный Танец Одиночества И Дрожи**

Пусть Всё Забыто Всё Забыто Всё Забыто
Лишь Одуревший Воздух Спьяну Что-то Мелет
Всё Перепутает В Мечтах Своих Безумных
И Вместо Платья Тишина Осуществится

бежать на цыпочках сквозь ночь скорей исчезнуть

Иногда-Нибудь

И ТОГДА Я ПЕРЕОДЕЛСЯ В ГОЛОГО ЧЕЛОВЕКА

она

лучше определить на ощупь
проскользнула как тень и исчезла

нет!!!

их-их У-Ша- - -Хотели- - -Ши-У их-их

затаилась в кресле если нельзя то меня бегом
брала как срастается-открывается раковина
по миллиметрику
так нежно

музыка брыкалась

потом у меня в руках

Кроме Текста Ничего...

Созерцание

занавес - парус.....(С).....слов покаянье
 солнечный зайчик в окно.....(О).....озеро блеск сохранит
 тень мою выгрыз.....(З).....звёздных осколков
 через дыханье.....(Е).....елей вершины
 входит в загадочный мир.....(Р).....ровные чертят круги
 вечный скиталец.....(Ц).....целятся в небо
 чёрным агатом глаза.....(А).....аистов пара летит
 меченый ворон.....(Н).....нежные звуки
 мысли свои отпусти.....(И).....ирис хранит лепестки
 слов покаянье.....(Е).....едкого цвета

Слегка горчит осенний блюз

Я помню вечер октября,
 Блестели мокнущие крыши,
 Мой город стал как будто тише,
 Играя музыку дождя.

Была мелодия хмельна
 И ритмом на тебя похожа,
 В размытых контурах прохожих
 Я шла по улице одна.

Припев:

Бросает осень в ноги мне
 На листьях прошлого приветы,
 И я слегка дрожу от ветра
 В темноте...

Но в эту сырость октября
 Унылый дождь не раздражает,
 И жёлтый блюз напоминает
 Мне тебя...

Стучали капли невпопад,
 Я поправляла их губами,
 А расстояние меж нами
 Всё сокращалось каждый такт.

С годами изменился вкус,
 Опять зову тебя неслышно
 И пью вино из красной вишни,
 Слегка горчит осенний блюз.

*Елена Ерофеева-Литвинская
(МАГИ, Москва)*

Пианист

Ещё Шопена мне сыграй,
Пусть звуки приподнимут душу,
Преобразят земную сушу
В далёкий невозможный рай.
Весь мир тобою изменён
Движеньем точным гибких пальцев,
Неуспокоенных скитальцев
В октавах призрачных времён.
Затеяв звучный разговор,
Ты мне нечаянно подаришь
Смятенье чёрно-белых клавиш,
Их равновесие и спор.
Пусть звуки царствуют и делят
Мгновение блаженной сути,
Где век тождественен минуте,
Где нас когда-нибудь простят.

Подруга осень

Не грусти, подруга золотая,
И не верь предчувствию беды.
В низком небе птицы, улетаая,
Оставляют лёгкие следы.
Осень, не жалея о невозвратном,
Всё идёт извечным чередом.
По утрам в густом тумане ватном
Плавают прохожие с трудом.
Успокойся, отдохни немного
От весёлой летней кутерьмы –
Предстоит нам долгая дорога

В царство заколдованной зимы.
Время есть поразмышлять о вечном,
Звёздная спустилась пелена...
Осень, скоротаем этот вечер
За бокалом терпкого вина.

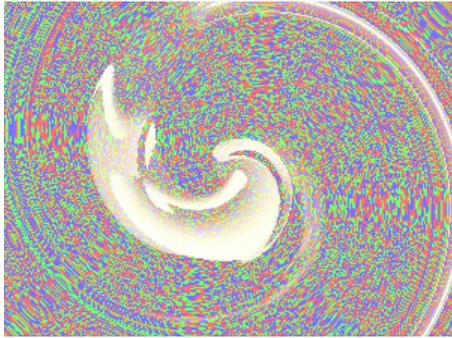
Я не вижу тебя во сне

Я не вижу тебя во сне,
Я домой не несу цветы,
В этой трижды пустой Москве
Забываю твои черты.
В веренице бегущих дней
Растворяется тайна двух.
Я прошу: назови своей
Хоть вполголоса, хоть не вслух.
К чуть подмёрзшему витражу
Осень льнёт расписной листвою.
Не своя, не твоя брожу,
Хоть на миг ты меня присвой!
А иначе – ни жизнь, ни смерть,
Ты ведь знаешь – я всё отдам,
А иначе – ни синь, ни твердь,
Вот и маюсь – ни здесь, ни там.
Оттого так невесел взгляд,
Оттого не найдёт покой
Это сердце, что век назад
Ты согрел под своей рукой

Пуста больничная палата,
 Мой тихий временный покой.
 Светлы июньские закаты,
 И пахнет скошенной травой.
 Над парком летнее ненастье –
 Похоже, дождь идет грибной.
 Как редко выпадает счастье
 Побывать совсем, совсем одной!
 Одной в предугреннем тумане,
 Сжимая карандаш в руке,
 Песчинкой в вечном океане,
 Свободной в каждом пустяке,
 Невозмутимой, неподвластной
 Ни суете, ни злобе дня...
 Я постигаю мир прекрасный,
 Что на ладони у меня.
 Я побывала где-то рядом
 И вновь когда-нибудь уйду
 Блаженным млечным снегопадом
 По зыбко дрящемуся льду.
 Я растворюсь в душистой чаще –
 Столетних лип печаль чиста –
 И в капельке росы, дрожащей
 На нежной зелени листа.
 Я повторюсь на круге новом,
 В весеннем шуме талых вод,
 Меня подхватит птичий гомон,
 Тигровых лилий хоровод
 На клумбе дачной, круглой этой,
 Где ход свершается времён –
 От сотворенья тьмы и света
 Простой порядок заведён.
 От счастья ошалела птица...
 Так было испокон веков:
 Уходим мы, чтоб воплотиться
 В небесной пене облаков.

С деревьев листья облетели

С деревьев листья облетели,
 Но, по-особому права,
 Назло кружащейся метели
 Сияет зелению трава!
 И не стесняясь голых веток,
 Над ним сомкнувших потолок,
 К едва пробившемуся свету
 Упорно тянется росток...
 Так и душа – в последнем рвенье
 Ещё немного доцвести
 Лелеет каждое мгновенье
 В разжатой времени горсти,
 Не хочет верить близкой стуже
 И полумраку тяжких дней,
 Затягивает пояс туже,
 Чтоб быть, как девочка, стройней.
 Так весела морозной ранью!
 Так молода в своей мечте!
 Сопrotивляясь умираью,
 Оцепененью, темноте...

ПОЭЗИЯ

Борис Режабек
(Москва)

ВРЕМЯ

Кружат по эллипсам точки планет,
Космос прозрачен и дик...
То, чего нет,
в то, чего нет,
Превращается каждый миг.

Прошрое. Где оно? Что с тоской
Звать прошлогодний свет?
Будущего не достать рукой.
Будет - ведь, значит, нет!

Эта реальность страшней, чем бред,
Призрачней, чем эфир ...
То, чего нет - в то, чего нет.
И это, простите, Мир?

ПРОСТРАНСТВО

Я с удивленьем смотрю на предметы.
Как отличить мне, где то, а где это?

Вот, говорят, городская черта.
Где же черта-то? Черты - ни черта!

Берег морской или перышко птицы -
Нет никакой объективной границы.

Атом, Галактика или корыто, -
Нет контуров, все фрактально, размыто.
Вы говорите, есть контур в корыте?
Вы в микроскоп на него посмотрите!

**СУБЪЕКТИВНАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

«Пусть я - меланхолик,
Пусть я – алкоголик,» -
Промолвил угрюмый сосед, -
«Пусть в рюмке виднеется розовый
кролик,
Я знаю, что кролика нет!»

Все было прекрасно,
и всем было ясно,
Что прав он буквально во всем,
Что спорить напрасно,
что спорить опасно...
И мухи летали кругом.

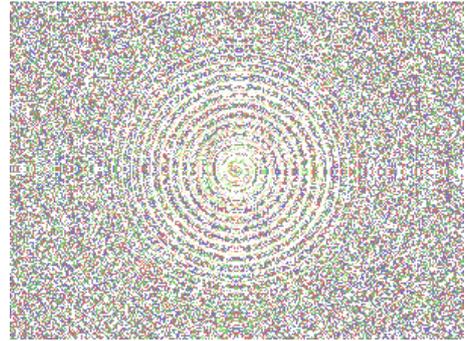
Но кролик наивный
Из чести спортивной
Набрался решительно сил,
И, прыгнув из рюмки,
довольно активно
за ухо его укусил!

ПОЭЗИЯ

Солнечная женщина

(Надежда Стрелкова)

(МОССАЛИТ, Москва)

Грусть

Игорю Бурдонову

*склонилась ива
иероглифом грусти
поздняя осень*

*непостижима
с грустью думал о жизни
жук древооточец*

Скупой ноябрь нам дарит ясный день,
Коротенький, в тени не тает иней.
Последний лист бордовый на малине
Просунулся сквозь старенький плетень
И выглядит, как яркий лоскуток
От спрятанных в кладовку декораций.
Осталось ноябрю чуть-чуть прибраться,
Соткать из снега для земли платок
И передать дежурство декабрю.
Признаться, их обоих не люблю.
Им песен не пою, но день так светел,
Теплом прощальным полон каждый миг,
Что поневоле сочинился стих.
И мне ноябрь улыбкою ответил.

Дождь тщательно ощупывал листья,
Он золотой искал среди жёлтых, алых.
С досады рвал, бросал куда попало,
На ощупь убедившись, что просты.
Всё бормотал о чём-то, о своём.
Наверное, бубнил, что нет везенья,
Зачёркивал пунктиром день осенний,
В котором мы с тобою не вдвоём...
Листою лето облетало вниз,
Кружась между землёй и облаками,
И золотом блестело под ногами,
И терпкой грустью пах опавший лист...

ПРОШУ ЛЮБИТЬ И ЖАЛОВАТЬ

Знакомьтесь –

Надежда Гусева (Москва)

Мы с удовольствием представляем нового члена Московского Салона Литераторов, поэтессу и писательницу Надежду Гусеву. Надежда Константиновна родилась и живет в Москве. В детстве и юности, а позже, уже работая врачом, сочиняла стихи «по поводу», пока в 1995 году, по словам поэтессы, «стихи не нахлынули, требуя выхода». Посещала поэтический семинар Л. И. Ошанина, собравшего коллектив людей разных профессий, увлечённых стихотворчеством, а после смерти мэтра занятия вёл его ученик по Литинституту – журналист, поэт, писатель А. А. Бобров. Печаталась в сборнике памяти «Лев Ошанин» (Московский писатель, 1997), в журнале «Юность» (№ 9, 1999), в сборнике лирических стихов (4-ом по счёту) пеновских поэтов «Прикосновение» (РадиоСофт, Москва, 2010) под эгидой литобъединения «Плот» в п. Пено Тверской области, в ОП газете Тверской области «Звезда».

Духовно-философская лирика

О ДУШЕ

Когда-то я, как все, карабкалась на гору,
Пытаясь отыскать среди вершин свою,
А взгляд легко скользил в небесные просторы,
Стараясь угадать, ну, что же там – в раю?

Теперь легко шагать с холма пологим склоном,
Рассеялся мираж о неге неземной,
Я станцевала па простых земных законов,
И ждёт меня, как всех, – Та самая, с косой.

Господние пути всё ж неисповедимы,
Бог дал земную жизнь, и Бог её возьмёт,
Всё сделал Он без слов, без жестов пантомимы,
Никак не намекнув, что дальше меня ждёт.

Но есть во мне душа, ужель она бескрыла?
Я чувствую её, ей не сгореть дотла.
И добрый Ангел мой неведомою силой
Уже так много раз хранил меня от зла.

Зачем же Бог собрал меня из половинок:
Неправедной – земной, хлебнувшей слёз и мук,

И спорящую с ней – аскезною, как инок,
Готовую принять на веру жизней круг?

Зачем я родилась под грохот грома грозный
Бесцельным (?), но живым комочком Бытия?! –
Ужели для того, чтоб видеть прелесть розы,
Вдыхая аромат, могла бы здесь и я?

В гармонии цветка я углядела разум,
Пыталась «лунность» нот Бетховенских объять,
И ритмами стихов соединяла фразы,
Но кто же без Души всё это мог нам дать?

Не совладать с Душой Воительнице смертной,
А значит моё «Я» – с ней тоже не умрёт,
Ни слуху моему, ни зренью неприметный,
Пусть всё, что я смогла, крылатый Дух возьмёт.
2002 г.

* * *

Как хорошо, отбросив гордость позы,
Вернуться к первозданности в себе,
Не подчиняясь «Общий сбор!» играющей трубе,
Имея недоступный играм остров.
Что может быть прекраснее Свободы,
Подаренной душе в фатальном беге дней,
Как эти бьющиеся в вечный остров воды,
Где вслед за Эвридикой шёл Орфей...
Пока земная плоть род смертных продолжает –
Душа божественная дарит ей любовь,
Но плоть, исполнив долг, в могиле умирает,
А Свет её души к богам восходит вновь.
12.07.10

* * *

Жизни, как спелые жёлуди, падают –
Не удержать их могучим дубам.
Приняты раем ли? Втянуты адом ли?
Все до единого – будем мы там.

Сколько ни плачь – ничего не изменится,
Зря не заламывай рук пополам,
Чёрт или Ангел заранее целятся,
Распределяя Приход по углам.
22.11.10

ПОД РЫЦАРСКИМ ЗНАКОМ

Этой хрупкой прекрасной
жизни тонкую нить –
я внесла в пламень красный,
закалив, как финифть.
В геральдических красках
с бирюзою Небес
за зелёной терраской
рдел пурпуровый лес.
Щит под рыцарским знаком
позолотой сверкал,
отражая атаки, –
мир Теней отсекал.
Уберите кинжалы,
стрелы бросьте в камин –
яд их смертного жала,
как линиялый кармин.
После тьмы наважденья
ярче виделся свет,
и, терзаясь в сомненьях,
мысль искала ответ.
Поиск верного слова
Увлекал за порог –
у ручья лугового
повстречался мне Бог.
Под пылающим взглядом
я застыла дрожа –
как стоял со мной рядом –
в пятках билась душа.
– Что, скажи, это значит,
разве явлен нам Бог?
– Просто стала ты зрячей
В час бессонной горячки,
Я немного помог.
– Значит, дьявол бессилён,
если Ты среди нас,
и Христос дал нам крылья
в тот трагический час?
– В искупительной чаше
не угаснул Грааль –
души вечные ваши
примет вечная даль.

16.07.10

НЕ ЗАБУДЬ

Пронесётся душа кометой,
Покидая земную твердь,
Скинув тленное тело в Лету,
Чтоб о пройденной жизни спеть.

Раззвонить о страданиях и счастье
Мириадам холодных звёзд,
Угасающим в одночасье,
Как листва с пожелтелых берёз.

Рассказать о пытливости взоров
Под вихрами волос густых,
О слезах с чистотой озёрной
Для космических глаз пустых.

Прокричать о мечте заветной –
Отыскать братьев жизни земной,
Бросив клич в даль галактик несметных:
«Эй, откликнись, кто есть живой?!»

Передать, как, не слыша ответов,
Отвергали мы Вечности смерть
И искали Пророков заветы,
Чтоб золой не уйти в круговерть.

Как, поймав на лету счастья птицу,
Атакуемы духами зла,
Чтоб грехами Душой не прельститься,
Затевали святые дела.

Не в приятных беседах бульварных
Человека жёг мыслей поток,
Но, умножив дань Божьего дара,
Ум непраздный познать себя мог.

Словом Вышнего душу очистив,
Мысль, пылая нетленным огнём,
Возвратив Духу свет Божьей искры,
Растворится для Вечности в нём.

И подхватит энергию мыслей
Светлый разум, что чувствам открыт,
**Чтобы криком младенческой жизни
Код бессмертия не был забыт.**

25.10.10

О любви

СКРИПАЧ

Только сгорая, можно зажечь
 Факел от искры горячего сердца,
 Словно берёзка, ломаясь в поленца,
 В топку легла, чтоб сама себя сжечь,
 Выгорев пеплом несбывшихся встреч.
 Нервы как струны –
 Как звук Страдивари –
 Болью души о любви говорит,
 Светлой слезою темниц тёмно-карих
 Влажный смычок в лунном блике дрожит.
 Скрипка любви за маэстро рыдает,
 Рвётся струна в адской пляске тревог...
 Только немая вселенная знает,
 Как бесконечно скрипач одинок.

СОНЕТ

Я помню волн глухой накат,
 И южный берег изумрудный,
 И разговор немного трудный,
 И догорающий закат.

Твоё изысканное «нет»
 Меня несколько не смутило,
 Всё было безупречно мило,
 Как безупречен лунный свет.

Но эта полная луна
 Далёким холодом светила,
 И взгляд твой бесконечно стылый
 Впитала будто бы она.

А что же чувствовала я?
 А я ...я – тоже не любила...

ЛЕБЕДЬ

Говорят мне:
 сожги ткани лёгкой одежды,
 не ко времени сшила ты новый наряд,
 что не в моде теперь
 его цвет белоснежный,
 что желательней – чёрный,
 и лучше – до пят!
 Будто нет лебедей
 на земле моей грешной.
 Улетели.
 Осталось одно вороньё.
 Вот он... Лебедь...
 плывёт за подругою нежной.
 Может, кто-то ослеп
 или слышал враньё?

КАК УСТОЯТЬ?

*Дайте мне точку опоры,
и я сдвину Землю.*

Архимед

У вдохновенья нет былой опоры –
Ты разлюбил, и словно меркнет свет.
Я подхожу к окну и раздвигаю шторы
И издали смотрю на твой портрет,
Не узнавая так знакомых мне примет,
А новый напишу едва ли –
Былых желаний стёрся след.
Подумав, что глаза мои устали,
Иду поближе разглядеть детали,
Но всё до мелочей переменилось в них,
Нет милых черт, мне прежде дорогих.
Холодный взгляд насквозь пронзает сталью,
И страх и дрожь никак мне не унять,
Что происходит, не могу понять.
Какая сила, овладев портретом,
Глазами полоумными сверля,
Как будто дулом пистолета,
Повсюду целится в меня?
Рванулась прочь – он пригвоздил к стене!
Зашлась от крика – слышен жалкий шёпот,
И чьи-то когти полоснули по спине,
Обрывки мыслей плаваются в огне,
И рушит потолок вселенский хохот,
Гул перепонки обрывает грохот,
И тишина. Далёкий хрип доносит патефон,
Какой-то старый небожитель крутит
Мотив, давно заезженный до жути,
Надсадно бьётся муха о плафон...
И я – со стиснутым будильником в руке
Смотрю на одеяло в уголке.
На тумбочке – роман великого эстета
Коллизий Дорианова портрета,
Наславший на меня кошмарный сон,
Да где-то дребезжит магнитофон...
Прекрасно, но причём тут Архимед,
Ведь он имел в виду другой предмет?
И всё же цель эпитафия уместна –
Любой кошмар уходит повсеместно
В живом тепле взаимности любви,
Без вечных причитаний «се ля ви».
Кто встретит эту главную опору –
Тому и Землю сдвинуть в пору.

ИГРОК

Пыл открытой души игрока не волнует –
 Подковёрные тайны – успеха залог:
 Глядя честно в глаза, он с улыбкой блефует –
 Он играет за жизнь, но тебе невдомёк.
 Как тебе доказать эту правду простую –
 Пока вяжут петлю, не надышишься впрок,
 Бесплезную смерть не спасёт «аллилуйя»,
 Это самый пустой и никчёмный урок.
 Пусть прозреет душа, коль рассудок в затменье,
 Дар замученных фраз не заменит любви.
 Если он говорит о любви без волнения,
 Смело жизнь выбирай, а удавку порви.
 Этот страстный игрок гениально вступает,
 Его бритвенный разум логичен и строг,
 Верь, когда говорит, что, любя, не ревнует,
 Потому что в любви он играет как бог.
 Ради кайфа игры – ты была на примете,
 Ради чувства другой – он с тобой флиртовал,
 Он за глупость твою никогда не ответит,
 Потому что в любви, ну, какой криминал?
 Каждый крест свой несёт по судьбе добровольно,
 Если бросишь – такой же отыщется вновь,
 И опять будет также надрывно и больно,
 И в тупик уведёт подставная любовь.

Разное

ПАМЯТЬ

Тихо над Окою, солнца ещё нет –
 Шли мы над рекою дружно, следом в след.
 А потом тропинка уводила в лес,
 В россыпи росинок, в изумрудный блеск.
 Звонко просыпались травы и кусты,
 Светом наполнялись кроны и цветы.

Звякал на цепочке ягодный бидон,
 Вздрагивали кочки под беспечный звон.
 Вышли на приволье яркого луча,
 Что разлился в поле, травы горяча.
 Горизонт просторный заливных лугов
 Оглашал стозвонный гомон вокруг цветов.

Земляничкой сочной склон холма сиял,
 На ковре цветочном славный пир стоял.
 Дымка рисовала детские мечты,
 Допьяна питала соками земли.
 Кошенные травы косари гребли.
 Как блаженны, право, были эти дни.

НОВЫЙ ГОД с улыбкой детства

Предновогодняя зима.
Слегка метелит, снег кружится,
У детской горки кутерьма.
Ты выросла. Как время мчится!

Среди бетона и стекла
Висят гирлянды из рекламы...
Практичней ты и выше мамы,
И торт на праздник испекла.

А помнишь, как твоя душа
Робела перед Дед-Морозом,
Не узнавала, чуть дыша,
Отца под маской красноносой.

Поверив в сказочную жуть
Про беды ледяной избушки,
Ты долго не могла уснуть
В обнимку с мягкой игрушкой.

Гнала коварную лису
От заячьей избы под елью
И в добром сказочном лесу
Кормила зайца карамелью...

Счастливый праздник – Новый год!
Сквозь влагу пенного бокала
В душе бурлит водоворот

Весельем детского накала.

Мы снова верим в колдовство,
И в исполнение желаний,
И в искренность, и в торжество
Открытых дружеских посланий.

Одна минута... и рубеж ...
Мы замерли, как на параде.
Год Новый. Как он чист и свеж –
Как свет любви в любимом взгляде.
1995 г.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком вечер. Зажигаю свечи,
И смотрю на пламя, как оно дрожит,
А потом – в проулок, в нетерпенье
встречи:
Там зима на синем жемчугом блестит!

В комнате уютно, кот урчит за печкой.
От калитки к сенцам мерно снег хрустит;
И рванулось время в беге быстротечном,
Только что тянулось, а теперь – летит!

Сядь ко мне поближе, говори потише,
Словно в целом свете мы с тобой вдвоём.
В завываньях ветра музыку мы слышим,
И трещит поленце, полыхнув огнём...
1995 г.

НАСТРОЕНИЕ, ЮЖНЫЙ ВЕЧЕР

Свит причудливый узор под шатром глициний,
А за ним морской простор, берег – с далью синей,
Слышен милый женский вздор, звон мелодий нежных,
Льётся мягкий баритон в полосе прибрежной.
Заметались светляки – огоньки приморья,
И повсюду – уголки с теплотой застолий.
Мы заходим в летний бар, вот уютный столик.
Олеандровый бульвар, аромат магнолий...
Набежал прохладный бриз, катер сбросил сходни,
Я исполню твой каприз, только не сегодня.
Юг загадочно сверкал, как улыбка Будды,
Как магический кристалл, обещая чудо.
1998 г.

Я ОДНАЖДЫ

Я однажды умру, и зажжённые свечи,
Оплавляясь огнём в чьих-то тёплых руках,
Без следа догорят в унисон с тихой речью,
Только трепет души будет биться в стихах.
Чуть помедлит душа, расставаясь с Землёю,
И прольётся дождём её здешняя грусть,
Может быть, иногда – вслед за майской
грозою
Я волненьем души в чью-то память вернусь.
25.08.10

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

В рубрике **«Детское чтение»** наравне со взрослыми писателями, пишущими книги для детей, мы начинаем публиковать работы наших самых замечательных, самых умных и самых талантливых детей. Разбирая работы ребят, присланные нам, мы изумлялись, как зачастую по-взрослому пишут дети, какие интересные и важные мысли приходят в из светлые головки, и как важны эти мысли для нас, взрослых.

Так давайте взглянем на мир детскими глазами!

Мы слишком заняты взрослыми проблемами, чтобы заметить, что солнце умеет смеяться, а птицы не просто поют, они еще и разговаривают, что падающие звезды – это слезы далеких созвездий, а за сумрачной стеной осенних дождей, хлещущих за окном, можно разглядеть изумрудные лужайки волшебных городов, где обитают диковинные животные, запросто прогуливаются феи и волшебники, где живут наши дети и где когда-то жили мы.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Настя Омельченко, 13 лет (Москва)

Учит английский и французский языки, играет на виолончели и фортепьяно, увлекается большим теннисом. Пишет небольшие рассказы о своих друзьях, о Москве, о том, что волнует ее сверстников.

Его глаза

Я смотрела в его глаза. Они были такие выразительные, как будто хотели мне что-то сказать. Они говорили о любви... о прошлом... Они выражали счастье и радость. Радость такую, которую невозможно передать словами. Эти глаза улыбались так, что у меня на душе становилось ясно... Его глаза были необычного цвета. Серо-голубые. Как мои.

Это были глаза моего родного человека. Моего папы...

Единая сила

(верлибр)

Внезапно прозвенел стартовый звонок. Он помчался... Мой конь помчался так быстро, что я не успела ничего почувствовать. И вот осталось совсем немного до конца. Наши души слились в единое целое. Я чувствую биение его сердца... удары его копыт о мягкий грунт... Я чувствую его силу и мощь. Он мчится так быстро, что я не замечаю ничего вокруг. Вот мы приблизились к последнему препятствию. Он взлетает, сильно оттолкнувшись от земли. Мы устремлены вперёд! К победе!

И мы победим...

Потому, что мы - единое целое... Мы – сила!!!

Уверены ли вы, что хорошо знаете Москву?

Собираюсь познакомить вас с интересными, но не такими известными местечками Москвы.

Начну, пожалуй, с одной улицы. Она находится неподалёку от Кремля и рядом с Москва-рекой. На этой улице всего четыре дома. Это самая короткая улица Москвы. Название полностью соответствует её содержанию. Зовут её улица Ленивка. Да, да, именно так – «Ленивка».

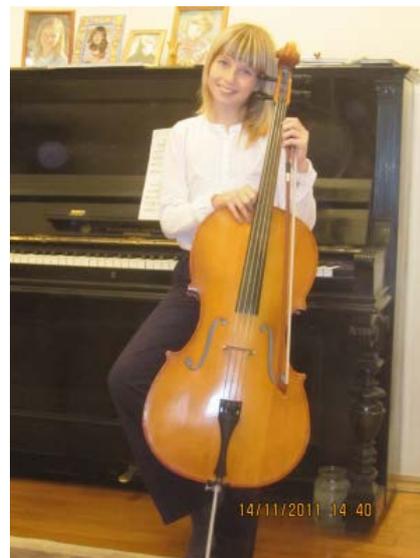
Эта улица тянется к нам из XVII века. Когда-то на ней был рынок, и называлась она Ленивый Торжок. Тут был овраг с речкой Ленивкой (левым притоком Москвы-реки). А уже настоящее название – «Ленивка» - улица получила только в XIX веке.

**Маша Сударикова, 11 лет
(Москва)**

Учит английский и немецкий языки, играет на виолончели и фортепьяно, в свободное время любит кататься на лыжах. Пишет сказочные повести и рассказы о животных.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ РИКИ

В одном муравейнике, который стоял на самой окраине деревни Березкино, в большой и дружной семье жил муравьишка по имени Рики. Он был веселый и добрый, но очень непослушный. Мама всегда качала головой, когда Рики в очередной раз вовремя не возвращался домой, заигравшись с друзьями в футбол. «Ох, доведет это до беды», - говорила она. Но Рики только смеялся. Он мечтал стать настоящим футболистом.

Однажды Рики в очередной раз задержался после школы и играл с друзьями в футбол. Рядом проходила большая дорога, по которой ездили машины. Как раз мимо проезжал огромный грузовик, который перевозил мусор. Грузовик неожиданно остановился, и из кабины вышел водитель. Рики никогда не видел таких больших машин и побежал к грузовику. Ему хотелось рассмотреть его поближе. Рики подбежал и забрался на колесо. Он карабкался выше и выше, но вдруг колесо закрутилось. Все завертелось, закружилось, понеслось, и только через несколько часов Рики очнулся. Рики лежал на обочине дороги. У него сильно болела голова. Рики встал, посмотрел направо, затем налево, оглянулся вокруг и не узнал родное Березкино. Это было совсем другое место. Вдруг к нему подбежал другой муравьишка.

- Ты откуда? – с просил он.

- Из Березкино. А это что за деревня?

- Это не деревня, - засмеялся муравьишка, - это город, называется Москва. Не слышал?

- Слышал, слышал, - небрежно проговорил Рики, хотя никогда до этого про Москву ничего не слышал.

Рики оглянулся. Вокруг стояли огромные каменные муравейники, в которых, должно быть, живут очень большие муравьи. Повсюду сновали машины.

- Как тебя зовут, чудо заморское? - спросил муравьишка. - Меня Биги.

- А меня Рики.

- А как ты сюда попал?

- Не знаю.

- Как не знаешь?

- Забрался на грузовик, а дальше не помню.

- Ладно, пойдем к папе, спросим, может он знает что-нибудь про твое Березкино.

Папа у меня много путешествует по работе, - гордо сказал Биги.

Биги жил в муравейнике в большом парке среди деревьев. Но дом у Биги был не такой просторный, да и цветов вокруг не было, и птицы не пели. Рики вспомнил соловья Трелли, с которым была очень дружна семья Рики. Он часто пел песни, сидя на березке над муравейником Рики. Рики стало грустно.

Родители Биги приняли Рики очень тепло.

- Что за гость к нам пришел? – спросил папа Биги.

Папа у Биги был очень солидный. Он носил костюм и галстук. В Березкино муравьи так не одевались.

- Папа, это Рики, ему нужна помощь.

- Так что с тобой случилось, Рики? Садись и рассказывай.

Рики посадили за стол. Мама Биги тут же принесла обед. Рики проголодался и с удовольствием накинудся на суп. Еда здесь тоже была совсем другой, не как дома. И хотя все было очень вкусно, но дома все равно мама готовила вкуснее. Пока Рики ел, Биги рассказывал папе все, что узнал о новом друге.

- Он забрался в колесо большой машины, а дальше ничего не помнит.

- Так как называется твоя деревня? Березкино. Что-то знакомое, я проезжал ее как-то, но это очень далеко, километров 100 отсюда. Так что скоро домой ты не вернешься. Придется подождать месяца четыре, пока я все подготовлю к этой поездке.

- Как четыре? - Рики выронил ложку и ели сдержался, чтобы не заплакать, - но мне нужно в Березкино. Мои родители будут беспокоиться! И у меня есть проблема – мне негде жить.

- И это ты называешь проблемой? У нас достаточно места, есть еще одна кровать, где ты и будешь спать, - сказал папа, - а твоим родителям мы позвоним по телефону. А у тебя есть мобильный телефон?

- Мобильный телефон? – Рики не знал что это такое. В Березкино не было телефонов.

- У тебя нет телефона? – страшно удивился Биги. – А интернет у тебя есть?

Интернета у Рики не было тоже. Папа улыбнулся и попросил Биги познакомить Рики со всеми премудростями современной техники.

Так Рики остался жить у Биги. Ему очень понравилось. Он стал ходить с Биги в школу, а в свободное время муравьишки гуляли по городу, ходили в кино, и Рики очень понравились фильмы в 3Д. Ничего такого в Березкино не было. Теперь у Рики был свой мобильный телефон, который купил папа Биги, и даже своя страничка в интернете. А еще Рики очень нравилась сестра Биги Лили. Лили была очень строгой и красивой девочкой. Лили была отличницей и помогала Рики в математике. А еще Лили занималась музыкой и играла на виолончели. Когда Лили играла, Рики подкрадывался к двери и слушал, как Лили занимается. Постепенно Рики перестал думать о доме, ему очень нравилась Москва и современная жизнь. А папа Биги тем временем разыскивал родителей Рики.

И вот наступила весна. И однажды, когда Рики сидел перед компьютером, он услышал, как поет песню соловей. Он пел так же прекрасно, как старый друг Трелли. И Рики вдруг страшно захотел домой, к маме и папе, в родное Березкино. Он побежал к папе Биги и спросил:

- Вы узнали что-нибудь о моем Березкино?

- Конечно, как раз сегодня я получил информацию и хотел тебе ее сообщить. Это очень далеко, нужно ехать по шоссе прямо до конца Москвы, затем направо до

перекрестка, там стоит заброшенный колодец, а оттуда до Березкино рукой подать. Скоро я смогу организовать твою поездку, подожди еще пару недель.

Но Рики уже не мог ждать. Вечером, когда все легли спать, он прокрался к Биги.

- Биги, проснись, я должен сказать тебе что-то очень важное.

- Ну что еще, Рики, завтра контрольная по математике, я хочу написать ее на 5.

- Завтра меня здесь уже не будет.

- Как? – Биги тут же вскочил.

- Завтра я поеду домой, в Березкино. Знаешь, мне здесь стало скучно. Здесь шум, грязь, а в Березкино свежий воздух, и Трелли уже, наверное, прилетел.

- Но как же ты доберешься? – удивленно спросил Биги.

- А так же, как попал сюда, на машине. Я теперь знаю дорогу, мне твой папа все рассказал. Завтра я соберу тихонечко вещи и уйду. Прощай, друг.

И Рики обнял Биги.

- Ну уж нет, возмутился Биги, я пойду с тобой. Завтра, когда родители уйдут на работу, мы соберем рюкзаки, надо еды побольше взять и воды, и тихонько улизнем. Главное, сбежать из школы, чтобы учителя не заметили и не позвонили родителям.

Биги тут же достал свой рюкзак, бросил туда несколько вещей, компас, бутылку минеральной воды и спрятал рюкзак под кровать. Тут дверь открылась, и муравьишки увидели Лили. Она стояла, нахмутив брови, и смотрела на ребят. Биги прошептал Рики: «Ну вот, мы попались! Теперь нас точно запрут и никуда непустят».

- Вот как?! Собираетесь в Березкино? И без меня? Ну уж нет! Биги, ты же знаешь, как я давно мечтаю попасть в настоящий лес.

- Мы возьмем тебя, - тяжело вздохнул Биги. – Но при одном условии – ты ничего не расскажешь родителям.

- Считайте, что у вас сегодня счастливый день!

Рики и Биги посмотрели друг на друга и улыбнулись.

На следующее утро, когда родители ушли на работу, ребята стали собирать рюкзаки. Лили аккуратно складывала в рюкзак красивые платица, помаду, духи, а мальчишки тихонько над ней подсмеивались. Затем Лили пошла на кухню и сделала всем много бутербродов. А Биги разбил свою копилку – он давно копил деньги на телескоп – и вытащил все сбережения.

- Пригодятся, - важно сказал Биги.

И вот, когда рюкзаки были собраны, муравьишки тихонько, чтобы соседи не заметили, вышли на улицу и стали ждать, когда на дороге остановится какой-нибудь автомобиль. И вот наконец долгожданный автомобиль остановился.

- Быстрее, - крикнул Рики. Он достал из рюкзака веревку, и, как он часто делал с ребятами в Березкино, играя в ковбоев, кинул ее и зацепил за номер. И вот уже через несколько минут ребята сидели на номере. Лили никогда не бывала так высоко, и ей стало страшно. Она хотела спрыгнуть, но машина тронулась и поехала все быстрее и быстрее. Рики пытался сказать что-то Биги, но Биги ничего не слышал, кроме свиста ветра в ушах. Так они ехали довольно долго, а на повороте у перекрестка ребята спрыгнули на мягкую травку. И тут у Биги зазвонил телефон.

- Папа! Что мне ему сказать?! – испугался Биги.

- Дай сюда, - Лили выхватила у Биги телефон, - Алло, пап, привет, мы тут решили... по Москве прогуляться. Да, скоро вернемся, не беспокойтесь. Фу, кажется поверил.

Взвалив на плечи рюкзаки, муравьишки отправились по намеченному пути. Часа через два, когда солнце стало печь особенно сильно, Лили сказала:

- Все, пора перекусить.

Они устроились под большим колокольчиком и принялись за еду. Рики с интересом смотрел по сторонам. И тут его взгляд упал на большой муравейник.

- Ура, - закричал Рики, - там муравейник, муравейник. Бежим.

И он без оглядки побежал к муравейнику.

- Стой, - с ужасом закричала Лили, - это же рыжие муравьи, они нас погубят.

Но Рики уже ее не слышал. Он совсех ног бежал к муравейнику. Он представил себе, как его сейчас вкусно накормят и напоят и помогут добраться до Березкино.

- Здравствуйте, - радостно закричал Рики, и тут же был схвачен рыжими воинами.

Рики стал вырываться, но силы были не равными. Два огромных рыжих муравья затащили его в темную комнату и сказали:

- Завтра мы изжарим тебя в микроволновке и подадим с любимым соусом нашей царицы к царскому столу.

И охранники стали громко смеяться.

- А что такое микр...миро....л....новка

- Микроволновка, дурачина, и откуда только такие умники берутся! – загоготали охранники.

- Из Березкино, - ответил Рики, - там таких умных много.

Дверь захлопнулась, и Рики остался сидеть один в темноте. Он сел на пол, и под ним что-то закричало. Это были косточки какого-то несчастного муравья. Рики вскрикнул и задрожал от страха.

Тем временем Биги и Лили, спрятавшись в зарослях травы, думали, как спасти друга.

- Бедняжка, - сквозь слезы проговорила Лили, - мы ничем не сможем ему помочь.

- Не смей так думать, - и Биги стал ходить кругами.

- Чш-ш, тихо, - вдруг прошептала Лили, - кажется, охранники идут.

Биги присел и насторожился.

- Ну и глупец этот муравей, даже не знает, что-такое микроволновка, - ребята поняли, что речь идет о Рики, - ничего, посидит в темной комнате, а завтра его зажарят. Вот обрадуется наша царица! Нас точно наградят, - и они засмеялись.

- Я знаю, где находится темная комната, мы в школе изучали муравейники рыжих муравьев. Вот только как прокрасться мимо охранников?

И вот у ребят появился план.

Лили отошла подальше и стала громко кричать:

- Спасите, помогите рыжему муравью!

- Это кто там кричит? – насторожились охранники.

- Вот за тем пригорком рыжие муравьи сражаются с огромной гусеницей, а вы тут дурака валяете. Вот расскажу все вашей царице!

Охранники, услышав про царицу, кинулись к холму. А ребята быстрее ветра помчались в логово рыжих муравьев.

- Завтра буду я поджарен в миро...мило...мино....ровке, - пел тем временем Рики.

Ему было очень грустно и страшно, когда вдруг дверь распахнулась, и в луче яркого света он увидел две фигуры, отбрасывающие страшные длинные тени. Рика задрожал, он подумал, что пришли его поджаривать и бросился бегать от одной стены к другой.

- Нет, не надо, я не хочу в вашу милоновку.

- Рики, тихо, это мы.

Это действительно были Лили и Биги.

- Давай быстрее, - зашептали они Рики, - пока охранники не вернулись!

Выбравшись из вражеского муравейника, ребята бросились наутек.

- Стоять! – кричали охранники, которые поняли, что их обманули.

Но ребят уже невозможно было догнать.

Тем временем дело близилось к вечеру. Смеркалось.

- Черт, - воскликнул Биги, - у меня сел мобильник! Мама с папой будут волноваться.

- Да уж, - вздохнула Лили, - теперь у нас нет другого пути, только в Березкино.

И ребята вышли на дорогу. Вскоре остановился большой грузовик, точно такой, на каком приехал в Москву Рики, и ребята так же, как и в прошлый раз, забрались на номер, удобно устроились там и не заметили, как заснули. А когда проснулись, в небе сияла Луна, мерцали звезды, повсюду пели птицы. Машина стояла. Ребята спрыгнули на дорогу.

- Смотрите, - воскликнула Лили, - это же настоящий лес, о котором я так долго мечтала!

И это действительно был лес. Повсюду пели птицы, пахло смолой и душистыми травами. Дул легкий ветерок, шелестя листвой. А деревья покачивались в разные стороны.

- Это то самое место, от которого до Березкино рукой подать, смотрите, вот заброшенный колодец, - воскликнул Рики, - это про него мне говорил ваш отец.

- Бедный папа, бедная мама, - загрустила Лили, - они ничего про нас не знают. Я уверена, они беспокоятся.

- Так, - сказал Рики, - нечего расслаживаться, нужно быстрее добраться до Березкино.

Муравьишки снова вышли на дорогу. Они были уставшими и голодными. В этот раз машины не останавливались очень долго. Наконец, долгожданный автомобиль остановился.

- Быстрее, - закричал Рики и зацепил за номер веревку.

Он быстро вскарабкался, за ним забрался Биги, и Лили уже схватилась за веревку, когда машина резко рванула с места, и бедная Лили упала.

- Лили, Лили, - в один голос закричали Биги и Рики. Но машина быстро удалялась, и вскоре Лили исчезла за поворотом.

Биги заплакал.

- Бедная моя сестренка, теперь она точно пропадет. На нее наверняка нападут рыжие муравьи, или большая гусеница, или страшный жук. И никто ее не спасет.

- Не плачь, - строго сказал Рики, - вот сейчас приедем в Березкино и тут же организуем поиски.

- Да как же мы ее найдем? Вдруг она куда-нибудь убежит.

Рики и сам не знал, как спасти Лили, но твердо был уверен, что обязательно найдет ее.

И вот показалось Березкино. Оно совсем не изменилось. Муравейник по-прежнему стоял на том же месте.

- Прыгай, - закричал Рики, схватил Биги за руку, поскольку тот ни о чем не мог думать, кроме Лили, и они вместе спрыгнули вниз.

Родители Рики очень обрадовались, ведь их сын был жив и невредим, хотя уже прошло столько времени! Они накормили ребят обедом, выслушав рассказ. Но Биги почти ничего не ел, он думал о Лили.

- Не беспокойся, - сказал папа Рики, - сейчас мы все устроим.

И вот Биги увидел большого соловья, который слетел с березы, узнав о новой беде. Биги страшно испугался, но Рики успокоил его.

- Не бойся, это же Трилли. Он отнесет нас к Лили, а задем доставит вас домой.

Ребята сели на Трилли. Вместе с ребятами полетел и папа. Он не хотел больше оставлять Рики одного. А мама дала в дорогу много банок домашнего варенья для родителей Биги.

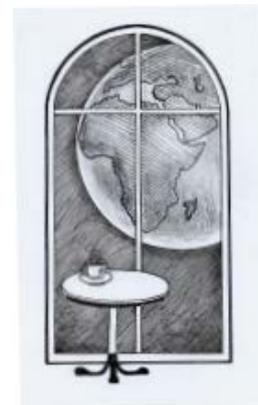
А Лили сидела на обочине и горько плакала, когда перед ней опустился Трилли с муравьишками. Сначала она тоже испугалась, но потом очень обрадовалась, увидев ребят.

Вскоре Трилли доставил беглецов в Москву.

Как же были рады мама и папа Биги и Лили, увидев детей живыми и невредимыми! Правда, ребятам здорово попало, за то, что они убежали из дома. А Рики с папой вернулся домой. Перед этим папа Биги накормил Трилли вкусными хлебными крошками, а Рики подарил мобильный телефон, чтобы ребята могли общаться. А еще он сказал, что вскоре его фирма подключит в Березкино интернет.

Так оно и вышло, и теперь Рики, Биги и Лили могут общаться по скайпу каждый день, а летом Лили и Биги приезжают в Березкино дышать свежим воздухом. Ведь Лили так нравится лес!

СТОЛИК У ОКНА*(рубрику ведет Анна Народицкая)***«ПОГОВОРИМ О ТОМ, О СЁМ,
или ЧУВСТВО ЛОКТЯ»**

Кофе в маленькой белой чашке затянулся горячей сизой дымкой. Рядом на блюдечке лежит аппетитный круассан с множеством хрустящих слоев. Но я не спешу, пусть кофе немного остынет. Смотрю в окно. Там осень. Она тихо прокралась в город, жестоко изменив палитру. Все оттенки зеленого исчезли, уступив желтому, оранжевому и кое-где красному. И только небо стало серым и невзрачным. Оно равнодушно заглядывает в окошко кафе, отражаясь в мокром асфальте.

Знаешь, я часто бываю здесь. Это маленькая и очень уютная кофейня почти в центре Москвы. Да к тому же здесь варят вкусный ароматный кофе. Я всегда сажусь за один и тот же маленький столик у окна. Хм, забавно, но к моему приходу он почему-то всегда свободен. Интересно, правда? Тут хорошо думается и можно, наблюдая за людьми, подметить много любопытного. А еще я всегда мысленно с тобой разговариваю, и мы вместе размышляем, смеемся и обсуждаем всякие забавные и не очень стороны жизни. Ну что, поболтаем?

Вот, посмотри в окно, видишь, «Ниссан» пытается припарковаться. А все места заняты, и он уже сдавал назад, в нелепых попытках куда-нибудь втиснуться, мешая движению и нервируя других водителей. Да, я «безлошадная», по мне, лучше на метро, или уж на такси, если куда-то срочно приспичило: приехала, вышла и забыла о машине. Ноль проблем. Если, конечно, не попала в пробку. От пробок страдают все. Люди ворчат: «Вот, никуда вовремя не доедешь! Москва забита, ужас! Невозможно!» И все равно покупают машины и едут, а точнее ползают в них по городу. Почему? Зачем? Не возмущайся, я не против автомобилей. Я просто хочу понять, что заставляет человека ежедневно стоять в многочасовых пробках, дышать всякой гадостью, опаздывая всюду психовать, а вечером возмущаться, как достали эти пробки? А на утро... Да-да, знаю, кто-то работает далеко от дома, кто-то перевозит неподъемные тяжести, но ведь не все же! Поверь мне, пешеходу, многое можно сделать гораздо быстрее без машины. Тогда почему? Что **Я** думаю? Сейчас расскажу тебе свою теорию, вот только от круассана кусочек откушу. Угу, вкусно. Так, вот слушай.

Я думаю, раньше, когда я была маленькой, у людей было более сильным понятие ДОМ. Люди часто ходили в ГОСТИ. И это не просто посещение друзей. Нет, это была почти церемония. Я помню то время, когда мне еще не разрешали садиться за стол вместе со взрослыми, и, тихо играя, я украдкой наблюдала за происходящим в доме. К приходу гостей мама начинала готовиться заранее: стирала пыль, до блеска натирала паркет – я помогала возить полотер, который уютно жужжал, - и в комнате появлялся

запах мастики, навевая предпраздничное настроение. Потом покупались особые продукты, из которых (я точно знала) получатся потрясающие вкусы. Во время мамино «колдовства» на кухне, по дому разносились волшебные запахи. Торжественно накрывался стол в гостиной, и наконец мама уходила в спальню. Там, у трельяжа, она «наводила красоту». Маленькая коробочка с черной тушью помогала маме красиво подчеркнуть глаза. Правда, меня всегда смущало то, что туда надо сначала плюнуть. Затем несколько уверенных движений помадой и пара взмахов щеткой по волосам. Я как замороженная следила за каждым маминым движением, восхищаясь преображением. Училась, наверное...

«ХОДИТЬ В ГОСТИ» тоже было приятно, и к этому событию готовились столь же тщательно. Выбирались цветы, вино, торт. И как-то это всё было... по-особенному, что ли. «В СУББОТУ МЫ ИДЕМ В ГОСТИ» - звучало гордо и радостно. Сейчас, к сожалению, торжественно приглашать гостей стало обременительно и, увы, немодно. Куда современнее пойти с друзьями в ресторан или клуб. Постепенно само понятие «пойти в гости» ушло, кануло в прошлое. Сегодня все «тусуются», или «проводят время». А, вспомнила, еще «зависают». Или вообще сидят дома, уставившись в телевизор, каждый в свой. Папа в комнате футбол смотрит или боевик. Мама на кухне сериал или ток-шоу, а ребенок у себя в комнате в интернете сидит. Семья... Да нет, конечно, дело не только в «ГОСТЯХ». Просто тогда, раньше, дом был тем самым теплым местом, где мы чувствовали себя в особенном мире. Более защищенными, что ли, от негатива, забот, стрессов. И семьи были сплоченнее. Само слово «семья» звучало как-то по-другому, значительнее, наверное. Много разговаривали, общались. Отдельные квартиры были не у каждого, чаще в одном доме жили по три поколения. Это не комфортно, скажешь ты. Увы, вынуждена с тобой согласиться. Но... меньше было одиночества, холода внутри. Было с кем поделиться, кому пожаловаться. А сейчас человек остается один на один со своими заботами, и даже с близкими людьми за одним столом не всегда может поделиться проблемами. Ну, зачем их тревожить! Зачем «грузить»? Все равно не помогут. Только волноваться понапрасну станут. Жизнь напряженная и люди напряженные, нервные, усталые. С самого утра и до позднего вечера. И вот человек садится в свой автомобиль и едет по делам. Причем тут машина?

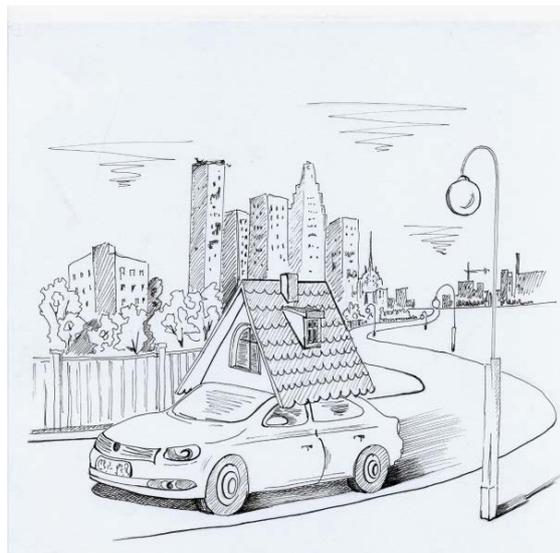

Рисунок А. Народицкой

Да нет, я не потеряла мысль, дослушай! Едет человек в коробочке на колесах, как в маленьком продолжении дома, точнее его замене, словно «растягивая» пределы безопасной зоны. Он же один борется со своими «ветряными мельницами», и ему страшно выходить за пределы «домика» в толпу. Только человек этого не осознает. Потом работа, офис и вечером снова в «домик». Там ему кажется, что он защищен. Спрятался человек от мира, от толпы, от людей, от себя. Так и расползаются по одному по своим четырехколесным «домикам», как веник по пруту. Стоят в пробках, ругаются, а выйти за пределы домика боятся. Хоть и одиноко. Вот только где человек будет энергию брать, если все время уединяется?

То-то! Даже дети не любят плакать в одиночку, неинтересно это. Машина не роскошь, а средство передвижения, как справедливо было замечено Ильфом и Петровым. Только кто об этом помнит?

Нет, у нас автомобиль является образом жизни, отражением достатка и успешности, продолжением собственного я. Ты обрати внимание, как украшают салон автомобиля. И иконки вешают, и ароматные игрушки. Чехлы на сидения красивые покупают, коврики под ноги кладут, ну прямо как дома. Да еще и музыку в довершение всего включают, ну просто полный комфорт! Я же говорю - иллюзия домика! Да, конечно, в метро с таким комфортом, как в автомобиле, не прокатишься. То толкнут, то на ногу наступят, а то и обругают еще. Все верно, но вокруг живые, теплые люди, вот где энергия! Бегут, суетятся - ЖИЗНЬ! Включи, наконец, чувство юмора! Где твое воображение?! Ведь ничего интереснее быть не может! Получил локтем в бок – радуйся, подзарядили тебя. Наступили на ногу – улыбнись, будет над чем похохотать потом. Посмотри вокруг, какие типажи, какие персонажи! Потолкаешься минут сорок, вспотеешь и чувствуешь – живу! А эмоций-то сколько! А что ты увидишь в своем автомобиле? Серое небо сквозь лобовое стекло и скучную, бесконечную ленту дороги. Ты пойми, мы же не рождаемся в коробочках, мы в них только уходим из жизни. Молча. Каждый в своей. Так зачем раньше времени туда залезать? Улыбаешься? Вот и хорошо.

Ну, все, я побежала, мне пора. Ведь я никогда не опаздываю. Пойду, потолкаюсь в метро.

Пока, до встречи!

Ваша Анна Народицкая!

СМЕХОТЕКА

Светлана Сударикова

(МОССАЛИТ, Москва)

**«ПОКА МЫ ДУМАЕМ, КАК УБИТЬ
ВРЕМЯ, ВРЕМЯ МЕТОДИЧНО УБИВАЕТ
НАС».**

Альфонс Алле

19 декабря 1915 года на последней футуристической выставке «0.10» Казимир Малевич выставил свою, пожалуй, самую знаменитую картину «Черный супрематический квадрат». Картина висела на самом видном месте. Художник уверял, что писал ее несколько месяцев, исследуя базовые возможности цвета и композиции, хотя существует версия, что картина была написана непосредственно к выставке, чтобы заполнить достаточно большое пространство. Существует еще «Красный квадрат» и «Белый» - супрематическая композиция «Белое на белом».

Если бы Альфонс Алле был к этому времени еще жив, наверняка уличил бы знаменитого кубиста в плагиате, поскольку и черный, и красный и белый квадраты уже были написаны и даже представлены широкой публике.

Увы, господин Алле не так серьезно относился к своему искусству. А зря. Возможно, именно его квадраты были бы приобретены господином Потаниным за один миллион долларов.

Альфонс Алле оставил свой след и в литературе, и в музыке, и в живописи, однако воспринимать его искусство серьезно совершенно невозможно, вероятно, потому, что он в принципе был несерьезным человеком, и юмор стал не только частью его жизни, но и непосредственно профессией. Впрочем, начинал он вполне серьезно.

Родился Альфонс Алле в семье аптекаря 20 октября 1894 года во Франции, в городке Онфлёр департамента Кальвадос. Отец видел в сыне будущего великого химика, и по окончании колледжа юный Альфонс поступает в аптеку своего родителя ассистентом. Юноша немедленно принялся за дело. Синтезировал поддельные лекарства, испробовал на пациентах плацебо собственного приготовления и даже поставил несколько оригинальных диагнозов, в одном из которых, предположив, что дама, которая пожаловалась на то, что у нее еда сначала поднимается наверх, а затем опускается вниз, проглотила лифт. Безусловно, сметливый юноша пошел бы далеко, и папа отправляет его в Париж, где Альфонс Алле и проживет до конца жизни.

В Париже Альфонс Алле поступает стажером в аптеку друга отца и попадает в привилегированное масонское кабаре «Черная кошка». Альфонс Алле продолжает заниматься наукой, вполне серьезно исследует цветную фотографию, синтезирует каучук, понемногу занимаясь литературным трудом. И в конце концов это захватывает его полностью. Альфонс Алле пишет в различные газеты и журналы, занимается одновременно и журналистикой, и литературой, пишет афоризмы («Штучки»), сказки и рассказы, публикуя их в самых различных еженедельниках. Пишет на скорую руку, не утруждая себя скрупулезной редактурой, в беспорядке, часто за столиком кафе. Он вообще не любил порядок: «И не надейтесь, я непорядочный», - заявлял он. В кафе проходит вся его жизнь. Здесь он назначает встречи, наблюдает, записывает наблюдения, чтобы поместить в ближайшем номере в юмористической колонке. Он пишет сразу в нескольких газетах («Черный кот», «Журнал», «Улыбка»), зарабатывая на жизнь. Денег ему всегда катастрофически не хватало, и время от времени он наведывался в родной город, где отец отмерял ему деньги на аптекарских весах. «Жаль, что мой отец не мясник», - искренне сетовал он.

Особенно прославился Алле виртуозной игрой слов и звука, этакой поэтической бессмыслицей, когда строки на слух звучат почти одинаково, но смысл теряется, превращаясь в словесную путаницу, и значение имеет лишь звуковой фон. К сожалению, перевести это совершенно невозможно. Для знатоков французского языка пример:

*«Par les bois du Djinn, où s'entasse de l'effroi,
Parle et bois du gin ou cent tasses de lait froid».*

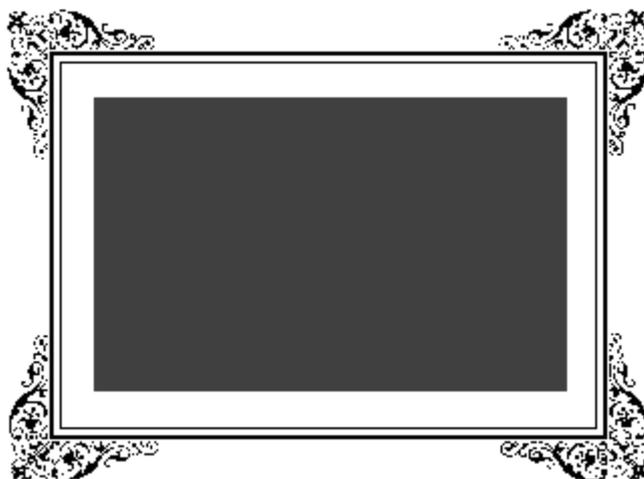
Или вот такие каламбуры:

«Печеный картофель усваивается легче, чем глиняное яблоко».

«Зерна глупости всходят чаще, чем плевелы разума».

«Победа скупости: научиться спать на соломинках, которых не видишь в собственном глазу, и отапливать квартиру бревнами, которые замечаешь в чужом глазу».

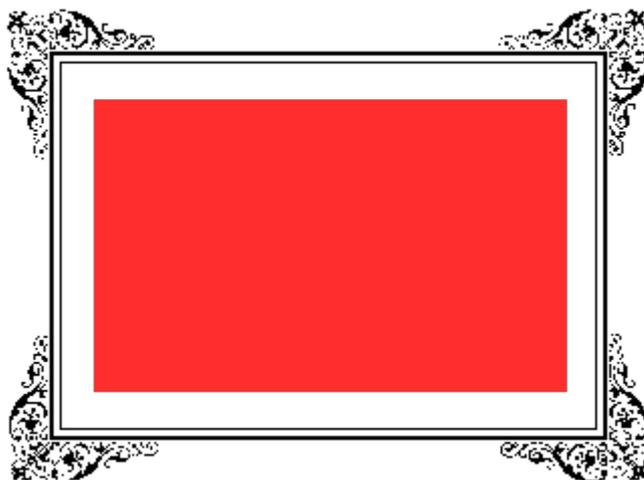
Но, как и положено человеку талантливому, Альфонс Алле был талантлив во всем. В 1882 году на выставке «Отвязного искусства» в галерее Вивьен, организованной группой «Салон непоследовательных» (группу организовал поэт и издатель Жюль Леви с единственной целью – высмеять официально признанные ценности через шутку и сатиру), было представлено полотно поэта Пола Билхода «Борьба негров в пещере темной ночью».

Восхищенный Альфонс Алле тут же написал ряд достойнейших работ аналогичного плана, таких как «Малокровные девочки, идущие в снежной буре на первое причастие» (Ну чем не «Белое на белом» Малевича?!)

«Апоплексические кардиналы, собирающие помидоры на берегах Красного моря».

Зеленое полотно «Сутенеры в самом расцвете сил, на животах в траве, пьющие абсент», синее «Оцепенение молодых солдат, в первый раз видящих лазурь Средиземного моря», бежевое «Работа с охрой желтушными мужьями-рогоносцами» и еще одно белое полотно «Хоровод пьяных в тумане».

Не был Альфонс Алле равнодушен и к музыке. В 1897 году он сочинил «Траурный марш для похорон великого глухого». Партитура марша не содержала ни

одной ноты и представляла пустой лист нотной бумаги. Это произведение было «написано» за 55 лет до известной трехчастной композиции «4'33"» американского композитора Джона Кейджа.

Умер Альфонс Алле 28 октября 1905 года от болезни легких. Врач прописал писателю в течение 6 месяцев оставаться в постели, иначе смерть неминуема. «Забавные люди, эти врачи! Они серьезно думают, что смерть страшнее, чем шесть месяцев в постели!» – сказал Алле и тут же отправился на встречу с другом в ресторан. «Имейте в виду, завтра я буду уже труп! Вы найдёте, что это остроумно, но я уже не буду смеяться вместе с вами. Теперь вы останетесь смеяться — без меня. Итак, завтра я буду мёртв!» - сказал он другу, провожавшему его до гостиницы. Так оно и случилось.

Альфонс Алле не слишком известен широкой публике. Тем не менее, во Франции существует так называемая Ассоциация Абсолютных Апологетов Альфонса Алле (сокращённо А.А.А.А.), «штаб-квартира» которой располагается в самом маленьком музее Альфонса Алле в его родном городе Онфлёре, и каждую субботу желающие могут посетить музей и улыбнуться или даже подлечиться желудочными таблетками «пур Алле», а то и поговорить по старинному телефону «Алле, Алле». Закончить статью хочется замечательными словами Альфонса Алле, так актуальными и в наше время, и в нашей стране:

«Бюрократия — это типичные микробы, о чём с ними разговаривать? Ведь мы не ведём переговоры с микробами. Мы их убиваем».

Альфонс Алле «Штучки»:

«Кофе – это напиток, от которого прекрасно спится, если его не пить».

«Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра».

«Труднее всего пережить конец месяца, особенно последние тридцать дней».

«Что есть лентяй: это человек, который даже не делает вид, что работает».

«Отъехать — это совсем немного умереть. Но умереть — это очень сильно отъехать!»

«С деньгами даже бедность переносится легче».

«В жизни часто случаются такие минуты, когда отсутствие людоедов ощущается крайне болезненно».

«Нужно быть терпимее к человеку, всё же не будем забывать о том, в какую примитивную эпоху он был сотворён».

«Как говорила вдова человека, умершего после консилиума трёх лучших врачей Парижа: «Но что же он мог сделать один, больной, против троих — здоровых? ««.

СМЕХОТЕКА

*Илья Криштул**(Москва)*

МОСКВА

(из цикла «Великие города мира»)

860 лет назад по распоряжению Юрия Михайловича Лужкова была основана столица нашей Родины город-герой Москва. Сначала это был маленький населённый пункт, в нём жила дружина князя Долгорукого с жёнами да местные, которые ещё не знали, что стали москвичами. А когда узнали, очень этим загордились и придумали сначала прописку, потом регистрацию и четыре тысячи долларов метр. За это москвичей сразу не полюбил остальной народ и несколько раз сжигал весь город. Жгли все – татары, французы, братья-славяне... Но москвичи отстраивались заново, причём сами, без помощи турок и молдаван. В те давние времена они ещё умели это делать своими руками. Секрет строительства домов без участия турок и молдаван, к сожалению, утерян. Или украден молдаванами. А Москва после каждого пожара становилась всё краше. В ней появились первые достопримечательности – Черкизовский рынок, 3-е транспортное кольцо и метро «Выхино» в час пик. Кроме них к московским красотам относится подземный переход под площадью трёх вокзалов, автовокзал на Щёлковском шоссе и, конечно, Кремль. Кремль - это сердце Москвы. Капотня – лёгкие, оба Бутова – отбитые почки, а Измайлово, судя по лицам жителей, давно и неизлечимо больная печень.

Шли года. Москва превратилась в огромный мегаполис, в который рекой льются деньги и бомжи. Видимо, бомжи деньги привозят, прячут их, забывают, куда и идут спать в последние вагоны метро, несмотря на турникеты. Турникеты, кстати, изобрели тоже в Москве. Особенно нужны они в трамваях, которыми пользуются исключительно бабушки. Куда они постоянно ездят в количестве, равном количеству сидячих мест, это загадка, над разгадкой которой бьются многие исследователи. Ближе всего к истине предположение, что до конечной остановки и обратно. Главное, что турникеты бабушкам не страшны, у них специальные проездные с фотографиями. А вот зайти в трамвай человеку с улицы стоит 25 рублей и 40 минут в очереди, так как бабушки никуда не торопятся. К счастью, не только турникетами славна наша столица. Всем известно, что в Москве обитают самые добродушные и гостеприимные милиционеры страны. Мимо них невозможно пройти бесплатно. Это искусство, которым владеет далеко не каждый москвич, что уж говорить о гостях столицы. Но Москва - это не только милицейское гостеприимство. Москва - город, который приносит людям счастье. В Москве Наташа Королёва встретила Тарзана, а маленький Юрочка Куклачёв – свою первую кошку. В Москве нашёл работу В. В. Путин, а

скульптор Церетели обрёл вдохновение и мастерскую. Как изменились улицы, украшенные его творениями! Как красив и высок Петр Первый! Говорят, что в голове Петра находится двухуровневый боулинг-центр, а в мизинце правой руки купил себе квартиру Роман Абрамович. Недалеко от Москвы расположена и знаменитая Рублёвка с её нефтяными фонтанами и газовыми факелами, где можно вкусно отобедать за 5000 долларов под пение живого Элтона Джона. И именно в Москве открылись самые крупные в Европе «Икеа» и «Ашан», «Мега» и «Арбат Престиж». В этих магазинах надо жить, что, кстати, многие москвичи и делают. Но всё-таки не магазины являются лицом столицы. Недалеко от ресторана «Correa's» можно обнаружить Третьяковскую галерею, на задворках ЦУМа стоит Большой театр, из бутика «GiorgioArmani» виден Собор Василия Блаженного, а из одного ночного клуба даже краешек Пушкинского музея. В окружении такой красоты не хочется ни хамить, ни обманывать, поэтому в Москве вам никогда не нахамят и вас не обманут. Убить убьют, хотя это запрещено. Но, к сожалению, запреты в Москве не приживаются. Стоит мэру столицы что-нибудь запретить, как это что-нибудь появляется везде и в удвоенном количестве. После последних запретов теперь у каждого казино, на платных парковках стоят девушки лёгкого поведения с шаурмой в руках, при этом распивая пиво в общественных местах и торгуя с рук собой же. А гей-парады проходят в лучших концертных залах. И во всех подземных переходах грузины продают молдавские вина из «Боржоми». Может, попробовать запретить в Москве море, пляж и обнажённых мулаток?..

БОЛОГОЕ

(из цикла «Великие города мира»)

Город Бологое является самым таинственным городом на нашей планете. Он по праву занял своё место рядом с такими загадочными явлениями, как рисунки в пустыне Наска, падение Тунгусского метеорита, посадка НЛО во дворе наркологической больницы города Хабаровска и беременность замужней женщины из Брянска от снежного человека. Дело в том, что город Бологое никто никогда не видел при дневном свете. Российские учёные опросили свыше 10000 человек на Московском вокзале в Санкт-Петербурге и на Ленинградском в Москве. Полученные результаты поражают воображение. 10 % опрошенных заявили, что город Бологое бывает только ночью. Оставшиеся 90 % не поняли вопроса и просили пива. Были опрошены также проводники поездов, курсирующих между двумя столицами. Никто из проводников не видел Бологое днём. Мало того, никто из них никогда не встречал людей, сходящих на этой станции. После многочисленных обращений учёных в Администрацию Президента судьбой города заинтересовались ЦИК, ФСБ и завод по производству фонариков. И вот что им удалось выяснить. Город Бологое существует. Он состоит из здания вокзала и нескольких ларьков, торгующих пирожками, сигаретами и ещё чем-то, что разглядеть не удалось. В городе живут шесть человек, из них четыре – милиционеры. Дальше, по словам членов специальной комиссии, начался лес и вагон-ресторан закрылся. Главное, что удалось рассмотреть – в Бологом действительно была ночь, в то время как через три часа в Санкт-Петербурге – день. Обратный путь члены комиссии решили проделать на самолёте, но их постигла неудача – все места у окошек оказались заняты и наблюдения сорваны. Деньги на вторую экспедицию выделены не были. Между тем от некоторых членов комиссии довелось услышать предположение, что, скорее всего, Бологое является международной столицей вампиров, которые, как известно, боятся солнечного света. Они появляются по ночам и сосут кровь у пассажиров проходящих поездов, поэтому у них, у пассажиров, всегда с утра очень

плохой вид. Но вампиры вампирами, а неужели правительству России, депутатам, другим ответственным лицам безразлична судьба российского города? Ведь под покровом ночи в Бологом могут совершаться серьёзные правонарушения, такие, как уход от уплаты налогов или торговля контрафактными петардами. Также совершенно непонятно, как там осуществляется призыв в Вооружённые силы и регистрация браков, работает ли в Бологом ячейка «Единой России» и зоопарк, какова ситуация с нарушителями правил дорожного движения - кто их штрафует, на сколько и где деньги. Между тем к Бологому уже проявляют интерес различные международные организации. Недавно, например, на границе Московской области были остановлены 6 «Газелей», в которых находились граждане Китая. Учёные, как они представились, направлялись в Бологое с целью проведения эксперимента по продаже итальянских джинсов отличного качества. Пока милиционеры совещались, учёные исчезли вместе с «Газелями», а на границе Московской области появился рынок джинсовой одежды, на котором торгуют исключительно жёны милиционеров. Куда пропала научная экспедиция из Китая? Откуда у жён милиционеров появились джинсы? Что происходит в Бологом днём? Как проходит там реформа ЖКХ? На эти вопросы ответов пока нет. Город Бологое продолжает хранить свои тайны, будоража умы искателей приключений со всего света...

РЕЗЮМЕ

соискателя на получение должности главного юриста Гусева Б. С.

Я, Гусев Б. С., родился в тихом и зелёном городе Москва в 60-х годах прошлого века, где и живу почти в центре по индексу 105043. Уточнить дату рождения можно у моего нынешнего работодателя, директора всего общепита в кафе «Лакомка», хоть он и не говорит по-русски, но человек очень хороший и паспорт обещал вернуть. Участковые (милиционер и доктор Сергей Николаевич) мною в известность по поводу паспорта поставлены, а я в свою очередь поставлен ими в известность на учёт в каком-то заведение с окнами, они сказали, что это биржа труда. Непонятно только, почему на бирже труда мне колют болезненные уколы и заставляют пить несладкие таблетки, а из работы предложили только мыть полы в женском туалете, на что я с радостью согласился, но до обеда, потому что потом я в «Лакомке» нужен, там тоже полы после обеда грязные, посетители столько грязи нанесут, что ужас.

Школу я окончил в 1998 году уже разведённым мужчиной и сразу поступил на юридический факультет МГУ на должность слесаря-сантехника. Окончив в 2000 году МГУ на той же должности за мелкую кражу, я начал работать главным юристом и уже в 2002 году в списке самых богатых людей мира, составленным журналом «Forbes», занял почётное 5 879 432 574 место с годовым доходом 4156 рублей 54 копейки, на 53 копейки опередив свою жену-сожительницу Зину, тунеядку и проститутку. За время работы главным юристом я сменил 145 организаций и принял участие в 145 судебных процессах, которые проиграл, приобретя огромный судейский опыт. Этот опыт пригодился мне в моих последующих 57 процессах, которые я тоже проиграл, опять приобретя опыт, сын ошибок трудных (да, стихи я тоже пишу). После этого главным юристом в Москве меня на работу не брали даже дворником на рынок, зато хорошие случайные знакомые предложили должность главного бухгалтера в компании «Иванкорп», которая занималась всяким бизнесом. Спустя три месяца там чего-то случилось, и компания «Иванкорп» прекратила заниматься всяким бизнесом, а меня отправили в важную командировку в Читинскую область, где я и провёл последующие три года общего режима с конфискацией. Во время командировки я познакомился со

знаменитым экономистом Ходорковским, который охотно начал заниматься со мною математикой, экономикой и юриспруденцией. Через три минуты после начала занятий г-н Ходорковский предложил мне выкопать подземный туннель до Израиля и покинуть Читинскую область с целью продолжения образования в Иерусалимском университете, так как я чертовски талантлив. Копать я начал незамедлительно, потому что когда ещё побываю в Израиле, но ко мне сразу подошли неизвестные мужчины в форме, поинтересовались здоровьем и сделали физическое замечание резиновыми дубинками, после чего я попал в больницу и в командировку уже не вернулся, а вернулся в Москву на свою жилплощадь по указанному выше индексу с целью получения инвалидности, которая у меня и так была после падения с высоты собственного роста по пьянке во втором классе. Из документов к этому времени у меня были военный билет моей жены-сожительницы Зины и её же детские рисунки, по которым устроиться на работу оказалось очень сложно. Меня последовательно не взяли главным юристом в Кремль, в патриархию, в Думу и в ФСБ, поэтому я и вынужден работать в кафе «Лакомка» просто юристом, но со странными обязанностями.

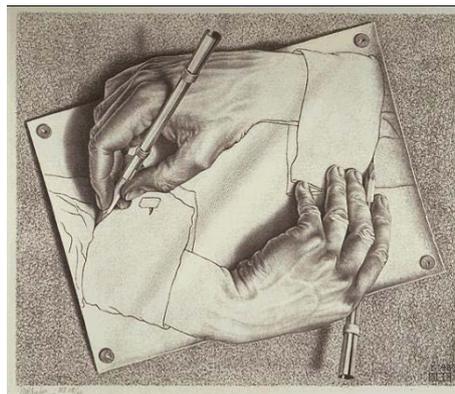
Уважаемый Барак Обама! Взяв меня на работу главным юристом США, Вы приобретёте не просто ценного и толкового работника, имеющего огромные связи в деловом мире Первомайской улицы (Ваня с 28 квартиры, Руслан из 33), но и кристально честного человека, любящего рэп, баскетбол, афроамериканцев и всегда стоящего на страже всего. Ведь люди типа меня, входящие в список самых богатых людей журнала «Forbes», о чём я уже писал выше, воровать прекращают, так как уже нечего и незачем, хотя лишний рубль никогда не помешает. И не забывайте, что я приеду к вам из страны, в которой ведётся суровая борьба с коррупцией и за взятки сажают всех, невзирая на должности. Даже депутата за взятку могут посадить на место мэра или губернатора, а самого мэра или губернатора сошлют в ссылку в далёкую, а если взятка большая, то и в тёплую страну.

И последнее. Зарплата в 4 (зачёркнуто) 5 (зачёркнуто) 7 тысяч рублей (зачёркнуто) долларов (зачёркнуто) евро (зачёркнуто) 8 тысяч в какой-нибудь достойной меня валюте, плюс еда, одежда и проживание у Вас в Белом Доме меня вполне устроит. Жену-сожительницу Зину я могу взять с собой, но если у вас там есть чего поновей, посимпатичней и без запаха, в наказание она знает за что оставлю в Российской Федерации и буду навещать по средам чартерными рейсами, но не каждую неделю, я же не железный. Резюме это передаю с оказией через одного знакомого грузина по кличке Армянин, его всё равно из России высылают и он в Ваши края собирается поработать. Вы ему там помогите первое время, но барсетки, свою и жены, подальше держите, он в основном по ним работает. Прошу отметить мою изумительную грамотность, которой я достиг, ежедневно анализируя сказки народов Севера в туалете на Ярославском вокзале. Жду от Вас положительного решения по телефону 367-47-21 добавочный 2, Ирина, звонить после обеда, позвать Нину Сергеевну, а она уже позовёт меня, если я не пьяный. С уважением, искренне Ваш, Гусев Б. С., родившийся в тихом и зелёном городе Москва в 60-х годах прошлого века.

Записки на манжете

Ирина Чижова

(МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВОРОН

*Все кошки – мои сестренки,
все вороны – мои подружки.*

Один

Однажды на прогулке в Таврическом саду увидела, как ворона играет. Это происходило так: держа в клюве хлебную корку, ворона набирала высоту, затем, сложив крылья, камнем бросалась вниз, одновременно выпуская хлеб из клюва. В стремительном полете к земле она обгоняла корку, подныривала и, оказавшись ниже своей игрушки, немислимым образом поворачивалась на спину и в полете вверх лапами в какой-то миг умудрялась снова схватить хлебный кусочек клювом! По-моему, это был переворот Иммельмана. Потом она возвращалась в прежнее положение, и все начиналось сначала. А ее подружка кружила рядом, наблюдала за игрой. Наверное, мечтала поступить в школу высшего вороньего пилотажа...

Два

Однажды на прогулке в Ржевском лесопарке увидела – и услышала – большую стаю ворон. Они сидели на деревьях и долго перекаркивались-переругивались. Потом вся стая улетела, а одна ворона осталась. Через некоторое время она каркнула, но ей никто не ответил. Она еще раз подала голос – опять тишина, и тут я шутя возьми и каркни дважды. И она, словно обрадовавшись, ответила точно таким же количеством «кар». Я каркнула трижды – и она трижды! Я дважды – и она дважды! Так мы и забавлялись, пока ворона не решила прервать диалог. Снялась и улетела, посчитав, видимо, что все уже сказано.

Нелегкое это дело – вороньим голосом вещать, до самого вечера горло саднило.

Три

Однажды, глядя в кухонное окно нашей квартиры на Пороховых, мы увидели невероятную картину. Ворона не просто играла, она БАЛОВАЛАСЬ – висела вниз головой на проводе, протянутом между домами! Да-да, именно так: висела, уцепившись когтями за провод и расслабив крылья, которые болтались ниже ее головы. Наверное, играла в летучую мышшь, и если бы ей удалось крылья сложить, она могла бы вполне за нее сойти. Долго так висеть сложно – птичьи лапы к этому не приспособлены, поэтому она отцепилась, делала новый заход и снова повисала. Ее покачивало ветром, от чего она получала двойное

удовольствие. Вороны вообще любят кувыряться в потоках сильного ветра. Такие они озорницы!

Эту историю наши дети даже проиллюстрировали, рисунок где-то до сих пор лежит. Дома в аксонометрической проекции пришлось чертить мне, а они дорисовали провода и ворону вниз головой. Кстати, на этом же проводе долгое время висело ведро из-под краски. Как оно там оказалось?..

Четыре

Однажды по весне мы заметили ворону в гнезде на березе, что растет около нашего дома на Пороховых. Нос в одну сторону – хвост в другую. Умиление. Так она и просидела сколько надо; как положено, птенцы вылупились, и гнездо опустело. Следующей весной видим, опять сидит, нос в одну сторону – хвост в другую. Смотрим, радуемся, вот-вот птенцы появятся. Но на этот раз что-то она засиделась. Уже и лето настало, а она все сидит и сидит в том же положении. Померла, значит. Осенью листья с березы облетели, и всю зиму в гнезде были хорошо видны потрепанные перья. Снова настала весна. И что вы думаете? В один прекрасный день мы разглядели в гнезде живой нос и живой хвост уже другой вороны. Сидит, как ни в чем не бывало, а снаружи, на краю гнезда как будто маленький черный плащик висит, на ветру колышется. Присмотревшись, мы поняли, что это наша бывшая знакомая трепещет на ветру, осталась от нее только пара

крыльев, вот они и зацепились за прутик, когда новая хозяйка гнездо чистила.

Кстати, этот печальный эпизод и положил начало моим «запискам на манжете».

Пять

Однажды в своей квартире, все в том же доме на Пороховых, я решила отвадить голубей, которые облюбовали парапет лоджии со всеми вытекающими последствиями... В интернете нашла описание всевозможных сеток и разных других приспособлений, которые можно натянуть или приклеить в нужном месте. Но, во-первых, эти приспособления рассчитаны на использование в масштабах куда больших, чем одна моя лоджия, во-вторых, их у нас в розницу не продают, в-третьих, установить их можно только с помощью промышленного альпиниста ... К тому же голуби умудряются враскорячку между шипами усесться, в чем можно было убедиться по приведенным фотографиям римских памятников архитектуры...

И вот на каком-то форуме прочитала, что отлично отпугивает голубей чучело совы, еще лучше – вороны. Решение найдено, ура! Но купить такое чучело оказалось не проще. Настоящее, то есть сделанное таксидермистом, не подходит: стоит недешево, под дождем и ветром долго не прослужит. Еле нашла в каком-то охотничьем магазине то, что нужно, попутно узнав, что эти пластмассовые фигурки называются смешным словом «чучАлка». Вообще-то такие чучалки используются при охоте на гусей: их закрепляют в нужном месте, а так как вороны очень умные и осторожные птицы, гуси думают, что тут бояться нечего и садятся рядом. Вот такая охотничья хитрость.

Заказала чучалку из Финляндии. Через некоторое время приезжаю в магазин, за прилавком три дяденьки. Здрасьте, говорю, я за вороной. Они спрашивают – за тремя? Нет, говорю, три мне не надо, мне одну, голубей на лоджии отпугивать. Они смеются: девушка, ну возьмите хотя бы двух, ведь две вороны в два раза больше голубей отпугнут!

Очень хорошая оказалась ворона, как живая. Прикрепила я ее на парапет, и – о чудо! – голуби садиться перестали!!! Что голуби, я сама долгое время вздрагивала, входя в комнату и видя за окном черную птицу.

Спасибо, чучалка!

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Москва)

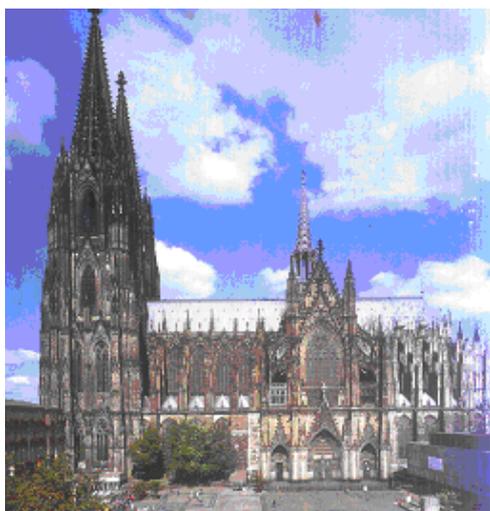
*Город Кёльн будет стоять и процветать
до тех пор, пока будет строиться
Кёльнский собор*

(Легенда)

ЖЕМЧУЖИНА КЁЛЬНА

Не сомневаюсь, что каждый турист, попавший в Германию, обязательно запланирует поездку в прекрасный город Кёльн. И не только, чтобы познакомиться с историей этого издревле торгового, экономического и культурного города Европы, с импозантной панорамой которого мы неоднократно встречались на старинных полотнах и пейзажах...

Честно признаюсь, что целью моей поездки было прежде всего осуществить давнее желание: увидеть, посетить Кёльнский Собор - жемчужину Кёльна, крупнейший собор Германии и один из самых больших соборов в Европе.

*Кёльнский Собор святых Петра и Марии**

Конечно, невозможно передать словами возникающие эмоции и тот восторг, которым переполняешься от созерцания этого величия, - такое надо прочувствовать!

И вот наша туристическая группа из Дрездена прибывает на главный вокзал Кёльна. По пути экскурсовод очень подробно *подпитала* нас информацией о достопримечательностях и истории этого города. Высота и красота Собора зачаровывала и приковывала взгляд ещё задолго до въезда в Кёльн... Мы узнали, что находится Собор в 50 метрах от дверей вокзала. Тем не менее при выходе на шумную привокзальную площадь мы некоторое время находимся в оцепенении от увиденного...

Шедевр готической культуры - Кёльнский Собор Святых Петра и Марии поражает своим величием, монументальностью и вместе с тем лёгкостью и изяществом, ажурностью устремлённых ввысь форм...

* В статье использованы фотографии З. Кокориной

Девять часов утра. У стен и главного входа в Собор туристов встречают артисты, предлагающие развлекательные программы, и «живые статуи» времен Древнего Рима и Средневековья, в ожидании желающих сфотографироваться с ними. Время нашего посещения Собора 11-00, а пока мы едем знакомиться с городом.

Автобус, лавируя между забавными паровозиками-трамвайчиками и всевозможными закулочными, сплошь заполнившими всё свободное пространство вдоль дорог этого района, с трудом пробирается к центру. Расположен Кёльн на берегу живописной реки Рейн между Франкфуртом и Амстердамом. Выгодное географическое положение на одном из главных торговых путей в немалой степени способствовало его росту. Кёльн, с миллионным населением, занимает четвертое по величине место в Германии после Берлина, Гамбурга и Мюнхена. В высших учебных заведениях Кёльна обучаются десятки тысяч студентов.

Ежегодная художественная ярмарка Арт-Кёльн признана самой большой ярмаркой искусств Германии.

В начале XVIII века эмигрант из Италии Иоганн Мария Фарина придумал новую ароматную смесь, назвал её в честь города Кёльна – Eau de Cologne - одеколон... Знаменитое пиво Кёльш, сваренное по особому рецепту, *льётся рекой* на многочисленных кёльнских фестивалях, ярмарках и гей-параде. Кёльш – это и местный диалект.

Контакт с торговцами и путешественниками на протяжении 2000-летней истории города научил жителей легко и терпимо относиться к индивидуальностям. Это делает город гостеприимным. Все туристы, вне зависимости от происхождения, политических и моральных взглядов, чувствуют здесь себя легко и свободно. Заметно преобладание турецкой нации (40% приезжих, или 8% общего населения города).

Терпимое отношение к различным меньшинствам с давних времён отличает Кёльн от ряда других городов. Здесь находится одно из самых активных объединений геев, а также самое большое лобби лесбиянок и гомосексуалистов в Германии. Здесь проходит самый большой гей-парад в Германии - «День Кристофер-Стрит».

До Второй мировой войны жители Кёльна в основном были католиками, потом они разбавились беженцами из Восточной Германии. Теперь католиков примерно сорок процентов, около двадцати процентов – протестанты, остальные жители исповедуют другие религии или не религиозны вообще. Влияние католицизма в городе всё ещё достаточно велико, особенно заметно это во время Карнавала.

Во второй половине дня (к вечеру) наша турпоездка продолжится прогулкой на большом катере по Рейну вдоль его живописных берегов...

А сейчас, после двухчасовой поездки по городу, мы высаживаемся недалеко от порта и направляемся к Кёльнскому Собору. Огромные башни его видны практически из любой точки города. При взгляде на крышу и башни Собора город и небеса сливаются в единое целое. Сверкая в лучах солнца, над городом возвышается золотой

*Западный фасад
Кёльнского Собора с башнями,
верхушки которых возвышаются
над всеми зданиями города*

крест Собора. Потрясающее впечатление производит вид Собора в вечернее время, благодаря зеленоватым отблескам подсветки на тёмном камне.

Самым большим колоколом Кёльнского Собора (а всего их 11) и самым большим *действующим* колоколом в мире является «Петер» (вес 24 тонны).

Он отлит сравнительно недавно, в 1923 году, из металла пушек, захваченных у французов в 1871 году.

К готическим относятся памятники архитектуры XII и XVI, а отчасти XV и XVI веков. Сам термин «готический» приписывают Рафаэлю. Позже этот стиль стали называть «стрельчатым». В Германии это искусство глубоко укоренилось, и потому готический стиль стали называть, вполне обоснованно, «немецким» или «германским». Наиболее характерные произведения готики – это грандиозные, лёгкие, как бы устремляющиеся, возносящиеся к небу соборы. Таким и предстал пред нами Кёльнский собор – Дом.

Собор был средоточием духовенства и служителей церкви средних веков, что и способствовало культурному росту города. История Кёльнского Собора восходит к XIII веку. Тогда было решено построить на месте существовавшего с IX века и сгоревшего старого собора новый храм. Горожанам хотелось иметь свой кафедральный собор, подобный великолепным французским храмам, но превосходящий по размерам и затмевающий их по красоте. Храм в Амьене послужил вдохновляющим примером для архитектора Герхарда фон Риле, отсюда он и заимствовал план.

Была и другая причина для начала строительства Собора. Райнальд фон Дассель, канцлер и военачальник императора Фридриха Барбароссы, получил от императора в благодарность за боевую помощь при покорении Милана останки Святых волхвов. В 1164 году Дассель с триумфом ввёз реликвии в Кёльн. В течение следующих десяти лет для них изготавливался специальный саркофаг из серебра, золота и драгоценных камней – рака Святых волхвов, одна из самых драгоценных реликвий христианства. Эти реликвии хранятся в сокровищнице кафедрального собора.

В 1248 году был заложен первый камень в основание Кёльнского Собора.

С этого времени началась одна из самых длинных глав в истории европейского строительства. В 1322 году был освящён собор, который уже в годы его создания рассматривался как чудо искусства. Вокруг Собора постоянно ведутся работы. Жители города говорят, что, **сколько будет строиться Дом, столько будет жить Кёльн.**

Теперь кёльнский Собор представляет собой огромную пятинефовую * базилику из красного камня трахита, площадью около 8500 кв. м. Длина собора 144 метра, ширина трансепта ** - 83 метра, высота здания до гребня крыши – около 60 метров. На западном фасаде собора расположены две колоссальные башни, увенчанные остроконечными шпилями. Они поднимаются на высоту 157 метров.

Для украшения фасада, башен и порталов были изготовлены сотни скульптур, отлиты огромные бронзовые ворота. Для остекления окон потребовались многие квадратные метры витражей.

Налюбовавшись внешним видом Собора, мы устремляемся к центральному portalу, чтобы войти в Дом.

Портал св. Петра, в южной башне – единственный портал Собора, сооружённый еще в средние века. Поражают необычайной выразительностью внутренние статуи дверного откоса и дверной арки, множество фигур в арочных маршах, созданных руками выдающихся скульпторов династии Парлеров. Кёльнским скульптором Пётром Фуксом в XIX веке для западных порталов собора было создано около 700 скульптур.

Служба в соборе ещё продолжалась. Наша группа вместе с огромной толпой туристов, желающих попасть внутрь, стояла в вестибюле, зачарованно созерцая

издали интерьер собора и *королевские витражи* (высота 17 метров) с изображением 48 святых Королей попеременно на синем и красном фоне (1300-й год).

Огромный зал-неф был заполнен посетителями, сидящими на деревянных с высокими спинками скамьях, поблёскивающих перламутрово-коричневой полировкой. Служащие-монахи в бордовых одеяниях прочно расположились спиной к крайним сидениям в зале, дабы не пропустить в зал до окончания службы вновь прибывших. Между монахами - большие урны для пожертвований. Служба закончилась. Очень тихо и как-то совсем незаметно рассосалась публика из зала. Вновь прибывшие туристы с фотоаппаратами и изумлённо-завороженными взорами ринулись знакомиться с внутренним пространством собора.

Играющий всевозможными расцветками свет витражей, горящие свечи, блеск драгоценных камней и золота... Хочется восклицать от увиденного!

Главный неф с органом

Но здесь не принято громко восторгаться. Здесь тихо разговаривают, медленно ходят – царит благоговейная тишина.

Кёльнский Собор – не только место проведения церковных служб. Для человека вне религии собор прежде всего – музей, где за долгие столетия собрана богатейшая коллекция картин, скульптур и драгоценностей. Поражают великолепием цветные средневековые витражи окон, живопись старых мастеров, гробницы архиепископов, готические скульптуры, фрески, искусная резьба по дереву...

Крест Геро

Грандиозность внутреннего пространства Дома ощущается не только благодаря внушительным абсолютным размерам, но и вследствие нарочитого перепада высот (средний неф в два с половиной раза выше боковых), огромного количества капелл, включенных в интерьер, разных уровней расположения нефа и хора. Стены, своды и пол собора выложены из рейнского камня.

Всё внимание сразу устремляется к крестовому алтарю, в центре которого находится скульптура «**Крест Геро**», изображающая распятого Христа.

Впечатляет это распятие не столько монументальным размером креста (около двух метров), сколько необычным для того времени величайшим реализмом изображения. Необычность исполнения в пластичности, трогательности фигуры Иисуса. Слева от распятия находится вход в небольшую капеллу - хранилище лучших произведений Собора. Сюда приходят, чтобы побыть наедине с самим собой, попросить о чём-то сокровенном, помолиться.

Внутреннее убранство капеллы располагает к созданию определённого настроения.

Центральным живописным произведением, украшающим Кафедральный собор, является *Алтарь покровителей города*.

Он был создан около 1445 года, а в собор перенесён лишь в 1809 году. Это триптих. В центральной части изображены волхвы, пришедшие со своей свитой на поклонение к Христу-младенцу и преподносящие ему богатые дары. На этой картине Мария и Иисус представлены не в Вифлеемском хлеву, а восседающими на троне. На

створках алтаря изображение двух великомучеников: слева - святая Урсула со своими девами, справа – святой Гереон с солдатами-мучениками Фиванского легиона.

Считается чудодейственной и глубоко почитаемой верующими скульптура «**Миланская мадонна**». Её фигура, с младенцем на руках, исполнена грациозности и достоинства. Даже после того, как на смену реставрированной Миланской мадонне пришла скульптура с явно выраженной декоративностью, эта фигура является самым прекрасным изображением богоматери в Соборе. Об этом свидетельствует количество зажженных возле неё свечей.

Незабываемую картину создаёт великолепие средневековых витражей на библейские темы: «Три волхва», «Св. Пётр и родословная от Христа», «Троица», «Рождение Христово». В верхнем алтаре, облицованном чёрным мрамором, фигуры пророков, апостолов и святых, «Коронация Марии на небе».

В шестигранном здании, стоящем на основании собора, хранится коллекция наиболее ценных реликвий. Эта **палата святынь** отделана, как ларец, бронзовыми пластинами. Между ней и собором находятся входы в сокровищницу и киоск собора.

В подземное помещение сокровищницы ведёт лестница. Палата святынь перекрыта на верхнем этаже стеклянным потолком, через который открывается вид на собор. В центре помещения стоит ларь **св. Энгельберта**, в котором с 1663 г. находятся его мощи (умер в 1223 г.) .

К числу наиболее ценных реликвий собора относятся посох св. Петра, дароносица св. Петра и ларь с мощами трёх волхвов (королей). Основные сокровища собора выставлены в витринах со специальной подсветкой в сводчатых помещениях подвального этажа. На этом же этаже расположено помещение с оригинальным деревянным корпусом ларя с мощами трёх волхвов и библиотека с собранием наиболее ценных рукописей. Только вкратце можно перечислить хранящиеся здесь сокровища, такие как: готический церемониальный крест из Санкт-Колумбы; готический епископский жезл; цепь (три звена), которой, согласно легенде, был прикован св. Пётр; реликвии и бюст св. Себастьяна; эпитафия Якоба Кроя и множество разной утвари и украшений – шедевров ювелирного искусства, заканчивая периодом барокко. Две крутые винтовые лестницы - 509 ступенек каждая – ведут на колокольни, устроенные в средних ярусах, обрамляющих фасад башен. Отсюда, с высоты около ста метров, пред нами открылась великолепная панорама Кёльна и окрестностей.

Вечером мы вернёмся сюда послушать концерт, насладиться звуками органной музыки. Чувство постоянного внутреннего подъёма и восторга сопровождало меня все часы, проведённые в этом святом Доме. Не покидает ощущение, что я обязательно должна снова побывать здесь, чтобы ещё и ещё раз соприкоснуться с этим величием, с его шедеврами, взглядеться в витражи, побыть наедине со своими мыслями. По сей день при воспоминании о посещении этой святыни мне кажется, что у меня вырастают крылья...

В 1966 году Кёльнский Собор был включён в список охраняемых памятников всемирного наследия. 5 июля 2004 года комитет всемирного наследия ЮНЕСКО включил собор в список объектов всемирного наследия, оказавшихся под угрозой.

* **Неф** - продольная часть христианского храма, обычно расчлененного колоннадой или аркадой на главный, более широкий и высокий неф и боковые нефы (по одному или более).

** **Трансепта** - поперечный корабль в церквях с планом в виде неравноконечного креста, пересекающий собою главный, более продолговатый корабль под прямым углом и выступающий концами из общей массы сооружения.

Новые издания авторов МОССАЛИТА (на правах рекламы)

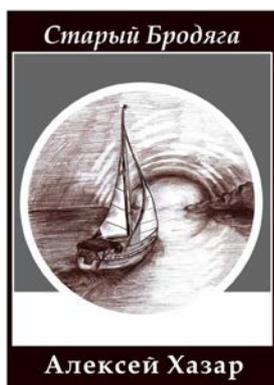
В различных издательствах Москвы вышли в свет книги наших авторов, которые мы рекомендуем непременно прочитать. Вашему вниманию представлены разнообразные жанры: юмор, лирика, стихи для детей и даже путешествия.

Зинаида Кокорина
«Птица вольная»

Андрей Парошин
«Небылицы»

Алексей Казарновский
«Старый Бродяга»

Дмитрий Напалков
(гость Моссалита)
«КиноэксклюзиКС: фильмы, которые помогают жить», сборник эссе о любимых фильмах.

Никита Брагин
«Пятый угол»

Ирина Егорова
«Место встреч параллельных прямых»

- *Ирина Егорова и Алёна Чубарова пьеса «Мешочек соли»*

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© 2011, МОССАЛИТ